

Евгений Николаев

Моя Новороссия

Записки добровольца

© Евгений Николаев, 2025

© ООО «Издательство АСТ», 2025

[Глава 1. Война: Цвет смерти]

Какой цвет у нас ассоциируется со смертью? В народной памяти и культурном коде эти цвета понятны и известны. Чёрный траурный платок. Бледный как смерть. Лицо бледнее савана. Зелёная рожа ожившего мертвеца. Вроде весь список перечислил.

Но в моём представлении смерть темно-оранжевого цвета. Кирпичного.

Но не красный кирпич, а грязно-оранжевый. Именно такого цвета погибшие на жаре. Чёрными они станут позже. Белые кости вообще появятся через пару месяцев. А пока они грязно-оранжевые.

Бесстыдно вылезают из одежды самыми интимными местами. И словно отдыхают от волнений этого мира. Лежат в высшей степени расслабленно. Вот он, вечный покой.

А вот череп и зубы действительно белоснежны. Удивительно, как мала эта костная коробка. Объем, который добавлял мясо, ушёл и остаётся основа. То, что омываемое дождями и обжигаемое солнцем, пролежит на земле годы. Небольшой ящик с дырами глазниц, белозубая ухмылка и ёжик коротко стриженных по армейской моде волос.

И сразу становится ясна причина войн на земле. Небольшой объём черепа не позволяет вместить в него мир. Такие дела.

И да, я видел Брэдли. Ничего особенного, просто кусок обгорелого железа...

Война нонче пошла высокотехнологичная. Каждый километр ЛБС (линии боевого соприкосновения) напичкан камерами, сигналками, анализаторами...

Ночью камера показывает не темноту, но серую картинку. Серое всё: трава, деревья, люди, небо. Царство луны и смерти. Только глаза бродячих и диких животных не серые, а алмазные. Они блестят в сером окружении, как бы подчёркивая, что их носитель жив и этим отличается от серого-неживого.

К рассвету серость на камерах становится чётче и суровее. Строгие чёрные силуэты наполнены 100 %-ной серостью. Вот как выглядит 50 оттенков серого на ЛБС, а не это ваше...

И вдруг лишний солнечный луч решает всё. Изображение на мониторе на мгновение расплывается, и мир становится цветным. Сначала расплывчатым и юным, несуразные разноцветные пятна, но уже наполненным зеленью, светом, небом, жизнью. Затем «картинка» восстанавливается, и Украина раскидывается перед тобой во всём своём великолепии. Не вся, а лишь небольшой участок фронта.

Но разве этого мало? Разве это не повод для радости и безудержного счастья? Именно ты сегодня жив. Именно ты сегодня в 04.10 утра увидел, захватил и присвоил эту метаморфозу тихой украинской ночи. В этом смысле русская армия оккупирует краски жизни Украины.

Но только в этом.

Что такое «полка»? Это кровавое наследие тоталитарного совка. Проклятые коммунисты высаживали в степях лесные насаждения, чтобы степные почвы не эрозировали и не выветривались. Лесополосы шириной в 10-15 метров, 5-7 деревьев в разрезе и кустарник между ними. Никто из коммунистов не планировал воевать в них с хохлами, это был чисто хозяйственный вопрос. Хотя среди укров бытуют и такие мнения, мол, дотянулся кровавый Сталин. А вот не было бы «полок», мы бы москалей в чистом поле бы давно разворошили уже.

Когда попадаешь на незнакомую «полку», в первую очередь надо посмотреть

наличие блиндажей и укрепов. На случай артобстрела или дронналёта. А во-вторых? Во-вторых, нужно выяснить, в какую сторону направлены выходы из этих нор. Дело в том, что направление выхода из окопа – это серьёзный маркер их принадлежности. Мы копаем укрепления выходом к нашему тылу, окопы соответственно к своему.

Если выход у норы в сторону противника, значит, мы на взятой (или ещё не взятой) «полке» неприятеля. Это и хорошо, и плохо. Хорошо, потому что ещё на сотню метров ближе к победе. Хорошо, потому что можно помародёрить импортный хабар, брошенный украинцами (отличные бронежилеты, форма, девайсы...). Плохо потому, что предстоит много работы. Обследовать местность. Провести оборонные мероприятия. Сапёрные работы. Разминирование. Плохо, потому что вокруг лежат трупы и очень скоро они начнут пахнуть.

Кстати, на определённых этапах биологических процессов запах разлагающегося поляка и запах цветения акации практически идентичен. Удивительно, но факт. Особенно если акаций много. Если наших павших мы выносим за многие километры, то «немцев» мы не хороним, особенно если это поляк. Они лежат там, где их нашла смерть. Иногда это неприятно. Особенно тогда, когда хочешь занять действительно качественный и удачно сооружённый блиндаж, а там, раскорячившись, лежит «жолнеж» и от мух не продохнуть. Даже если его вытащить, находиться в этом «помещении» ещё долго будет нельзя. Всё пропитано липкой европейской плотью. Обидно!

Но времени терять тоже нельзя. Нужно срочно искать укрытие на ночь. Потому что если днём ты уязвим для «птичек», то ночью ты уязвим вдвойне. Днём она видит тебя и ты видишь её. Шансы есть. Ночью ты её только слышишь, а она видит тебя в тепловизор. Поэтому единственный вариант – это уйти под землю. Раньше бытовала шутка, что война – это как Дикий Запад. Солдат должен бегать как лошадь и стрелять как ковбой. Этого недостаточно. Солдат – это человек с лопатой. Это человек-крот. Человек-землеройка. Я, например, могу выкопать себе убежище на ночь за два часа. Засекал.

«Тагташ» выбежал из блиндажа, бросил «покемона» на его крышу и начал строчить по сигнатурам из положения лёжа. Я наблюдал и корректировал, глядя в тепловизор.

Два украинца заматались по полю под пулемётными струями очередей, пытались добраться до укрепления. Не пригибаясь и не падая на землю и не сбрасывая тяжёлых рюкзаков, они тяжёлой походкой зомби из фильмов медленно изгибались в танце смерти, волоча за собой ноги.

Наконец пуля чиркнула по одной из сигнатур, и окоп вспыхнул, превратившись в бегущий костёр. Видимо, в рюкзаке были канистры с бензином. Вторая светящаяся на экране тепловизора красная тень обернулась на горящего и, сбросив рюкзак, как в замедленном видеорежиме побежала в укрытие. Брошенный рюкзак вспыхнул секунду спустя.

Тепловизор не показывал уже ничего кроме белого пламени на сером фоне. По полю бегал горящий человек, пытаясь скинуть с себя прикипевшие к нему клочки синтетики.

– Добей его, – попросил я «Тагташа». – Не мучай его, добей!

«Тагташ» вскочил на ноги и, издав дикий индейский крик, начал стрелять в сторону украинских позиций. По дуноному факелу он и не думал целиться.

– Пусть горит, мне вдоль хуя, мне вдоль хуя, пусть горит! – повторял он, пока не расстрелял весь БК. – Ты что, не видишь, они под наркотой? Им не страшно и не больно. Они даже не знают, что умирают. Смотри, этот даже не кричит! Горит, плавится, теряет кожу, волосы, глаза... но не кричит.

«Факел» упал на землю. И стало темно. «Тагташ» пошёл пить чай, предупредив:

второй пойдёт обратно – позови меня.

Я продолжил наблюдение в тепловизор. Деревья, трава, кусты светились в его окуляре кроваво-красным цветом. И только небо было холодным и серым. То ли от нагрузки на глаза из-за использования дешёвого китайского «теплака», то ли из-за ночного ветра или из-за чего-то другого, но из глаз потекли слёзы.

У моей «норы» медленно и мучительно умирал щенок.

Обычный сельский «дворянин» пегого окраса, с висящими ушами и умилными глазками. Он прибежал к нам на позицию из соседней деревни. Люди ушли из неё от войны, а в одиночестве щенок жить не захотел.

Перебегая «открытку», щенок попал под обстрел из 120-х миномётов. Укроп лупил по полю в тот день долго и остервенело. Зачем? Кто же его поймёт? Вряд ли они целились в щенка, считая его зрадником и сепаром. Но попали.

Щенку оторвало задние лапы и расплосовало спину до лёгких. Он дополз до моей норы из последних сил, надеясь на помощь людскую. Он смотрел на меня и, казалось, говорил: «Вот он я, весь перед тобой. Излечили меня! И я буду вечно твоим спутником в этом страшном мире...» Щенок верил в моё людское всевластие и силу.

Он лёг в кучу мусора и стал ждать чудесного выздоровления и последующей игры, и сытного обеда, и почёсывания за ухом, и добрых слов «ах ты, маленький засранец».

Видимо, собачье ухо не различает фонетической разницы между русским языком и суржилом. В этом собаки похожи на нерусские народы. Один наш военный из сибирских татар так мне и сказал, что разницы между русскими и украинцами он не видит. Мы все для него – «уруссы».

Я не мог излечить собаку. Не колотил ему человеческих лекарств. Не перевязал его. Даже пристрелить его у меня не поднялась рука.

Я только укрыл его трясущееся тельце спальником и следил, чтобы крысы не начали разбирать его ещё живого. И говорил с ним. И смотрел ему в глаза.

Он умер в тот момент, когда на его правый глаз села большая зелёная муха, а у него не хватило сил, чтобы моргнуть.

Заехали они к нам в часть одновременно. Оба добровольцы. Оба с Урала. Оба из казаков. Они как будто подтверждали фактом своего существования, что казачество – это не национальность, а сословие, так были они непохожи. Один был как рыхлый бледный пельмень, а другой напоминал чёрный армейский штык-нож. «Пельмень» взял себе позывной «Пересвет», обозначив себя как православного. Что для казаков не является чем-то особенным. Вторым «колючий», черноволосый, стройный и резкий в словах и движениях, указал называть себя «Лешим». В нём явно горел огонёк разинских анархических мятежей. И это для казачьего люда не новость.

«Пересвет» часто приходил ко мне в кубрик, вяло перебирая своими ватными ногами по комнатам ПВД, и вёл со мной душевительные разговоры. Это он так отдыхал от кровавости «Лешего». «Леший» же, обвешанный холодным и огнестрельным, бесцельно метался по длинной «взлётке» коридора и вслух мечтал об ожерелье из укропских ушей. Поначалу мне казалось, что это злая разбойничья шутка. Но потом, убедившись в том, что чувство юмора не входит в добродетели «Лешего», начал читать ему морали и обещал прострелить ему левую коленку, если увижу подобное непотребство. Он дико щерился и уверял меня, что всё сделает тихо. Так, что я даже не замечу.

В среду пришла команда «понос». Это когда вышестоящее начальство обосралось и русскому воину прибрать за ним придётся срочно.

На этот раз нужно было срочно отправиться брать очередную «Херяновку». Это мелкое степное местечко пробовали взять уже раз 20. Разные «пидроздилы» и баты. Получалось не очень. Пару раз удавалось закрепиться, но потом оттуда наших снова выбивали. Про это село пошла дурная слава. Там полегло немало добрых русских людей.

Узнав про поставленную задачу, казаки поступили совершенно по-разному. Колючий и острый «Леший» стал мягким и податливым как пластилин. Он запятисотился. Разорвал контракт и сдриснул домой. «Пересвет» же оказался пельменем из стали. Загрузил своё рыхлое тело в старый УАЗ и поехал на БЗ.

Удивительно, но в этот раз эту сраную «Херяновку» взяли «на лайте». Хорошо поработала арта, предварительно забрали высоты и обходную балку. Потерь не было. «Пересвет» долго ехал, потом долго шёл, потом долго полз, потом немного бежал, немного стрелял и немного кричал. Это всё, что он делал в тот день. Не более. Его не наградят за тот бой. Но если бы спросили меня, то я бы сказал, что «Пересвет» настоящий казак, а «Леший»... Чепуха, а не казак!

Мы шли по утренней серости через незнакомые нам «полки», на точку randevu. Карты у меня не было, приходилось рассчитывать на свою память. Наша группа состояла по большей части из детей лет 20-22, для которых это был первый боевой выход. Это внушало оптимизм.

Неожиданно на небо выпрыгнуло солнце и осветило все кругом. Мы явно запаздывали. Это ничего, подумал я, солнце встаёт обычно с востока, оно сейчас слепит украм глаза и видеоаппаратуру. Нас ещё не видно. Держа дистанцию в 30 метров, мы растянулись вдоль живописного озера, поросшего по берегам высоким тростником. Красиво и тихо. И безопасно.

Тростник скрывал нас с головой. Вся земля под ногами была набита суббоеприпасами: лампочки, лепестки, колокольчики, стрелы и т. д. Поэтому идти размашисто и равномерно не получается, приходится семенить, переступая через них. Знаками указываю идущим за мной парням места расположения замеченных мною мин.

За спиной РДшка, рюкзак, забитый минами и БК, всего в нем тридцать кг. Плюс броник на мне, ещё пятнадцать кило, плюс автомат и двенадцать заправленных магазинов. А иду я всё равно легко и упруго. Я не спал уже сутки и за весь день перекусил только половиной банки тушёнки шесть часов назад, но ни усталости, ни голода не чувствую. Это результат мобилизации организма в условиях боевого стресса.

Боевой приход. Во время этого состояния человек может не спать трое суток и не есть столько же. Только пить надо чаще. Потому, что здесь жарко. Пять утра, а уже жара. Выходим на поляну. Она появилась в результате прилёта снаряда. Что-то очень крупное. Калибр определить не могу. Вдоль тропинки лежат черепа и улыбаются. На одном из них казачьим оселедцем изящно изогнулась крупная серо-зелёная ящерица. Хвост её закрывает черепу глазницу. Она медленно им помахивает, греясь на солнце. Череп как будто подмигивает нам, живым и проходящим мимо.

Добравшись до точки randevu, мы никого не обнаруживаем, ждём связи, но её нет... Укры глушат этот район. Весь день мы слушаем пение жаворонка, жужжание дронов и вой артиллерийских прилётов. Вечерней серостью уходим на базу. Боевое задание завершено. За весь день мы не встретили ни одного живого человека. Ни наших, ни хохлов. Прошли в полной выкладке 24 км. Дети перестали быть детьми. Теперь это бойцы. Такая это война.

Как-то на рассвете я стоял на «фишке», ну то есть на часах. Охраняя вверенный мне сон своего подразделения, я сидел под навесом, замаскированным под огромную мусорную кучу. Уже было достаточно светло и вполне прохладно. Я кутался в куртку, держа свою «двенашку» у себя на коленях.

Автомат Калашникова 12-й модели всем хорош. И складным прикладом, и весом, и планкой Пикатинни, уже встроенной в его конструкцию. И сбалансирован он как надо, и кучность у него отличная. Но портит всё дебильный диоптрический прицел. Прицелиться и попасть с ним практически невозможно. Поэтому частенько и устанавливают на «двенашку» коллиматоры.

Но в этот раз идиотское изобретение спасло немало жизней. В тишине и спокойствии утра, которое не нарушалось даже птичьим пением, я услышал топот, крикание и угрожающие всхлипы множества людей, приближающихся ко мне. Это хохлячий «накат», понял я.

Через кусты, напролом, с матом и криками неслась на меня группа вооружённых людей с обезумевшими глазами. Тренировки пошли впрок, незамедлительно большим пальцем правой руки я снял автомат с предохранителя и сразу же начал выцеливать впереди бегущего. Это произошло просто мгновенно. Я принимаю бой и готов нести смерть врагу. Указательный палец мотыльком переместился с корпуса автомата на спусковой крючок...

И в этот момент за искажённой маской бегущего я узнал лицо парня с соседней точки. Он посмотрел в мою сторону, и глаза его ещё больше расширились. Он увидел меня и дуло моего «калашмата», направленного ему в грудь и, пригнувшись, рыбкой нырнул ко мне под навес. А за ним ещё четверо. В последний момент я чуть приподнял непривычный мне диоптрический прицел и пустил короткую очередь над их головами.

Они лежали вповалку у моих ног и натужно дышали, с хрипом втягивая в себя утренний воздух. Я отпрыгнул в сторону, как на учениях, перешёл в положение стрельбы сидя, перевёл автомат на стрельбу одиночными и стал выцеливать направление – откуда прибежали парняги. «Держу!» – заорал я, готовясь прикрывать их, пока они не встанут в окопчике левее меня и не начнут поливать свинцом преследующих их неприятелей. Но они продолжали лежать, прижимаясь друг к другу как щенки в коробке из-под телевизора.

Это был дрон, он преследовал их по пятам через кусты и буераки, и именно от него они бежали сломя голову. Покружившись над нами, «мавик» скинул одну за другой две гранаты и спокойно улетел, недовольно жужжа. Каждый выстрел должен быть осмысленным, понял я в тот день. Боевые инстинкты – это очень хорошо, но этого мало.

Мы извинились друг перед другом с пацанами. Они – за то, что забыли пароль, я за то, что чуть не скосил их очередью. И они пошли дальше. А я остался стоять на «фишке».

Русский солдат ненавидит шмелей. А также ос, пчёл и всех крупных двукрылых насекомых, издающих при полете характерный гудящий звук. Этот звук слишком напоминает мерзкое гудение приближающегося дрона. А дрон – это смерть. С высокой степенью вероятности.

«Полет шмеля» Римского-Корсакова русский солдат тоже ненавидит, за компанию. Эти гудящие звуки сбивают с толку, не дают отдохнуть, раздражают и нервируют. Ты не уверен в происхождении звука. А неуверенность – это самый главный враг солдата.

Если в ту войну в плен не брали огнемётчиков, то в эту войну не повезло операторам дронов.

Их обвиняют в подлости, в глумлении над телами погибших, в играх и издевательствах над своими жертвами. Часты случаи, когда вражеские дроноводы гоняют солдата по полю, заставляя его бегать, ползать, кататься по земле, падать и подыматься вновь. И лишь затем поражают его. Хотя могли это сделать сразу.

Один из моих товарищей как-то объяснил свою ненависть к этим «жужелицам» – «Я весь такой тактикульный, опытный рэкс, накачанный и храбрый воин, могу

погибнуть от рук прыщавого задрота, который даже не оценит моей храбрости и военного искусства... Он сидит в абсолютной безопасности, в десятках километров от смерти и просто играет, получая очки и баллы. Да ещё и зарабатывает на моей смерти донаты, ведя прямой эфир. Разве это благородно?..»

В ненависти к дрону есть что-то, отсылающее нас к Средневековью, когда рыцари ненавидели чушков с арбалетами. Ведь рыцарь, закованный в дорогущую броню профессиональный воин, с детства тренирующийся воевать, мог быть убит чумичкой, вооружённым арбалетом и прошедшим короткий инструктаж.

С появлением на поле боя дрона можно сказать, что очередная прекрасная эпоха рыцарства ушла в прошлое. А операторам дронов, этим пубертатным мальчикам, можно лишь пожелать не попадать в плен к нашим благородным донатам.

[Глава 2. Мир: Семья]

Хотите, расскажу о своих предках? Не хотите, а я все равно расскажу. Понимаю, что это никому не интересно, но это интересно мне. И мне же очень хотелось бы, чтобы это было интересно моим детям.

Шёл 1941 год. Моему прапрадеду было уже под 80, точнее 77 лет. Он был военврачом и командовал госпиталем на колёсах, естественно, колёса эти бежали по ж.-д. путям, и все вагоны были забиты тяжело- и легкоранеными красноармейцами. Госпиталь двигался от Ленинграда по направлению, обозначенному в соответствующем приказе, то есть на Восток. И вместе с ним двигался Николай Николаевич Николаев, мой прапрадед. В письмах домой, которые сохранились в нашей семье, он подписывался «Николай З» (Николай в кубе). Писал он эти письма на тёмно-синих промокашках, складывал их треугольником и адресовал их своей внучке, моей бабушке, по питерской привычке называя ее Лялей. Я читал эти письма, они сохранились...

В пути их немного бомбили, скорее для профилактики, но больше пугали, так как на крышах поезда виднелись не красные звезды, а красные кресты.

Потом поезд дёрнулся и остановился. Машинист увидел развороченные пути и немецкий танк. Это был либо десант, прорвавшийся южнее, или одно из танковых клиньев, вбитых в тело нашего народа немцами. Этого я уже не смог узнать точно. Да это и не важно... Немцы очень педантичный народ, поэтому аккуратно постреляв охрану поезда, начали методично от вагона к вагону расстреливать тяжело- и легкораненых. От вагона к вагону методично и с известной сноровкой.

Мой прапрадед Николай Николаевич был коренным питерцем, слегка по-питерски грассировал и растягивал звуки, был знаком с Андреем Чёрным, сам пописывал вирши, как он их называл, и кроме того, свободно говорил по-немецки (что для того времени было достаточно обычно). Но был за ним ещё один грешок – он очень любил Гёте и многое из «Фауста» знал наизусть.

Он вышел из поезда в форме военврача и валенках и своим стариковским голосом начал громко читать на немецком языке «Фауста». Просто вышел и просто начал читать «Фауста». Немцы очень педантично окружили старичка и с большим интересом слушали немецкого классика в исполнении русского врача. Читал он долго, немцы аплодировали. И так как руки у них были заняты, то в тяжело- и легкораненых красноармейцев они не стреляли.

А потом они взяли русиш дедушка и сожгли его в топке паровоза. Вот так просто открыли дверцу и двое крепких ребят забросили его сухонькое тело прямо в жерло паровоза.

А потом пришли наши танки, и убили немецких мальчиков, и сожгли немецкий танк, и отремонтировали ж.-д. пути, и поезд снова двинулся к станции назначения.

А выжившие тяжело- и легкораненые ещё долго писали письма моей прабабушке Анне Григорьевне, а она их читала вслух своей дочери, моей бабушке, Ксении Викторовне, которую Николай в кубе называл Лялей.

Интересно, тот огонь, что дал мой предок, дал возможность двинуться поезду с Запада на Восток? Или с Востока на Запад?

Моя бабушка родилась на Дальнем Востоке. В свидетельстве о рождении указан г. Владивосток и 1927 год. Это не совсем верно, так как бабушка родилась на одном из островов недалеко от Сахалина. На погранзаставе.

Всё население островка составляло 50 человек. Их можно описать очень коротко, так это и делала моя бабушка: папа, мама, я, красноармеец с винтовкой и айны.

Айны очень любили мою бабушку и очень боялись мою прабабушку. А все из-за

медведей. Дело в том, что медведей на острове было много, а других продуктов питания мало. И айны этих самых медведей постреливали, мясо ели, жир топили, жилы использовали в качестве ниток, а клыки в качестве украшений. Настоящий каменный век.

Айны очень боялись японцев, которые их достаточно серьёзно геноцидировали, поэтому копали свои землянки вокруг заставы. И моя бабушка Ксения гуляла по их деревне с самого рождения. Заходила под их меховой кров и ела медвежатину. Лапы, спину, шею, лучшее мясо медведя. Бабушка говорила мне, что молодой медведь, с которого сняли шкуру, похож на голую женщину, а по вкусу на нежнейшую говядину.

А вот моя прабабка медвежатину не выносила – её вид вызывал в ней брезгливость, а запах казался с гнильцой даже у только что убитого медведя. Когда она находила девочку Лялю с чёрными косичками и блестящими глазами, жующую длинную полоску жирной медвежьей спины, она приходила в ярость. И тогда айны вспоминали о японцах с теплотой.

Анна Григорьевна выбрасывала медвежьи лапы в мусорные ямы, а на замечания мужа отвечала, что мясо быстро испортилось и она не успела его приготовить. Айнам это не нравилось, так как медведь для них был священным животным, и вообще айны считали, что произошли от медведя, а его поедание было ещё и ритуальным каннибализмом. Племя приглашало на «медвежий праздник» моего прадеда и бабу, но прабабку никогда.

Местный шаман пытался бороться с прабабкой своей магией, но победить эту женщину ничего не могло (она умерла почти в столетнем возрасте в 1991 году). Шаман умер от гриппа...

Мой прадед Виктор Николаевич отрастил длинную бороду и носил айнскую куртку – рупури. Поэтому японцы частенько не могли его отличить от айны. Айны были очень бородаты и совсем не похожи на азиатов. Скорее чертами лица они были похожи на браминов или на заросших цыган. У многих были тёмно-русые, почти сивые волосы и светлые глаза. Очень странный народ...

Однажды прадед Виктор Николаевич ушёл на охоту. Анна Григорьевна занималась домашними делами и не заметила, что дочка ушла с заставы. Мама Аня (так мы называли её в семье) не смогла дозваться Лялю и пошла по землянкам в поисках дочки. Она успела вовремя, над девочкой уже произвели обряд приёма в племя, и старая айнка собиралась наносить ей на губы ритуальные татуировки. Был крупный скандал, Анна Григорьевна была вне себя, айны шкерились от неё по всему острову (поистине демоническая женщина с абсолютно не русской красотой). А мой прадед, вернувшись с охоты, веселился целый день, выяснив, что же произошло. Оказалось, моя бабка сама уговорила добродушных аборигенов принять её в племя и очень хотела получить татуировки на губы и шею. «Потому что красиво...» – объясняла она потом.

Медвежье мясо обладает, судя по всему, чудесным тонизирующим эффектом. Моей бабушке уже за 80, и большую часть своей жизни она занимается спортом... До сих пор участвует в международных соревнованиях и занимает призовые места. Стальная женщина, вскормленная на медвежатине...

Айны – малочисленный народ, но где-то далеко на западе живёт человек, которого они приняли в своё племя и который даже помнит несколько слов на их языке.

Значит ли это, что я тоже в какой-то степени айны?

Старшим ребёнком моего прадеда был Вячеслав. «Дядя Вяча», как называли его у нас в семье. Я его немного помню. Это был сухощавый, двухметровый дядька с ладонями широкими, как совковая лопата, и огромными кулачищами, когда он эти ладони сжимал. При всем при этом руки у него были золотые.

Всё моё детство меня сопровождали вещи, сделанные дядей Вячей, – финские

ножи в ножнах и с кровотоком, шкатулки под бумаги, обложки для документов, портсигары и прочее. Он жил с женой во Львове почти в самом центре у старого замка, в доме с палисадником. Работал токарем. Остальные токаря его не жаловали – во-первых, пришлый, а во-вторых, он был новатор. Работу свою он любил и старался ее усовершенствовать. У него было много патентов на изобретения. Большие такие, крупноволокonné листы бумаги. Эти патенты подымали норму другим токарям. Токари пробовали набить ему морду. Но дядя Вяча в молодости был чемпионом Карелии по боксу, и набить морду ему получалось крайне редко. Несмотря на то что у него не было ноги и ходил он с костылём.

Он часто напевал «Хорошо тому живётся, у кого одна нога: и ботинок не сотрётся, и штанина лишь одна». Его мучили фантомные боли, казалось, что чешется пятка ампутированной ноги, и почесать её не было никакой возможности. В эти моменты он ругал комбата нехорошими словами, а потом, когда отходил, говорил: «Нет, нормальный мужик, не гадина...»

Как он потерял ногу? Сейчас расскажу...

Дядя Вяча служил в разведке морской пехоты (его пояс с «крабом»-якорем и звездой – наша семейная реликвия). Под Ленинградом было дело. Дали ему задание – перейти линию фронта и добыть языка. Он и ещё двое сбежали к немцам и к утру вернулись в компании пленного. Дядя Вяча нёс трофейный автомат, светило солнце, они остались живы – хорошо... Немец шёл послушно и не рыпался, и дяде Вяче приказали отвести языка к командиру самостоятельно, не передавая охранной команде. На подходе к штабному блиндажу дядю Вячу окликнул почтальон и вручил письмо от матери. Ну что за чудесный день, ещё и письмо пришло...

В письме было написано примерно следующее: дорогой сыночек, твоего дедушку сожгли в паровозной топке, твой отец пропал без вести, твой дядя Миша ранен и может лишиться зрения, твоя сестра Ксения и я с маленьким Валеркой в Вятке в эвакуации, голодаем и живём на угольном складе. У меня пропало молоко и Валерку кормит Ксения, разжевывая чёрный хлеб, и, заворачивая его в тряпицу, делает соску. У Ксении в 14 лет появилась седая прядь волос, она работает в госпитале санитаркой, носит раненых и умерших на носилках. Я тебя очень люблю. Бей немчуру.

Дядя Вяча скинул с плеча трофейный автомат и разворотил живот немецкого пленного короткой очередью. Разгневанный комбат выбежал из блиндажа и попытался его разоружить. Получив короткий хук в челюсть, комбат успокоился и, полежав немного, объявил о трибунале.

Нападение на командира в боевых условиях, неподчинение приказу, расстрел пленного – это серьёзно. Вячеслава Викторовича должны были расстрелять перед строем.

Комбат прочитал письмо, которое получил Дядя Вяча, и поэтому младший лейтенант Вячеслав Викторович Николаев был судим за ненадлежащее исполнение приказа и негуманное отношение к пленному. Он был разжалован и отправлен в штрафбат. Под артиллерийским огнём противника форсировал Неву и десантировался на Невский пятачок, где кусок качественной немецкой стали лишил его ноги.

Преступник ли мой двоюродный дед – дядя Вяча? Ведь он расстрелял пленного. Комбат – сволочь? Ведь он отправил молодого пацана в штрафбат. Следует ли мне харкнуть в морду продюсеру фильма «Штрафбат»? Вопросов много.

Мой прадед Виктор Николаевич родился в Санкт-Петербурге, учился в военном училище и в 1915 году ушёл добровольцем на фронт. Первая мировая была в самом разгаре, и 18-летний парень шёл на неё, как все 18-летние, с романтическим задором. Воевал храбро, был награждён медалью. Попал к немцам в плен, бежал,

был пойман, бит по пяткам железной рейкой. Бежал второй раз, в ноябре месяце переплыл белорусскую речку Березину, голодал, вернулся в строй. Немцев называл «колбасниками» и ненавидел люто.

Революцию принял спокойно, стал военспецом, был направлен в Красноярск, где и познакомился со своей будущей женой Анной. Партизанил в отрядах Щетинкина, воевал с бароном Унгером, с белочехами, затем с японцами. Награждён орденом Красной Звезды и званием «Почётный красный партизан». Был начальником пограничной заставы на Сахалине. Был переведён в Карелию. Участвовал в Зимней войне уже в звании майора, брал Выборг, воевал на Карельском перешейке. Затем в Выборге у него перед самой войной родился младший сын Валерка. После начала Великой Отечественной воевал на Ленинградском фронте, был ранен, контужен, сутки пролежал в воронке, полной воды. Месяц был в бреду, считался пропавшим без вести, затем убитым (похоронка пришла жене, и она слегла, помутился разум). Но выжил, попал в госпиталь, подлечили и отправили к семье в Вятку (Киров).

Вятка была эвакупунктом, куда вывозили из блокадного Ленинграда тысячи людей. Там была картошка, и молоко, и масло. Все это продавалось на рынке.

Когда мой прадед шёл по улице – высокий, красивый, в новой офицерской шинели, – все оборачивались. Он широко шагал по мощёным мостовым старого купеческого города, а за ним семенила маленькая 14-летняя девочка (моя бабка), которая несла на руках годовалого мальчонку, закутанного в бешмет, и тащила на плечах огромный вещмешок. Рядом, как тень, шла его жена и несла чемодан с вещами на рынок для обмена на продукты.

Розовощёкие торговки из ближних сел стыдили прадеда: вот, мол, какой – девчёнок да баб тяжести заставляет таскать, а сам как фон-барон здесь ходит, в то время как все мужики на фронте кровь проливают. Виктор Николаевич (папа Витя) бледнел и начинал играть желваками (эту привычку унаследовал и мой отец, и я тоже).

У него отнялись руки, и, несмотря на широкий шаг, и одеваться и раздеваться он самостоятельно не мог. Широкие плечи и офицерская шинель скрывали его инвалидность. А сам себя он инвалидом не признавал никогда и через одиннадцать лет упорными тренировками вернул себе руки.

Как-то на вокзале Вятки он с дочерью подвергся нападению шпаны. Они встали спиной к спине, положив между собой на землю вещмешок с картошкой и хлебом, и отбивались от местной банды. Ксения дралась как чёрт, защищая отца, а прадед бил ногами и головой. Кто-то вытащил финку и ткнул ему в живот. Если бы не подошёл поезд с фронтовиками, которые разогнали урок, меня могло бы и не быть на свете. Продукты, правда, сохранить не удалось.

Валерка, младший сын моего прадеда, пошёл в отца. Дядя Вяча, бабушка Ксения, мой отец пошли в мою прабабку. Тонкокостные, черноволосые с иссиня-белой кожей, под которой голубыми жилками билась жизнь... Валерка был похож на отца. Светлые вьющиеся волосы, тепло-розовая кожа, небесно-голубые глаза, улыбка. Маленьким он был очень симпатичным, потому и выжил в тяжелые военные годы.

Он так умильно смотрел на торговков, что ни одна не могла устоять, каждая давала кусочек масла или ложку молока. Когда в 1943 году ему впервые дали кусочек белого хлеба, он плакал и отказывался его есть. Он не верил, что это хлеб. Хлеб, по его мнению, должен был быть чернильного цвета и пахнуть дёгтем. Его вместе с сестрой и матерью вывезли из Ленинграда по Дороге жизни, по льду – всю дорогу он молчал.

Во время блокады его «спас» товарищ Ворошилов. Бабушка Ксения в школе выполнила норму Ворошиловского стрелка, из мелкашки она стреляла ворон (голубей уже давно всех съели). Затем ворон варили вместе с перьями, ошипывали, цедили бульон. Мясо ели, бульон пили. Сладковатый, вонючий и приторный бульон из мяса «летающей свиньи». За тот бульон, которым бабушка его кормила, за то,

что она отдавала свою пайку, за всю заботу, которой она его окружила, Валерка всю жизнь называл её мама Ляля. У него было две мамы.

Он вырос хулиганистым парнем, гонял на мотоцикле, дрался, курил. Прибивал на каблуки сапог подковы и, разгоняясь на мотоцикле, чиркал по мощеной мостовой ногой. Рой искр и скрежет. Хулиган и обормот... Технику любил беззаветно – машины, мотоциклы...

В 1968 году взбунтовалась Чехословакия. Его отправили в Брно, чешскую глухомань, усмирять зарвавшихся братьев-славян. Он нёсся на мотоцикле по улицам этого городишка в форме советского мотострелка. За ним ехал его ведомый, чернявый парень из Харькова. Заботливые чешские повстанцы натянули стальную проволоку на уровне шеи. Наверно, хотели побороться с красным тоталитаризмом. Но Валерка был опытным мотоциклистом, он разглядел опасность и вовремя свернул левее на тротуар. Дёрнул руль правее... Тут, видимо, вмешалась судьба, т. к. он увидел перед собой тётку в жёлтом пальто, которая держала за руку девочку в таком же пальтишке. Всё это похоже на мелодраму, но факты вещь упрямая. Валерий Викторович Николаев свернул левее и на скорости влетел в подъезд дома в городе Брно. Погиб на месте.

Когда его тело привезли моей прабабке, она первый раз в жизни заплакала – он был её любимцем. Она ходила на Польское кладбище, на котором Валерия захоронили, изо дня в день. С 8 утра до 16 вечера она сидела возле могилы и что-то шептала.

Мой отец пошёл по Валеркиным стопам и занимался мотоспортом. Это была его жизнь, его занятие, он был рождён для скорости. Мама Аня, его бабушка, взяла с него слово, что он никогда не сядет на мотоцикл.

Отец держал слово до пятидесяти лет. Сейчас он, как беспечный ездок-пенсионер, летает на своём байке по ночным улицам.

Мама Аня, моя прабабка, появилась на свет в 1900 году в Красноярске. Её отцом был киевский священник по имени Григорий. Фамилия его была Каменский – так что, скорее всего, он был украинцем. Матери она не помнила. Отец был учителем в церковно-приходской школе, учил русских детей и детей сибирских народов письму, чтению, счёту и Слову Божьему. Он умер в 1916 году. А дочку оставили в той же самой школе – воспитанницей. Несмотря на то что Анна Григорьевна закончила только церковно-приходскую школу – она была очень грамотна при письме, а её почерк был недостижимым идеалом для меня (у меня ужасный почерк и крайне низкая грамотность).

На зиму учеников отдавали отцу Григорию «на приют» – их кормили, одевали, и жили они так же при церкви. Иногда приезжал местный купец Полуянов, попечитель приюта, и привозил свежееубиенного лося. Все дети садились за большой стол и лепили пельмени с лосятиной, скидывая их в наволочки от подушек. Наволочки выносили на улицу и подвешивали на деревья, повыше, чтобы «росомахи не достали».

В феврале 1917 года прабабушка получила в подарок от попечительского совета новое пальто, а в России произошла революция. В апреле весь Красноярск высыпал на демонстрацию, оркестр играл вальсы и марши, все дружно начали называть друг дружку «граждане и гражданки».

Мама Аня в это время училась на курсах машинисток (это как в наше время курсы продвинутого пользователя ПК) и начала курить папиросы. Она надела новое пальто, нацепила красный «революционный» бант на лацкан и пошла с сокурсницами слушать вальсы и марши. В тот год в стране было жарко, и поэтому апрельский дождь в Сибири никого не удивил. Дождь намочил красный революционный бант, и тот потёк краской и испачкал пальто. Оно стало красным, как бант. По приходе домой Анна Григорьевна получила от кастелянши «по мрдасам» за испорченную вещь. Пальто было изъято, и прабабке пришлось до

тепла просидеть дома.

В октябре в стране произошла ещё одна революция, жизнь стала голодней. Прабабка пошла устраиваться на работу. Как дочку попа при новой власти на работу её не брали. Тогда она устроилась работать машинисткой в ЧК (то есть в тогдашнее КГБ), специалистов не хватало, и на происхождение там никто не смотрел. Она получила продуктовые карточки на месяц и четыре рубля керенками на папиросы – смех, а не зарплата. Три дня она добросовестно печатала на машинке документацию чекистов. На четвёртый день хлеб закончился, и 17-летняя Анна не пошла на работу. Нет хлеба – нет и машинистки. Чисто приютская логика.

История не помнит фамилию начальника горЧК, который приказал двум вооружённым трехлинейками бойцам, в малахае и будённовке, доставить Анну Григорьевну Каменскую на рабочее место и проследить за выполнением ею должностных обязанностей. Но это явно был человек с юмором. Каждое утро за мамой Аней заходил домой конвой и отводил на рабочее место. Через месяц ей снова предложили зарплату в 4 рубля керенками и продуктов на месяц. Анна отказалась. Она выходила замуж за человека, которого увидела на улице, когда её конвоировали к месту несения службы. Каждое утро он провожал их до здания красноярского ЧК и делал ей предложение. Она согласилась...

Этот человек дал ей свою фамилию, троих детей и множество переездов с запада на восток и с востока на запад. Этот человек мой прадед – Виктор.

Когда я маленьким мальчиком врал своему отцу (где я взял патронные гильзы, почему опоздал домой и т. д.), мой папаня мне говорил: «У меня бабушка в ЧК работала, я тебя, шельму, насквозь вижу...»

Я тогда не знал, что она только месяц отработала, иначе врал бы убедительнее.

[Глава 3. Война: «Аборт!»]

Решил дойти до смежников. То есть до соседнего подразделения, стоящего недалеко от нас. Нужно было обсудить рабочие моменты по связи и совместной деятельности. Там стоял бат, состоящий, так сказать, из сочувствующих одному популярному виду спорта. Выхожу на поляну, где находится их укреп, и вижу такую картину. Сидят парни на траве по-турецки и едят тушёнку с зелёным горошком. А над ними висят повешенные за ноги четыре обгорелых трупа вэсэушника. Пахнет горелым мясом.

Ну обсудили мы все моменты, я собираюсь уходить и как бы между прочим спрашиваю, а что это у вас тут за инсталляция. А это, говорят, мы живодеров поймали – они взяли в плен нашего пацана. Отрезали ему хер. Выдавили глаза и размяли прикладом пальцы на руках и ногах.

Я не стал уточнять, сожгли ли их, а потом повесили. Или сначала повесили, а потом сожгли. Времени было мало, надо было готовиться к БЗ.

Война полна жестокостей, особенно гражданская война. Но вот был один случай...

Под вечер заглянули ко мне в блиндаж два наших дронвода, переждать время, дождаться серости, попить чайку, поточить ляды. Спрятались под дерево и кусаем шоколадку по очереди. Мимо ковыляет на точку эвакуации трёхсотый. Нога перебинтованная немного кровит, от обезбола, видно, штормит его и сушит. Остановился и попросил попить.

Раненому у нас отказа нет. Налили чаю, дали шоколадку. Он попил и говорит вдруг: «А меня сегодня хохол спас. По „открытке“ хромаю, значит, еле-еле. Бежать не получается. И вдруг слышу – дрон надо мной жужжит со сбросником. Я на него смотрю и понимаю, что это смерть моя. И кричу ему – „Я триста, ты понимаешь? Я триста!!!“ Дрон закружился на месте, как юла, и, отлетев метров на тридцать, скинул гранату. Вернулся ко мне, подмигнул нижней подсветкой и улетел обратно на хохлячьи позиции».

Рассказал это и побрел дальше по «полке» на эвакуацию.

Старший из наших дронников объяснил. Вчера ротация у укров была – «аэрозвидку» (элитный отряд укроповских дронников) на неделю вывели в тыл, заменили мобиками...

Начало смеркаться, дронводы засобирались на БЗ. Отошли в сторону, чтобы отлить. И младший, оглядываясь по сторонам, громко прошептал командиру: «Я сегодня тоже одного пощажу». Командир дёрнулся, как от удара током, и ответил: «Сегодня повезёт двум укропам». И ушли.

Я сделал вид, что не услышал. Они сделали вид, что поверили, что я не услышал.

«Четвёртый» очень не хотел ехать на «полки» второй раз. И на это у него были причины. Ужом проползая через месячное мытарство в мокрых январских норах, он накосячил. Из-за его трусости погиб человек. Из-за его второй трусости парень остался без ноги. «Четвёртый» так долго заставлял себя выбежать из окопа и доложить о ранении, что парень потерял много крови и получил заражение. А потом «Четвёртый», ссылаясь на контузию, не участвовал в его эвакуации, когда «птички» стрижками втыкались вокруг носилок. Зато, как только объявили эвакуацию, контузия прошла и «Четвёртый» в припрыжку побежал спасать своё брненное тело.

У парня, оставшегося без ноги, был семейник, который не оценил поведение труса и в неофициальных переговорах объявил ему, что убьёт его при первой же возможности.

После этого «Четвёртый» делал всё, чтобы не попасть на «полки». Пресмыкался

перед начальством, подличал, стучал на сослуживцев, брался за самые грязные работы, устроился в штаб, отдавал часть своей зарплаты штабным воротилам. Короче, совершив подлость один раз, он покатился по наклонной.

Прямо на глазах превращаясь в монстра. Его кожа стала пепельно-серой, губы были вечно мокрыми и блестели, словно намазанные китовым жиром, глаза бегали, голос стал визгливым и тонким, как у сварливой бабки. Гниль душевная разъедала его тело.

Над его шконкой на ПВД висел календарь с обнажённой красоткой, широко и бесстыдно раскинувшей ноги, обутые в красные туфли, с неестественно длинными каблуками. Он отмечал каждый день службы, обводя число красным фломастером. Им же он подрисовывал девице губы, рога, шерсть между ног, когти и синяки под глазом.

За семь дней до окончания контракта его отправили на «полки», с инспекцией вооружения. Он плакал и умолял отправить кого-то другого. Но ехать пришлось ему.

Он просидел целый день «на нуле», вызывая всех к себе, побоявшись пройти по позициям. Вечером он вернулся в распоряжение батальона. А через семь дней уехал домой.

Там его встречали как героя. Он даже снялся в одной из телепередач об участниках СВО.

Когда я вернулся с позиций на ПВД, я с омерзением сорвал его календарь со стены и сжёг в туалете. А потом долго мыл руки с жидким зелёным мылом.

«Муму» и «Директор» тушили степной пожар. Хохлы подожгли траву, дождавшись сильного ветра в нашу сторону.

Огонь уже подбирался к «занавеске». Занавеской называлась натянутая маскировочная сеть метров тридцать в длину на открытом участке между двумя лесополками. Она висела на самопальных деревянных конструкциях и скрывала снующих туда-сюда людей от огня пулемётчика. Хохлы решили её спалить. А парни получили приказ спасти это циклопическое сооружение. При свете дня, несмотря на угрозу обстрела, закидывали пламя землёй. И ругались. Крыли матом: хохлов, погоду, ветер, командиров, войну...

«Муму» – сухой жилистый мужик с ангельским лицом и срубленным наполовину ухом. Несмотря на смешной позывной, он был настоящим «ниндзя». Опытный пулемётчик, храбрый воин, верный товарищ. А позывной ему такой дали по фамилии. Герасимов его фамилия.

Почему «Директора» прозвали «Директором»? Я не помню. Может потому, что на гражданке он был директором фирмы, а может потому, что из Питера... Не помню.

Затушив горящую степную поросль, они заметили в кустах три ПТУРа. Те валялись в непосредственной близости от дымящейся земли. Решили их переместить подальше, иначе шандарахнет так, что мало не покажется. Вдруг огонь опять разгорится?

«Муму» ухватил один ПТУР. Более крупный «Директор» – оставшиеся два. И понесли. «Директор» повернулся к укропским позициям и крикнул держа ракетные тубусы под мышками: «Приятного аппетита, хохлы еб...»

Они не услышали свиста. «Полька» прилетела бесшумно, скрывшись за шумом ветра. Мина попала чётко между ними. «Муму» бросил ПТУР и залёг. А «Директор» стоял и смотрел на небо. Его глаза закатились, и он как будто бы стёк телом к стопам своих же ног. Растёкся бурой лужей на чёрной земле. Осколок попал ему в бок и, отскочив от рёбер, срикошетил прямо в сердце. Он умер, не договорив.

Это невероятно завораживающее зрелище – работа слаженного миномётного расчёта. Это балет. Это театр мимики и жеста. Симфония человеческого тела, стали и огня. В это невозможно не влюбиться.

Однако бывает так, что мина из ствола не вылетает. Заряжающий ещё более дико орёт «Аборт!» и старается бочком отбежать от орудия подальше. По техническим причинам мина во взведённом состоянии не летит навстречу вражеским позициям, а аккуратно прячется в недрах ствола. Если она шипит и журчит в стволе, то стоит подождать пару минуток, авось ещё полетит. Может, отсырел порох 1975 года выпуска, или иранский пролетарий плохо проработал характеристики мины, или северные корейцы прислали партию бракованных вышибных зарядов. Ответа нет, остаётся только ждать. Но долго ждать нельзя. Чем дольше ты на позиции, тем больше шансов, что тебя распетрушат ответным огнём. И вот тогда командир расчёта, который обычно меньше всех занимается физическим трудом, должен взять ответственность на себя и извлечь мину из ствола. Эта процедура и называется «аборт». Наклоняя ствол, командир ловит выскальзывающую из него мину, стараясь не касаться взрывателя. Одно неверное движение – и мина разорвётся либо в стволе, либо прямо в руках. А радиус сплошного поражения у данного боеприпаса двадцать метров. То есть от ловкости и выдержки командира зависит жизнь всего расчёта.

Мне приходилось делать «аборты». Это не трудно физически. Но психологически это серьёзная нагрузка. Держать в руках три кг готовой к взрыву смерти занятием для людей с тестисами. Однажды из двенадцати выпущенных мин мне пришлось сделать восемь «абортов». Прислали партию персидских мин. Иранская промышленность не чета советской, они косячат будь здоров. В тот день после стрельбы парни освободили меня от всех работ. Я весь вечер сидел и пил чай с барбарисовыми конфетками. Снимал стресс.

Не существует абсолютного оружия. У всего есть ограничения. Ограничения по дальности, по пробивной способности, по скорости перезарядки, по времени использования, по возможности быстро отработать и уйти от ответного огня и т. д.

И вот для того, чтобы нивелировать недостатки конкретного вооружения, существует наука под названием тактика. Она учитывает недостатки вооружения, и тупость пользователя, и рельеф местности, и время года, и погоду, и скудость поставки БК и т. д.

И с учётом этого даёт ответы о максимально эффективном использовании оружия в этом месте и в конкретное время.

Мы умеем играть в тактику. Но рассказывать об этом я не имею права. Это, так сказать, военная тайна.

Но зато могу рассказать о том, как играют в тактику «немцы». А они тоже умеют.

Например, расскажу про веломиномёт. Но сначала пример еврохолячей тактики. Если у нас каждый солдат – это специалист широкого профиля, в том смысле, что он и окоп себе копает, и жратву носит, и позицию готовит и после того, как он от всего этого зае... устает, идёт в атаку, то у укров иначе. У них есть «копатели», которые готовят окопы и позиции. Есть «поднос» – они доставляют БК (боекомплект) и сопутствующее снаряжение – и есть, собственно, «специалист». Он придёт налегке, не уставший, выспавшийся и сытый, поставит свой немецкий пулемёт RMG.50 и начнет строчить. В это время другие группы ведут наблюдение за противником (то есть за нами) при помощи «крыла» (дрона-разведчика), а группа «фипивишников» запускает несколько мелких дронов-камикадзе.

Все они находятся на радиосвязи друг с другом. Задача пулеметчика не заключается в том, чтобы попасть в нас. Он заставляет нашу пехоту залечь, поливая все огнём. Залёгших солдат фиксирует «крыло» и направляет туда дроны-камикадзе, а также корректирует по ним огонь артиллерии. Солдат не может встать под огнём пулемета, не может отстреливаться от дронов и не может

убежать из опасного сектора достаточно долгое время. За эти несколько минут арта хохлов наводится на этот квадрат и накидывает туда огня.

Каждое по отдельности их этих орудий смерти неприятно, но не очень эффективно. Всегда есть возможность для маневра или для поиска укрытия. Но в совокупности эти орудия дают смертельный результат. Этот приём называется «зажим».

Однажды нас так зажали, что мало никому не показалось. Вот что значит тактика.

Но вернёмся к веломиномёту и тактике его применения.

У укров, стоящих на «полке» напротив нас, было три миномёта 82-го калибра, разбросанных по «полкам» на значительном расстоянии. Может, метров по 800 между ними было. Что делал противник? Ночью его группы подноса расставляли орудия на БГ (боеготовность), выцеливали их, доставляли БК и ждали утра. Утром два хлопчика садились на один велосипед и под прикрытием лесополки и рельефа местности ехали к первому миномёту. Выкидывали оттуда в беглом темпе 5-6 мин, снимали прицел и ехали к следующему. Там тоже накидывали 5 мин. И ехали к третьему миномёту. Отстрелявшись из него, скрывались от возможной ответки в бетонном бункере, вкопанном в холм.

Смешно было наблюдать, как два здоровенных мужика в броне и касках едут на велосипеде. Один крутит педали, а другой сидит перед ним на раме и по-девичьи обнимает его.

Задумка укропов была хороша. За пару минут, требующихся для выстрелов 5 мин, невозможно определить место стрельбы и нанести ответный огонь. Цели поражены, а ответка, если и прилетит, то тогда, когда они уже будут в безопасной глубине укрепа. Отличный тактический ход.

Но... не срослось. И кому мы можем сказать спасибо? Правильно! Слава русской дроннице!

Русский солдат врунишка и позёр – он хочет казаться хуже, чем он есть. Он строит из себя циничного наёмника или мобилизованного недотёпу, которого злое государство отправило незнамо куда, незнамо зачем.

Например, все эти шевроны «ничего личного, нам заплатили», «все кроме нас, с хера ли мы?», «глаза боятся, руки из жопы, но мы не сдаемся» и т. д. Якобы всё это должно дополнить образ кровавого, как говорят на Украине, «найманца», кидающего жестокую «джамбу» во все стороны, словно осколочную гранату в подвал здания.

Кроме «джамбы» к этому искусственному образу наёмника чаще всего присовокупляют солдатские разговоры о зарплатах. Обычно в курилках, щурясь от едкого дыма, солдаты с бывалым видом рассказывают друг другу, как и где их нагрело на бабки начальство, ноют о нехватке средств на карте, рассуждают об офицерских пайках и о том, что за эти копейки не стоит умирать...

Иногда несведущим людям кажется, что внутренний мир солдата вращается вокруг его банковской карты и ежемесячных переводов семье куда-нибудь в Поволжье или Сибирь.

И вот в такие моменты, когда посторонний наблюдатель уже готов разочароваться в русском солдате, когда он захочет сказать, что армия России в широком смысле слова – это просто люди, выполняющие трудную, но работу, и получающие за это заработную плату чуть выше чем в среднем по стране, этому странному наблюдателю стоило бы посмотреть плейлист любого рядового. Взять без спросу его телефон и посмотреть, что за песни слушает этот «солдат удачи», когда моется в душе или готовится ложиться спать...

Удивительное там. Там песни о Родине. Песни о Победе. Там старые советские песни вроде «Катюши» и «Смуглянки». Там Юта, «наша Юлька» Чичерина и Аким Апачев. Там Рич. Там «Зверобой». Там песни сослуживцев, записанные на телефон

в блиндажах и землянках. Иногда звуки гитары, записанные в полевых условиях, при этом заглушаются звуком прилёта и матом в ответ на него, а затем певец, извинившись за несдержанность, продолжает рассказывать о войне, словно древний скальд. Там песни о вагнерах, орках, позывных и женщинах, что ждут дома.

И за образом крутого воина-профессионала, наёмника «которому заплатили», проявляется истинный лик русского солдата. Не то, что он выставляет наружу, не то, что является защитной оболочкой в этом отвратительном месиве под названием война, а его настоящее отражение в этом мире. И лик этот прекрасен.

Русский солдат отлично знает, за что он воюет, даже если его мобилизовали. И уж тем более знает, если он доброволец. Русский воин, как всегда, в нашей истории благороден и честен. Самоотвержен и смел. Он любит Родину, как никто в нашей стране, и доказывает свою любовь ежедневно и ежечасно. Потому, что никакие деньги на свете не стоят оторванных конечностей, выжженных глаз, разорванного ливера, разбросанного по траве. Солдат знает, что ему не доплачивают, и честно об этом говорит.

Но он не уходит с боевого поста, так как кроме денег есть ещё и другая мотивация.

Наёмником можно быть в войнах с дикарями в тапочках, вооруженными старинными берданками, – тогда это выглядит как сафари-мероприятие, конечно, опасное, щекочущее нервы, но все же не кромешный ад. На войне с противником, за плечами которого стоит весь Запад с его огромными технологическими возможностями, обычный наёмник не продержится и дня. «Дурных нема», как говорят на Украине.

Наёмник слишком любит себя, свою плоть, свои доходы...

Поэтому, когда после нашей победы русский солдат вернётся домой, не говорите ему, что ему никто ничего не должен, что ему выплатили всё положенное по контракту и что больше обязательств перед ним общество и государство не имеет. Во-первых, потому, что это будет неправдой. А во-вторых, потому, что это будет чревато насилием. Солдат может и не сдержаться, и в вашем городе на одну раскроенную морду может стать больше.

Наша страна по гроб жизни будет должна Русскому Солдату, вынесшему на своих плечах сразу две войны. С врагом внешним и предателем внутренним. Я понимаю, что люди обычно не любят тех, кому они должны. Ведь это так неприятно и некомфортно – быть кому-то обязанным. Но мы будем напоминать вам о себе... Такова неприятная правда этой войны.

Простите, что испортил вам настроение.

[Глава 4. Мир: Страна Платания]

Платоническая любовь – возвышенное чувство, полное романтики и самоотречения. Когда-нибудь я напишу и об этом. Но сегодня речь пойдёт о любви «платанической». О любви Российской империи, Советского Союза, России вообще к своим юго-западным окраинам, землям Новороссии, Бессарабии, Абхазии – Причерноморья вообще.

Если бы можно было найти в нашей суетной жизни две недели свободного времени, немного мира и совсем чуть-чуть денег, то... То можно было бы совершить автопутешествие по всему северному побережью Чёрного моря. Этот маршрут начинался бы в предгорьях Карпат (Кишинёв) и заканчивался бы в предгорьях Кавказа (Краснодар). Слева от вас ветер гнал бы чёрные волны степной травы, а справа колыхались бы зелёные травы Чёрного моря. Когда-нибудь этот маршрут будет называться «Золотая гривна», как память о скифских золотых украшениях, лежащих в этой земле, и как аналог «Золотого кольца» – северного туристического маршрута.

Кишинёв, Одесса, Николаев, Херсон, Симферополь, Севастополь, Мелитополь, Мариуполь, Таганрог, Ростов-на-Дону, Краснодар – все эти города связаны между собой сильнее, чем вы думаете. Это фактически города-побратимы, крестные братья Российской империи. Их объединяет всех вместе имперская политика и дерево платан.

Если сейчас эти южные города у моря – символ солнечных дней, короткой зимы и хорошей погоды, то каких-то триста-двести лет назад жить здесь было очень и очень тяжело. Вспомните Александра Сергеевича Пушкина и куда его сослал «кровавый царский режим». Прочувствуйте, как это звучит: «Кишинёвская ссылка». Сейчас это выглядит шуткой, вроде «ссылки» Сахарова в Нижний Новгород. Однако во времена Пушкина это действительно была ссылка. Кишинёв занимал второе место в империи по заболеваемости туберкулёзом. Высокая влажность, умеренно-континентальный климат и отсутствие гигиены порождали это чудовищное социальное бедствие. Чахотка косила население всего Причерноморья, даже тех городов, которые стояли непосредственно у моря и чей морской воздух мог бы помочь избежать болезней.

Второй «убийцей» была малярия и её «ангел смерти» – малярийный комар. Все нынешние курорты Абхазии, Краснодарского края, Новороссии находились в зоне болот и распространения малярийной лихорадки. Чётких границ между сушей и морем не существовало – болота, лиманы и плавни порождали мириады кровососущих насекомых, несущих с собой смерть и желтизну кожи. Комаров было столько, что солнца из-за них не было видно. Лекарства от малярии, кстати, появились только в начале XX века. До этого малярию, подхватив однажды, носили с собой до конца жизни. Мучаясь в ознобе и приступах лихорадки.

Немногочисленное население этих земель жило жизнью короткой, но насыщенной. Насыщенной вышеобозначенными болезнями и приступами «побочек» – заболевания почек, офтальмологическими заболеваниями и т. д.

Российской империи и позднее Советскому Союзу пришлось вкладывать невероятные средства и интеллектуальные усилия, чтобы превратить эти земли во всесоюзную здравницу, житницу и кузницу.

Начали с осушения болот и перераспределения влаги. Биодренаж, как назвали бы это сегодня, оставил след имперской любви во всех городах Причерноморья. Начали высаживать платаны. Много платанов. Системно и географично. Все центральные улицы городов нашего Причерноморья, от Кишинёва до Сухума, украшены платанами.

Во-первых, это красиво, а во-вторых, это дерево – насос. Оно идеально подходит для вытягивания влаги из почвы и перераспределения её в воздухе. Это дерево

«дышит» не только листвой (крупной, красивой, резной), но и стволом. Платан сбрасывает с себя омертвевшие частички коры и остаётся обнажённым в своём великолепии (поэтому его ещё называют «бесстыдницей»). Ствол покрыт тонкой кожицей жёлтого и светло-оливкового цвета, нежной как шёлк и гладкой как фарфор.

Где есть платан, там нет болот. Там тень его листьев закрывает землю от выжигающего глаза южного солнца. Исторически, в диких условиях, платан распространён только в Закавказье, Средиземноморье и на Балканах. В северном Причерноморье это дерево культурное, высаженное человеком и насаждённое государством. Российским государством, подчеркнём, если кто не понял. Наличие платана на улицах города – это метка для наблюдательного глаза.

Это значит, что это русский, южнорусский город. Здесь была Империя, Союз, Россия. Была и будет до тех пор, пока эти кряжистые великаны обрамляют своей вычурной листвой это небо и осеняют своей тенью эту землю.

Для того чтобы другой великий русский писатель поехал к Чёрному морю не в ссылку, а на лечение от чахотки, Российская империя на протяжении 200 лет работала здесь не покладая рук, на границе почвы и моря. При Советах эта работа была продолжена с ещё большим размахом. Отвоёвывался каждый кусок суши, болотистой местности был объявлен настоящий социалистический бой.

И, конечно же, немного перестарались. Из-за унификации эти города потеряли часть своей индивидуальности, часть природного шарма.

Мне сложно отделаться от мысли, что в действительности все эти города вовсе не города, а районы и округа одного огромного южного города, разбросанного между морем и степью на многие тысячи километров и вёрст. Попадая в них, ты точно не знаешь, Ростов это или Херсон, Мелитополь или Одесса, Сухум или Кишинёв.

Все эти «районы» огромного южнорусского города мне милы, все радуют глаз. Всюду одинаковые улицы, зелень, солнце и... Его сиятельство имперский постовой, Богом и Екатериной Великой данный гражданин и мой товарищ платан.

Начнём рассказ о стране Платании с её западных границ. Там, где кончается наша Новороссия и начинается Европа. С Молдавии...

Архетипическая легенда повествует о воеводе из Марамуреша по имени Драгош Водэ, который семь веков назад охотясь, перешёл через Гуцульские Альпы, они же южные Карпаты, и открыл новые для себя земли. Якобы Драгош с помощью своей собаки по кличке Молда загнал и убил зубра – европейского дикого быка. Зубр был опытен и хитёр и перед смертью сыграл с Драгошем злую шутку. Чтобы его мясо не досталось охотнику, он бросился в бурную реку, прихватив с собой любимую охотничью собаку, а самого воеводу спас от гибели некий поселянин по имени Янко. И пучина сия похоронила обоих – собаку и зубра. А в честь этой собаки земли эти стали называться Молдавией. Красивая легенда... выдуманная чуть менее чем полностью.

Итак, что это вообще такое Марамуреш? Это нынешняя территория Закарпатской области Украины и прилегающие к ней земли Румынии и Венгрии. Переводится с раннеславянского как «мёртвое море», болото, зона сезонного затопления. В обозначенный период, а именно в XIV веке, находились эти земли в составе Венгерского королевства. Марамуреш в то время – полиэтничная «марка», то есть пограничная территория, соприкасающаяся с землями, которые контролировали золотоордынские «татары». Местное славянское, валашское и угорское население, сильно разбавленное беженцами из Галицко-Волынского княжества, было малоуправляемым, полукочевым и достаточно воинственным, чтобы его не сильно донимали как Венгрия, так и Орда.

Кто такой Драгош и почему он Водэ? Драгош был наместником этих территорий, смотрящим за Марамурешем от Венгерского короля Лайоша Великого (Людовик I

Венгерский в другой транскрипции). Водэ – это исковерканное «воевода». Это не титул, а скорее, как на Запорожской Сечи, выборный атаман. Временный военачальник, военный вождь, римский трибун, аналогии понятны. Происхождение Драгоша, судя по имени, было восточно- или южнославянским, язык общения, скорее всего, карпато-русский.

Охота за зубром – это, конечно, разведка боем подкарпатских земель, после того как татарская власть на этих территориях стала ослабевать. Отправился ли Драгош по своему усмотрению или по поручению центральных властей Венгрии, не совсем ясно. Аналогом этого похода можно рассмотреть поход в Сибирь Ермака (никто не запрещал – уже поддержка). В связи с центробежными процессами внутри Орды и борьбой за власть плотность «татарского» населения здесь стала стремительно уменьшаться, появились претенденты на управление этими землями. Нужно было прощупать перспективы получения с местных пейзажей налогов и сборов.

ДРГ Драгоша серьёзного сопротивления от татар не встретила, хотя ясно, что и потери были, и большого нагара не получилось взять (собака погибла, мясо уплыло вниз по течению). Однако обнаружилось нечто более важное и ценное, а именно местное податное население, крестьянского образа жизни, христианского вероисповедания, славянского происхождения и «русько»-говорящее к тому же.

То есть подтвердился тезис, о котором в Марамуреше, конечно, догадывались – ордынцы не вырезали местное население, а, обложив его налогами и тяглом, возглавили. Потомки славянского племени тиверцев продолжили жить по обоим берегам Прута, их соседи из племени уличей (на самом деле «угличи», то есть живущие на углу моря и Дуная) также никуда не исчезли.

Местное население после экспансии, а затем распада Орды, оставшись без элиты, образованного класса и во многом духовенства, с радостью приняло власть людей, близких им по крови и вере. Заселение этих земель волошскими переселенцами (восточно-романским элементом) воспринимался не как агрессия, а как восстановление и помощь после ордынского погрома. Языком делопроизводства по-прежнему был славянский говор, местные сохранившиеся знатные роды были включены в новую элиту.

Через Венгрию местное население получало финансовую и технологическую подпитку (метал и технологии, торговля). На фоне разрушенной и опустошённой Руси подобный вариант смотрелся очень выгодно. Кстати, видимо, в благодарность за освобождение от «татарского плена» дикий бык-зубр является геральдическим символом обеих Молдов. И той, что в Румынии, и той, что независимая республика.

Местные топонимы и гидронимы кричат о славянском происхождении. Город Кишинёв расположен на реке Бык. Столица Запрутской Молдавии город Яссы, города Чернауц, Бельцы, Рыбница, Берладь, реки Прут, Сулица и т. д. Местное население называло себя русинами или руснаками и говорило на русинском языке...

Сейчас этот простой факт пытаются всячески задвинуть в румынской исторической науке. Но нужно признать, что Молдавия, особенно та часть, которая называется нынче Республикой Молдовой, – это страна не только «волошан»-молдаван, но и четвёртого восточнославянского народа – русинов.

Помню, я долго смеялся над одним доморощенным этнографом и краеведом, который выводил название своего села Заим от турецкого паши по имени Зелим, якобы погибшего в этих местах при турецком нашествии. Притом, что старшее поколение села (даже прабабушка и бабушка этого краеведа) ещё говорила на русинском и даже мама его это подтверждала. При советской власти всех русинов записали украинцами, видимо, чтобы не плодить множеств. Их вклад в построение средневекового государства Молдавия был фактически стёрт из молдавской историографии, но север прудо-днестровского междуречья помнит о своих корнях несмотря ни на что. Может, пора признать их былые заслуги и сказать, что «Русин» – это звучит гордо?

Часто от представителей «либеральных» кругов в России или западных эмиссаров можно услышать, что евразийство – это невнятная идеология, неопределённый проект. А сама Евразия якобы в политическом смысле – это вообще территория без субъектности и чётко обозначенных границ, особенно на западном направлении.

Это всё, конечно же, не более чем западные постгегемонистские комплексы. Таких комплексов много. Например, сейчас, когда я печатаю эти строки, программа-корректор подчёркивает, как ошибку само слово – «евразийство». Попробуйте сами и удивитесь, какие только варианты не предлагаются взамен этой «ошибки». И сколько бы я не вносил его в словарь, это слово останется под запретом западного софта. Ибо евразийство – это единственный по-настоящему опасный для западных народов геополитический проект. Реальная альтернатива, имеющая историческую обоснованность, на практике доказавшая свою жизнеспособность.

И неопределённость границ Евразии на западе – это, в сущности, акт агрессии, непризнание красных линий, намёк на возможность аннексий и захватов этих территорий. Ведь если нечто назвать Европой и громко об этом кричать на всех площадях и заставить нас в это поверить, а затем задаться вопросом: «Если это тоже Европа, отчего она не с Европейским Союзом?» – то можно обосновать свои права на эти территории. Украина це Европа? А Белоруссия? А Молдавия? А Грузия? Вариантов много...

И ведь действительно, если на севере, востоке, юге границы евразийского проекта, как несомненной Евразии, без разных эквивалентов, определены географическими особенностями (океаны, пустыни, горы, реки), то на западных границах такого чёткого перехода от Евразии к Европе нет. Мать-Земля не удосужилась чётко разграничить эти земли.

Однако это сделали люди и уже довольно давно. И это, конечно же, римские валы.

Именно Римская империя, как глобальный западный матричный проект, сама ограничила территорию цивилизованной Европы от варварской Евразии. Римляне знали толк в границах. Ведь они делили мир на две части – *Rex Romana* (в прямом переводе и значении «Римский мир») и земли, не подходящие для культуры, отданные на разграбление, мир варваров.

Именно эти валы дали название целой языковой общности – германцам. На валах стояли пограничные столбы, называемые «гермаями» (в честь бога Гермеса), и все, кто жил за этими столбами, были для античных глобалистов «германцами», в независимости от того, на каком языке они говорили, германском, славянском, тюркском. Противостояние римской «цивилизации» и «германского варварства» – это и есть граница миров. Там, где не ступала кованная сандалия римского легионера, там сегодня нет Европы...

Что же пишет источник знаний в виде Советской военной энциклопедии о границах Европы с Евразией? Итак, валы римские...

«Система оборонительных сооружений по государственной границе Древнего Рима, создававшаяся в 1–2 вв. Поскольку войск для прикрытия своих границ оставалось недостаточно, вдоль них возводились мощные долговременные оборонительные сооружения. Не хватало сил и для обороны захваченных территорий, которые становились римскими провинциями. Их границы также прикрывались пограничными оборонительными сооружениями. Эти сооружения состояли из земляных валов (на отд. участках – каменных стен), частоколов и глубоких рвов. На валах строили дозорные башни, в которых располагались сторожевые посты. О появлении неприятеля сигнализировали с помощью костров. За валами проходили военные дороги для переброски войск и военных материалов.

Первоначально римские валы строились силами войск, впоследствии значительную часть работ выполняли рабы. Главные римские валы получали названия по именам римских императоров, при которых они создавались. Одной

из ранних систем был Траянов вал, построенный между Карпатами и Чёрным морем и состоявший из 4 валов: 2 на территории современной Молдавии и 2 на территории современной Румынии. Адрианов вал протяжённостью свыше 100 км проходил по правому берегу р. Тайн, южнее границы Англии с Шотландией. Антонинов вал протяжённостью свыше 50 км был построен севернее, между заливами Ферт-оф-Клайд и Ферт-оф-Форт. В Центральной Европе один из валов начинался на Дунае, у Франкфурта пересекал р. Майн и заканчивался между Кобленцем и Бонном на правом берегу р. Рейн. Верхнегерманский вал дл. 368 км проходил по линии Лорх, Неккар, до Верта на р. Майн и далее на Фридберг, Таун. Ретийский вал длиной 174 км тянулся от Лорха до Дуная выше Регенсбурга. На территории Африки был построен Триполитанский вал.

Римские валы вошли в историю как образец пограничных долговременных фортификационных сооружений далёкого прошлого».

Будучи подростком, увлекавшимся археологией и историей Северного Причерноморья, я прошел один из римских валов от начала и до конца. Я говорю о Траянове вале. Его постройку начали при одном из «пяти хороших императоров Рима», Марке Ульпии Траяне. Траян – покоритель даков и усмиритель сарматов. То есть это человек, который сделал из предков румын европейцев, а из предков русских и украинцев – евразийцев. Именно он прочертил красные линии границ и недаром упомянут даже в «Слове о полку Игореве» как фигура легендарная и значимая: «Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля, были плъци Олговы, Ольга Святъславлича...»

Нижний Траянов вал расположен на территории современных Приднестровья, Молдавии и Украины. Начинается в Вулканешском районе Молдавии и доходит до озера Сасык (Одесская область, Украина).

Верхний Траянов вал начинается возле города Бендеры (Приднестровье) и тянется к реке Прут к нынешнему молдавскому городу Леово.

Подтверждаю, если идти по самому гребню вала и смотреть по сторонам, налево и направо, немного наблюдательности и житейского опыта помогут заметить разницу в природе, в воздухе, в воде, в людях... Кстати, город Леово, самый националистический и проевропейский город в Молдавии (редкостная дыра, пыльная и провинциальная) находится к западу от вала. А самый прорусский город Чадыр-Лунга с восточной стороны вала. Взаимоотношения у жителей этих городов довольно напряжённые. Даже в советские времена случались массовые драки. Ну, ведь это так естественно, многовековое противостояние, много солнца и горячая южная кровь.

Какие же современные западные страны были регионами и провинциями Рима? Хотя бы частично, хотя бы недолгое время. Франция – Англия (не Великобритания!) – Испания – Италия – Ватикан – Сан-Марино – частично Австрия – Португалия – Словения – Хорватия – Сербия – Босния и Герцеговина – Македония – Черногория – Албания – Болгария – Греция – Турция – Швейцария – Андорра – Монако – Лихтенштейн – Мальта – Венгрия – Южная и Западная Германия – Румыния.

И что же остается для матери Евразии у нас на западных границах?

Восточная Германия (ГДР наша и точка), Польша, Прибалтика, Скандинавия, Чехословакия, Молдавия, Украина, Белоруссия.

Это не значит, что необходимо уже завтра отправлять авианосные группы для патрулирования побережья Норвегии или проводить референдум о независимости Восточно-Саксонской Народной Республики, но манифестация естественных границ Евразии просто насущная необходимость.

И да, Украина цэ Евразия! И Молдавия. И Белоруссия. И...

Что делает житель мегаполиса, когда ему плохо? Что делает горожанин, когда чувствует пустоту в душе и несовершенство мира? Что делает современный человек, немного хипстер и совсем слегка сибарит, когда ритм большого города пришиливает его сердце к кровати и нападёт хандра? Глупец начинает пить или заниматься восточными духовными практиками. Умный поедет в Цыпово. Вы спросите, что это за живительный источник смыслов и душевного здоровья.? Поясняю. Это маленькая деревенька в Молдавии, сто километров от Кишинёва. Прямо на берегу древнего Тираса – реки, которую иные люди называют Днестр.

Представьте себе... Пасмурным московским утром, где-то в сентябре вы вылетаете из Домодедово в Кишинёв, берете болтливого таксиста молдаванина, если хотите услышать про бедственное положение страны, или арендованную малолитражку, если хотите избежать этого, и к обеду оказываетесь на высоком берегу реки. Перед вами седые струи Днестра, воды которого древние скифы почитали священными. Внизу круча, почти отвесная, и несколько «козьих троп» – они не ведут никуда и появляются из ниоткуда. За рекой свежей зеленью бьет в глаза непризнанное Молдавией Приднестровье, совершенно игнорируя свою «непризнанность» и продолжая свой «скифский» круг жизни...

Тихо и жарко, в Молдавии сентябрь еще летний месяц. Не мучительно жаркий, как июль, с его + 35 и отсутствием малейшего дуновения ветра. Нет, сентябрь – это ласковое лето, +28 и лёгкий северный ветерок. Справа от вас – небольшая церквушка русского обряда, огражденная невысоким каменным заборчиком, слева – узкий скалистый гребень известняковых пород, словно узкий каменный нож, рассекающий окрестные холмы. И то и другое колоритно и манит, но нет, нам надо дальше.

Движемся прямо к обрыву, еще несколько шагов и... впереди открывается узкий проход, двигаемся по нему, перемещаясь змейкой – мы на стене. Белая, словно облицованная мрамором стена, похожа на руины древнегреческих храмов. Это и есть храм. Скальный монастырь. Пещеры, в которых живут священнослужители уже многие тысячи лет. Сейчас это православный монастырь, но некогда здесь жили и жрецы совсем других культов. Место намоленное... Когда-то, давным-давно, чуть выше по течению существовал фракийский город, потом его заселили славяне – уличи и тиверцы. Его земляные валы еще можно заметить, если постараться. Жители города в этих пещерах приносили жертвы культу Залмоксиса – бывшему рабу Пифагора Самосского, путешественнику, врачу и человеку, ставшим богом. Залмоксис как местный Заратустра, основал религию единобожия тогда, когда это ещё не было модно, потому культ его был растоптан римскими легионами в начале нашей эры. До него здесь поклонялись Гекате, и это неспроста. Но об этом позднее... Идем дальше и ниже.

Кельи монастыря белы и ухожены, все они свободны для посещения, потолки скальной церкви выкрашены светло-голубой краской и украшены изображением созвездия. Астрономы говорят, что это созвездие Ориона... Не знаю. Как-то я прилег на прогретые за день камни и вглядывался в постепенно темнеющее небо, ища соответствия. Я их не нашел. Но кто я такой, чтобы спорить с астрономами, астрологами и хиромантами... С судьбой.

Скальная церковь явно вырублена в скале не только в религиозных целях – это крепость. Здесь, видимо, хранили ценности и храма, и близлежащего города. Без альпинистского оборудования сверху не спуститься, а снизу все сделано для удобства защиты. Истёртые за века ступени намеренно узки и заворачиваются под немыслимыми углами, чтобы даже один человек, вооружённый острой палкой, мог сдерживать натиск многих. Вертикальные переходы между ярусами снабжены «верониками» – фортификационной поворотной щелью, уловкой, когда противнику, для того чтобы подняться или спуститься, необходимо совершать два параллельных действия – поворачивать и двигаться по вертикали. При этом вероники левосторонние, чтобы правая, ударная рука нападающего была прижата к стене телом самого нападающего.

Если вам повезет и кто-нибудь из монахов будет свободен, с ними можно поболтать

в теньке небольшого орехового дерева, растущего прямо из скалы, и поспрашивать, от кого это они готовятся защищаться в этой цитадели – уж не от самого ли отца лжи во время последней битвы? Эта духовная крепость пережила множество нашествий. Кто только не проходил через эти «ворота» на Балканы... Киммерийцы, тавры, фракийцы, иллирийцы, скифы, греки, сарматы, славяне. Все они оставили здесь следы своего присутствия. Здесь вечность везде, здесь не нужно вести археологические раскопки, чтобы совершить открытие. Бывает после дождя, когда все покрыто мелкими сверкающими на солнце водяными бусами, прямо на тропу дождевой поток выносит осколок греческой керамики или бронзовую завитушку скифской сбруи. Единственные, кто не оставил здесь материального следа, это – готы. Под давлением гуннов они промчались через эти места, грабя и разрушая, оставив о себе память лишь словом в местном наречии – «хотц», то есть вор или грабитель.

Если спуститься еще ниже и взглянуть наверх, то глаза обожжёт удивительным сочетанием цветов – только белый и зелёный и их оттенки. Серебристо-зелёные, похожие на скифские короткие мечи-акинаки листья грецкого ореха, тёмный шиповник, изумрудные мхи, благородная зелень папоротников. И всё это на фоне белоснежной стены, на которую в солнечный день даже больно смотреть – она сияет и как будто горит «белым пламенем». Всё объясняется просто – мы находимся на дне древнего пресного моря, прозванного Сарматским. Приблизительно два миллиона лет назад триллионы пресноводных моллюсков, умирая на протяжении поколений, опали на дно в своих раковинах и создавали слой породы «недомрамора», известняка. Это прекрасный строительный материал белоснежного цвета. Из него специальными камнерезными машинами выпиливают большие параллелепипеды-«кательцы» и строят дома. Зимой в таких домах тепло, а летом прохладно.

Но нам пора спускаться ещё ниже. Пробираемся сквозь густую зелень через узкое ущелье, тропинка хоть и утоптана, но явно полна влаги, где-то рядом слышна быстробегущая вода. Она не шумит, не угрожает. Нет, она шепчет и как-то бесстыдно манит – «скорее, скорее, я жду...»

И вдруг вы оказываетесь на берегу скального амфитеатра с абсолютно круглым кратером, наполненным живительным, прозрачным, прохладным волшебством. Вода падает в него с высоты 25 метров, поднимая в воздух мелкие изумруды и алмазы брызг. Солнце играет на воде само с собой в догонялки. Невозможно понять, где кончается небо и начинается вода. И только мокрые борозды мха, свисающие с обрыва водопада, создают хоть какую-то видимость границ между небом и землей. В этом ущелье свой климат, даже в страшную жару здесь комфортно. От Днестра дует ветерок, камни, окружающие маленькое озеро, открыты солнцу и, прогреваясь за день, держат тепло до самой ночи.

Присядьте на любой из этих камней. Эти камни пропитаны историей. На них стояли вожди и цари древних народов во время военных советов, жрецы и жрицы времен матриархата предавались на этих камнях вакхическим радениям. Здесь провёл свои последние годы легендарный певец патриархата Орфей. Здесь же он и похоронен. Говорят, что легендарный спуск в ад Орфей совершил тоже здесь. Это выразилось в ночном прыжке с водопада в озеро. Говорят, что Орфей, забрав свою Эвридику из царства мертвых, обернулся, чтобы посмотреть, не преследуют ли его, и, тем самым нарушив главный запрет смерти, потерял свою Эвридику уже навсегда. Когда я был моложе, я совершал «путешествие» Орфея в прекрасные лунные ночи, прыгая с кручи в огромное отражение луны, и никогда не оглядывался назад. Если вам повезёт и лето будет не слишком жарким, «прыжок веры» сможете совершить и вы, главное – убедиться, что поток водопада достаточно полноводен и глобальное потепление не высушило зеркало водоёма, иначе отобьёте себе пятки. Или просто искупайтесь в кратере. Это священная вода, смывающая печали...

Почему я уверен, что Орфей похоронен именно здесь? Почему я с удовольствием покажу его надгробие любому, кто поедет со мной в этот храм патриархального мужества? Почему не другие одиннадцать мест, претендующие на эту честь? На

это указывает несколько фактов.

Во-первых, Цыповское ущелье – это старинное место поклонения женскому культу. Если смотреть с левого скифского берега Днестра, то местность похожа на раскинутые в неге женские белые ноги и раскрытое лоно, из которого вытекает священный ручей. Сюда из скифской степи приходили амазонки помолиться Великой Матери – переплыв реку смерти (Днестр), они оказывались в «потустороннем царстве мёртвых». Здесь они приносили в жертву лучшего из имеющих в наличии мужчин, сбрасывая его со скалы. Орфей же, как вестник патриархата, уподобившись жертве, сам шагнул в «пропасть ада» и тем самым смертью смерть попрал. Он спустился с солнечного склона (оттуда, где мы начали наше путешествие) и прыгнул в световой «люк» отраженной луны, то есть сошел в ад и вернулся из ада живым. Видимо, жрицы Гекаты, богини луны и тьмы, не оценили его поступка и вместо него в жертву принесли Эвридику. Но это уже ничего не изменило, женская богиня уступила солярному Орфею, хотя и отомстила ему по-своему. О, женщины! Они одинаковы во все времена!

Во-вторых, надо помнить, что Орфей был певцом. Все средние века возле водопада в природном амфитеатре собирались местные бродячие музыканты, лаутары, для проведения соревнований и выбора лучшего музыканта – князя музыки. Это ли не отголосок религиозного почитания Орфея в этих местах? Кстати лаутары, эти ваганты и трубадуры днестровских земель – явление удивительное и одновременно не изученное. Тайный орден музыкантов и поэтов – разве это не прекрасно? Рекомендую посмотреть фильм Эмиля Лотяну «Лаутары». Там, кстати, есть кадры, снятые на цыповском водопаде.

В-третьих, могила действительно присутствует. Массивная глыба обтёсанного камня с петроглифами, древними дубами вокруг и бьющим из-под камня незамерзающим ручьём. Дуб, как известно, был символом патриархата, а сочетание деревьев, камня и источника – это откровенно орфические, солярные приметы. Вспомните всех ветхозаветных пророков, они добывали воду, ударяя деревянным посохом – молнией Тора, перуном, дубовой стрелой – в камень.

Вездесущее племя туристов-эзотериков старается создать здесь дополнительные «чудеса» – высекают грубые изображения солнца и луны (убогие и нескладные на фоне древних граффити и петроглифов), складывают восточные сады камней, устраивают неоязыческие радения с оплодотворением камней «мужской силой», прочий новодел и профанацию. Вызывает это только отторжение. В месте, где вполне могли бы жить Адам и Ева, подобная бутафория излишня. Вообще противоборство солярного и лунного, мужского и женского, орфического и вакхического здесь чувствуется особенно сильно. Многие годы женщины-воительницы были здесь нормой. Даже в Средние века здесь это было модно. Одной из жён молдавского господаря Стефана Великого, Штефана чел Маре, была Мария Войкица (Мария Воительница?), которая вместе со своей охраной, состоящей из женщин в мужской одежде и латах, скакала по окрестностям, борясь с татарскими бандитами и конокрадами. В лунные ночи можно услышать цокот копыт и шум погони, где-то рядом... но потом все стихнет. История остаётся историей. Её можно почувствовать, но потрогать нельзя. Однако дух места не стирается никогда...

Однажды ночью, когда роса покрывала полынь цыповского эстуария серебром, и это серебро смешивалось с серебром лунной дорожки на реке, так что невозможно было отличить, где земля и где вода, я наблюдал интереснейшую картину. По росе в сторону Днестра, рассекая собой травы, мчались два крепких местных парня. А на их плечах сидели и истерично смеялись две вакханки из ближайшего села. Тела и тех и других были облеплены травами и ползучими растениями. Они были даже не пьяны, а просто в религиозном экстазе. Их глаза сверкали серебром. И сверху на них смотрела и улыбалась мать-луна. Ночь сильна и полна ужаса, Гоголь рассказывал не сказки, я видел Хому Брута своими глазами. Мне было страшно, но отвести глаза я не мог. Они ушли в серебро полыни, и смех пропал в лунной дорожке реки.

Налюбовавшись красотой серебряной поймы реки, дождитесь рассвета. Солнце поднимается прямо напротив выхода из ущелья и высушит все слёзы ночи, согреет травы, зазолотит воду водопада, и наконец воссияет «белым пламенем» монастырь. Всё, пора домой... Поднимайтесь наверх, в село. Не ищите сувениров, их здесь нет. В селе живут триста человек. Мужчины и женщины пополам. Вглядитесь в их лица, в них вы, может быть, увидите татарские скулы и монгольский разрез глаз, фракийские узкие щеки. А может, вам повезёт увидеть скифский прямой нос и голубизну глаз тиверской славянки. Синеокая Тиверь и сегодня живёт здесь, хотя и говорит на диалекте молдавского языка. Не ищите здесь вина, это не винный регион. Здесь пьют «ракию» – тридцатиградусную водку. Возьмите с собой бутылочку. Если не побойтесь таможенников, возьмите здесь кусок вонючей серого цвета овечьей брынзы (брынза де оае). Её не надо нюхать, это деликатес особого рода. Попробовав раз, вы перестанете покупать итальянские мягкие сыры. Кроме того, это мощнейший афродизиак. Сходите в церковь, помолитесь Отцу Небесному и с добрыми помыслами покиньте это место. Место, где скифы и фракийцы, славяне и волошане, турки и монголы, русские и молдаване жили веками. Место, где есть источник силы и памяти. Где легко дышать и невозможно умереть.

Через пару часов вы в аэропорту Кишинёва (Молдавия невелика, расстояния смешные). Ещё несколько часов – и в Москве. Прошли всего лишь сутки. Мир не изменился. Но вы изменились... Можете быть уверены, вы посетили место столь же знаковое и величественное, как набатейская Петра или египетские пирамиды. Тихую, но великую достопримечательность мира.

[Глава 5. Война: Окопный дом-2 и солдатский быт]

Жизнь солдата очень похожа на жизнь алладиновского джинна. Безграничная власть над жизнью и смертью и невероятное ограничение свободы перемещения. Солдат всемогущ только в пределах выделенного ему участка фронта. Покидая его, он чувствует себя как «раб лампы». Солдат даже в магазин без БР (боевого распоряжения) сходить не может.

Женщина в окопах явление чудовищное. Это как женщина на корабле. Жди беды. Особенно если это относительно молодая фертильная особа. Окопное блядство – это блядство вдвойне. Во-первых, потому что оно происходит в безумно антисанитарных условиях, во-вторых, потому что весь этот «окопный дом-2, как построить свою любовь на передовой» жутко отвлекает от войны.

Допустим, женщина отдаёт свои симпатии одному из командиров и переезжает к нему в блиндаж. Это сразу порождает неудобство. Ведь солдату нужен доступ к командиру круглосуточно. Он должен вбежать в нору и доложить обстановку, а не заглядывать в блиндаж и видеть там спящую, раскинувшую «кегли» лесную нимфу (или милфу, смотря как повезёт командиру). Признайтесь, что такое невыразимо прекрасное зрелище не будет способствовать качественному докладу. Затем командир по своей прихоти начинает переключать обязанности своей возлюбленной на других военнослужащих. Чем, несомненно, возмутит оставшихся солдат и подвергнет их жизни излишнему риску. Потом чувства к своей ППЖ (походно-полевой жене) заставляют его беречь её от всяческих бед, таких как, например, обстрелы, и он, растеряв бдительность, получает ранение, пытаясь с боем прорваться к своей пассии на соседнюю «полку» и прикрыть её своим телом. Его увозят на лечение. Она остаётся в одиночестве в командирском блиндаже и горюет. В блиндаж въезжает свеженазначенный врио командира. Он тоже в любой момент может быть убит и хочет жить насыщенной и полной жизнью, и его так же невероятно жалко. Со всеми вытекающими последствиями... А через месяц возвращается после госпиталя прежний командир, и Санта-Барбара становится уже совершенно безумной и опасной. Отчаянные люди, не боящиеся ничего и никого, оказываются предельно близко друг к другу. Вокруг много оружия, и все умеют им пользоваться. Дикая смесь. Смертельная. Но иногда мне кажется, что часть женщин такой расклад даже возбуждает.

Или другой вариант. Обманутый и отвергнутый любовник, пользуясь своим положением, начинает «теребонькать» соперника по уставным правилам, превращая его жизнь в ад. И там, где ранее были братские и товарищеские отношения, процветает гадство. Ранения у командного состава, кстати, не редкость, поэтому в подобный клубок противоречий бывают втянуты по пять-шесть человек. А это влияет на боеготовность подразделения. Поэтому блядей солдат не любит.

Существуют ангельские создания, к которым эта грязь и подлость не липнет. Они проходят по окопам, как луч света. Вслед им не отпускаются шуточки. Они неприкосновенны. Им не делают непристойных предложений. А наоборот, помогают всячески. Они вовсе не бесполы. Просто их любовь к одному единственному человеку из окопа настолько видна, что смерть этого солдата убивает и его «ангела». И это ещё опаснее. За таких женщин солдат рубится добровольно. Он лишний раз под огнём противника сходит для неё за водой. Накопает для неё картошки. Подарит что-то из своего скромного шмурдяка. Например, чистые носки тридцать девятого размера. А у неё, например, тридцать шестой – уже можно носить. И поэтому солдат устанет сверх обычного, подвергнется риску сверх обычного, его ноги загниют именно без этой пары чистых носков. И, конечно же, все бросятся спасать эту деву, если она окажется отрезанной от основной группы. Или если будет ранена, то добровольцев вытащить её с «поля» будет хоть отбавляй. Ведь она олицетворяет и твою девушку, и твою жену, и твою сестру, оставшуюся дома. Это общеполужской инстинкт защитника. И вот это самая главная проблема женщины на войне.

Именно из-за таких и гибнет много отличных парней. Они гибнут, спасая «ангела», потому что слишком хороши для этого сраного мира. Потому, что слишком мужчины. Поэтому «ангелов» солдат тоже не любит. Но жить без них, к несчастью, не может.

Вооружённые силы Украины (ВСУ) испытывают серьёзные проблемы с комплектованием рядов, из-за которых столкнулись с кадровым истощением после нескольких месяцев интенсивных боев, пишет газета The Wall Street Journal. В публикации уточняется, что солдаты ВСУ вынуждены проводить на линии соприкосновения вместо максимальных пяти по десять-пятнадцать дней. Кроме того, в подразделениях ВСУ заканчиваются медикаменты, еда и вода.

Я прочитал эту заметку и, мягко говоря, обомлел. Пять, десять, пятнадцать дней на ЛБС и уже стонут, как маленькие девочки. А тридцать дней как у нас не хотите? А сорок восемь? А шестьдесят? Без душа, телевизора, интернета и пепси-колы. У меня, например, рекорд безвылазного нахождения на ЛБС – тридцать восемь дней. А затем, меня на восемь часов вывезли помыться, и я затем ещё одиннадцать дней пробыл на передке.

Это норма для русского солдата. Частые вывозы в тыл только расслабляют человека. Только ты освоился, вжился в окружающую среду, как тебя выдергивают из экстремально ситуации и отправляют на относительно мирную 5-ю линию. А там тыловые рожи, недоступные в окопах радости и т. д. Это рождает зависть и презрение к штабным крысам. Если бы не желание принять душ и выйти в Сеть, я бы спокойно сидел на «полках» по тридцать дней. Вот это идеальный график. Тридцать дней на «полках», десять в тылу. Но не на 5-й линии, а в настоящем тылу. В городе. Где есть магазины, парикмахерские, рестораны, женщины в мини-юбках, светофоры, караоке, мороженое, кинотеатры...

А насчёт еды и воды. Воду, например, мы таскали на себе по двадцать пять литров в рюкзаке в бутылках и пятишках шесть километров. И мечтали мы не о пепси-коле, а о простой минеральной воде с газом. Этого очень не хватало. А ещё мы поняли, что хлеб – это действительно очень вкусно. Нам привозили его раз в месяц. Один, набитый до отказа рисовый мешок. Хлеб невозможно долго хранить в полевых условиях. Его объедают крысы, на нем заводится плесень. Мы аккуратно обрезали заплесневелые и закрысенные места и потребляли хлеб, жмурясь от удовольствия. Его хватало дня на три-четыре. Затем мы грызли ненавистные галеты из армейского сухпая. От них постоянная изжога и они царапают десны.

Но в сухпаях тоже есть достойные вещи. Вполне приличные паштеты. Несколько баночек такого продукта и две луковицы, обжаривать на медленном огне туристической горелки. Пальчики оближешь. Тушёнка с зелёным горошком и овощное рагу становится основой для похлёбки. Картошку можно накопать на старых огородах или отобрать у противника. Яблочное повидло невероятной сладости добавляется в чай для аромата. Жить можно. Только не долго.

Если питаться только сухпаем больше недели, начинаются окопные запоры. А хуже этого только окопное недержание. И то и другое опасно для здоровья. В прямом смысле этого слова. Солдат со спущенными штанами крайне уязвим. Особенно для птичек. Долго задерживаться (запор) или слишком часто посещать уборную (диарея) – это значит подманивать смерть с небес. Да и вообще, стрёмно погибнуть, измазавшись своими же собственными экскрементами. Хохлы, кстати, платят огромные бабки за видео гибели срущего орка. Их это веселит. Вот такие они перверты.

Жил был солдат в норе под холмом. Но это была не хоббичья нора, благоустроенная и с круглой дверью. Нет, дверь была прямоугольная и сделанная из ящика от пулеметных патронов. А внутри норы было холодно, темно и пахло крысами.

Для того чтобы жизнь в этом кошмаре стала хоть немного легче, добрые русские люди скидывались деньгами и покупали в огромных торговых центрах утеплитель с

серебристым покрытием и присылали его солдату. Утеплителем солдат и обшивал свою нору изнутри, используя в качестве гвоздей автоматные патроны калибра 5,45. Они отлично втыкались в мягкую землю и замечательно забивались в твёрдую. В качестве молотка использовали короткую деревянную колотушку, изготовленную из доски патронного ящика. Эти «гвозди» спасали солдата, как заряженные в автомат, так и заряженные в землю.

Солдатские норы были нашпигованы смертью, и в этом был свой особый шарм. Ведь это были самые вооружённые жилища на земле. Утеплитель же не только утеплял. Утеплитель, поблескивая серебром, создавал иллюзию чистоты. На его светлом фоне были видна грязь и мусор, который можно было изгнать из норы. Кроме того, он психологически разграничивал мир солдат и мир крыс.

Кстати о крысах. До того, как я родился солдатом, я их боялся. Это был генетический страх, подтверждённый литературой. Что я знал о крысах? Да только то, что крысы Ремарка ничем не лучше крыс Эрнста Юнгера. А ещё были крысы Грина, Гарри Гаррисона, Стругацких, Камю... Все они ничего не знают про крыс. Их крысы лишь плод литературной фантазии. Мои крысы настоящие. Такие, какими их создал Бог.

Эти твари умны, деятельны, смелы, чистоплотны, насколько это возможно в условиях помойки. Мы жили с ними в одной экологической нише. В кучах мусора, наваленных в степных посадках, которые мы называли «полками». Наши и крысиные норы частенько пересекались. Мы часто виделись с этими грызунами. Они перестали меня пугать, и, наблюдая за ними, я проникся к ним уважением. Когда они бегали по моему лицу, я не вскрикивал и не махал судорожно руками, как некоторые. Это могло спровоцировать животное на агрессию. И тогда раскорябанное лицо и противостолбнячные уколы были обеспечены. Нет, я лишь аккуратно направлял их в нужном направлении.

Скажу больше, и многим это не понравится, как одинаковый образ жизни влияет на внешний облик разных видов (например, сумчатый волк внешне похож на волка, хотя второй из рода псовых, а первый обычный кенгуру), так и солдат, ведя норный образ жизни, становится похож на крысу. Мы, как и они, зарываемся в землю и выживаем в агрессивной среде, там, где остальные животные гибнут. Наши норы опрятны и продуманы. Мы питаемся тем, что найдём на месте. Наши шкурки сливаются с ландшафтом, а под ними бронированные листы и кевларовые сухожилия. Мы бронекрысы. Фулметалджект рэтс. И в этом нет ничего обидного. Такими нас сделали те, кто загнал нас в эти норы. Бытие определяет внешний вид...

Я часто вспоминаю, как я родился солдатом. Как и любые роды, рождение солдата проходит в муках. Из темноты и ложной безопасности тентованного борта «Урала» неторопливой автоматной очередью многотонный зверь с кряхтением выдавливает нас из себя. Сначала рождаются самые сильные и приспособленные, затем остальные. В конце как родовой послед, как плацента рождающей самки бегемота, выходят сотни килограммов солдатского шмурдяка. Мы как слепшары котята шуруем на этот мир, пытаемся разобраться, где мы и как здесь оказались. А затем подхватываем свои рюкзаки, БК и бежим. Долго и тяжело. Так начинается жизнь солдата. Так он рождается и в поте лица добывает мир ваш насущный.

Из того, что я здесь пишу, может сложиться впечатление, что жизнь русского солдата – это какой-то беспросветный кошмар. Нескончаемая мясорубка и конвейер смерти. А ведь это совершенно не так. Война – это, конечно, тяжёлая, сложная работа, но в ней, как и в обычной жизни, много ярких и светлых моментов. Их просто нужно увидеть. Нужно привыкнуть замечать красоту за темнотой и непогодой. Кстати, и сама непогода может выглядеть внешне вполне великолепно.

Наш солдат живёт в «поле». То есть, в отличие от городского обывателя, замечает изменения в окружающей среде. Он, как пещерный человек, страдает от осенней распутицы, зимних дождей и холода, радуется приходу весны и тает от летней

жары. Над ним всегда либо высокое небо Аустерлица, либо звёздная карта небес. Конечно, кроме тех случаев, когда он сидит в блиндаже. В этом случае над ним «православный бронированный полиэтилен», который защищает его от осадков любого рода. Кстати, артобстрел на армейском жаргоне тоже называется «осадки». Осадки могут выпасть, например, в виде града и в виде «Града». Первые опасны для посевов, вторые не жалеют никого. Когда в радиообмене солдат сообщает, что на позициях «тепло», а на заднем плане его голоса слышна стрелкотня и разрывы, это говорит о привыкании человека к войне. Норма сдвигается. Ведь «тепло» значит, что все в порядке. Опасности нет. А она есть. Просто солдат не воспринимает её как таковую.

Жизнь на свежем воздухе без различных удобств рождает принципиально другое отношение к гигиене. Солдат считает высочайшим изобретением человечества влажные салфетки. Именно они заменяют душ, спасают от кишечных заболеваний, заменяют туалетную бумагу. Солдат протирает этими белоснежными листочками сначала лицо, затем руки, затем шею и за ушами... Затем они становятся чёрными и их бросают на пол блиндажа. Так накиданные в несколько слоев салфетки, втоптаные в землю, становятся блиндажным ламинатом.

Именно в блиндаже солдат чувствует себя защищённым. Именно блиндаж называет он домом или своей норкой. Здесь он может почитать книгу или посмотреть на телефоне заранее закачанный фильм. Кстати, в прифронтовых городах открылся новый вид торговли. Торгуют картами памяти для телефона с закачанными на них фильмами. Бизнес процветает. В общем, в блиндаже даже по-своему уютно. Здесь солдат смотрит в земляной потолок, вспоминая своих домашних. Здесь он пережидает налёт. Собираясь в одном из блиндажей, нарушая все мыслимые и немыслимые приказы и инструкции, рискуя попасть под огонь вражеской артиллерии, солдаты называют друг друга братиками.

Именно на таких посиделках слышен самый честный и чистый, почти детский смех. Именно в блиндаже парни раскрывают товарищам самые сокровенные мечты. Именно там показывают фотки жён и детей. Там рождается фронтовая дружба. Как-то мы сидели «под плёнкой» и травили анекдоты. Вдруг услышали странный мультяшный звук. Что-то вроде «тилилилипумс»... Звук нарастал. А мы спорили между собой, что это. Варианты были следующие: новый хохлячий дрон, перелётные птицы, насекомые... Вдруг между нами, едва не задев нас, пролетел хвостик от 120-й мины и воткнулся прямо между ног парня, сидевшего в глубине норы. Мы переглянулись и разразились истерическим смехом. Шальной тридцатисантиметровый осколок – это очень смешно. Нам так показалось, по крайней мере.

Давайте сами признаемся себе. Кто шёл в армию последние тридцать лет? Две категории: безумцы и неудачники. Безумцы, фанаты, милитаристы – люди, которые при любом раскладе оказывались бы в военных структурах. Это меньшинство. Воины, кшатрии, спецы. А остальные? Это люди, которые не могли устроиться на гражданке. Любители размеренного существования и льготной ипотеки. Поэтому требовать от таких людей взятия Киева в 2022 году – это утопия.

Но времена изменились. Прошла микромобилизация. И в армию влилась свежая кровь. Люди после срочки устраивались на работу, достигали в ней неких профессиональных высот и по возвращении в армию перенесли эти знания и навыки в армейскую жизнь.

В прошлой жизни, перед тем как родиться солдатом, я занимался гуманитарной деятельностью. Привозил солдатам насущное – то, что Шойгу по тем или иным причинам не мог им выдать: тепловизоры, РЭБ, дроны... Я вспоминаю, как бестолково разгружали мой микроавтобус в одной из частей, расположенной на Запорожье. Рулил процессом «профессиональный» военный. Я назвал его тогда диким прапором. Шума было много, а толку чуть. Через год в той же части всё прошло без сучка и задоринки. Чётко, организовано, «по-военному». Я сразу заподозрил подвох. Так и было. Руководил разгрузкой и вообще складскими работами бывший логист одной очень крупной торговой сети. Очень крупной.

И таких примеров масса. И не только в рядовом и младшем командном составе. Мобилизованные офицеры, как только пообтёрлись в военной службе, стали показывать отличные результаты. Ну, те из них, кто на гражданке занимал нормальные управленческие посты. Поэтому постоянная мобилизация и ротация в армии необходима. Через войну и армию должно пройти всё мужское население страны.

Во-первых, это привнесёт в армию новые умения и навыки, инновационные способы работы. А во-вторых, наши граждане увидят, что не все ладно в Датском королевстве. Осознают причины этого бардака и неустроенности. И это станет началом возрождения России. Армия в очередной раз станет инструментом строительства нации. Народная армия для народа России.

Отсутствие интернета в окопах вскрыло ряд изменений в нашем обществе, на которые уже никто не обращает внимания.

Например, проблема «пруфов». Если в обычной жизни можно при каком-либо споре сослаться на «всемирный разум» и посмотреть ответ в «нете», то на «полках» это невозможно. Нужно идти под обстрелами восемь-двенадцать километров к соседям, у которых есть «воздух», и там присоединяться к жутко тормозному оборудованию, чтобы проверить, например, действительно ли удав боа может достигать пятнадцати метров в длину или только четырнадцати. Заправские спорщики так делали, я для этого уже староват.

Ещё одна проблема отключения от Сети – это проблема «малого объёма» памяти у молодёжи. Привыкнув к возможности черпания знаний из интернета, молодое поколение не перегружает себя информацией. Поэтому человек даже средних способностей, помнящий, как собрать и разобрать зенитную установку, имеющий определённый багаж знаний, умений и навыков, предпочтительнее гения с маленькой оперативкой вместо памяти. Умение отремонтировать что-либо без видеоурока на войне очень ценится.

Третья проблема. Это наша буржуазия. Почему вообще на «полках» нет интернета. Обьясняю. Мы всем коллективом сбросились по пять тысяч отечественных рублей и купили очень дорогую и прекраснодействующую интернет-тарелку от одной очень крупной корпорации, являющейся, несомненно, народным достоянием. С риском для жизни привезли её на позиции. Заранее приготовили для неё место дислокации (много копали, много тяжёлого носили, много и далеко ходили). Вызвали из другого подразделения специалиста. Установили и подключили... А вот кукиш. На территории «Украины» без санкции «властей Украины» эта сраная корпорация не разрешает работать своему оборудованию. Как вы понимаете, «власти Украины» санкции на подключение к интернету нам так и не дали. И дорогущее оборудование до сих пор стоит в окопе под Соледаром как памятник подлости сраной российской буржуазии.

Почему фронтовики частенько презирают штабных и тыловиков? Почему клеят им обидные прозвища: «крысы тыловые», «штабс-капитаны Гоноренко» и тому подобное? Причин много. Но основная проблема – скорость. А точнее несовпадение скоростей фронтовиков и тыловиков.

Как проходит жизнь фронтовика? Очень быстро. Хлоп, и ты уже в «Урале» едешь на фронт! Хлоп, и ты уже бежишь под огнём неприятеля! Хлоп, и ты «триста»! Хлоп, и ты в госпитале! Хлоп, и ты снова на передке!

Никто не интересуется, когда ты в последний раз ел и что? Когда спал? Что на тебе надето? Никто не спрашивает, какой сегодня день недели и нет ли какого выходного или праздничного дня?

Да, это такая работа. Но это работа, оваянная неким религиозным смыслом – священный ратный труд. И человек понимает его сакральность, ценит его, радуется ему. И... надеется, что такое же отношение к этому труду будет у других.

А это не так. Для штабных и тем более тыловиков это просто рутина. Если фронтовик трудится 24/7, то у тыловика работа с 9-00 до 18-00 с перерывом на обед и двумя выходными днями. Это, по сути, офисная работа. Административный блок. Перерывы на перекуры, чаепитие, сплетни и флирт с молоденькими секретаршами. Нормальная мирная работа с бумагами и людьми. Это накладывает отпечаток на мироощущение.

Неторопливый офисный быт не принимает резких движений фронтовиков. Отсюда и недовольство, и антагонизм. Фронтовик не понимает, почему он ждёт «ветеранку» по полгода или почему справка на место прежней работы готовится по три месяца. Фронтовику неясно, почему сроки выплаты за ранения невозможно спрогнозировать и их ожидание становится просто пыткой. Разные скорости бытия. Даже бывшие фронтовики, попавшие после передка в штаб, постепенно перестраиваются под неторопливый шаг военного офиса.

Как исправить эту ситуацию? Если не предлагать радикальных решений, то никак. Возможно, выходом из ситуации стало бы появление должности фронтового омбудсмана, который бы принимал жалобы фронтовиков и мог бы «подталкивать» особо флегматичных тыловиков.

Человек, жертвующий своей жизнью за Родину, не должен тратить свои силы и время на борьбу с бюрократической неторопливостью.

У всего есть своя тёмная сторона. Помимо героического и великого, в СВО присутствуют и отвратительные моменты. Например, люди, которые зарабатывают на войне. Есть в нашем обществе и такие, чего греха таить. Командиры-коммерсанты, тыловики-несуны, псевдоволонтеры... и, конечно же, проститутки.

Вот уж кто пользуется войной, так это они. Мужчина, вернувшийся с передовой, видевший смерть и разрушение, потерявший товарищей и ощутивший вкус борьбы и победы, весь пропитан гормонами. Он выжил в бою, значит, он избранник судьбы и хочет жить. Жить ярко и насыщенно. Потому, что завтра ему снова в бой. И результат этого завтра совершенно не определён. И он знает это наверняка.

Эрос и Танатос переплетены в солдате сильнее, чем у среднестатистического гражданина. И жрицы продажной плоти этим пользуются.

15-20 тысяч рублей за час услуг данных особ в прифронтовых городах, куда выводят парней на ротацию, вполне рядовая цена для данного бизнеса. Дела у проституток идут блестяще. Солдат много. Клиентский поток не ослабевает. Не зря говорят, что «кому войнушка, а кому кормушка».

Борьбу с этим явлением компетентные органы ведут, честно говоря, спустя рукава, исходя из гуманизма и понимания солдатских нужд. И это несмотря на опасность подобных посещений (алкоголь, наркотики, венерические заболевания, работа украинских спецслужб).

Нормальные командиры, заботящиеся о личном составе и морально-нравственном климате в подразделении, организывают (скорее, не препятствуют) проезд жён бойцов во время пребывания военных в тылу. Эта практика сохраняет семьи, укрепляет духовную связь бойца с родными и не вызывает финансовых проблем в семье.

Вы не представляете, как военнослужащие ждут приезда своих жён. С какой гордостью выводят их в город на прогулки, какими глазами смотрят на них в кафешках, как трепетно держат их за руки. Это даже не второй медовый месяц, это абсолютно обновлённые чувства.

Зрелые пары ведут себя как малолетки во время первой влюблённости. Для молодёжи, кстати, этот опыт тоже полезен, так как в увольнительную отпускают именно к жёнам, а не к подругам, подружкам или сожительницам. Это становится дополнительным стимулом для заключения официального брака и деторождения. Возможно, СВО сможет, помимо прочих, решить и проблему демографии и

нежелания молодого поколения заключать официальные семейные союзы? По крайней мере, я бы попробовал. Вдруг получится.

Во время моего пребывания на Кубе я поражаюсь мирному сосуществованию двух официальных религий острова Свободы: католицизма и сантарии. Чтобы стало понятно моё удивление, надо пояснить, что сантария – это местный вариант культа вуду со всеми вытекающими (зомби, жертвоприношения, там-тамы и др.). Объяснялось это очень просто. Во времена правой диктатуры Батисты сантаристы оказались выдвинуты в маргинальные круги кубинского общества, многие бежали в горы, где и примкнули впоследствии к отрядам Фиделя Кастро. После победы революции про сантаристов не забыли. Гонения на них прекратились, а их религиозные лидеры вошли в истеблишмент новой Кубы.

Вангую аналогичный процесс и в России после окончания СВО. Не раскрою секрета, что в воинском сословии страны немало представителей родноверия. Причём не только среди этнических русских. Очень сильны такие настроения у поволжских народов, в первую очередь у башкир и мордвы (эрзи). Осетины, абхазы и чеченцы тоже часто исповедуют двойную религию. Это связано, вероятно, с агрессивной сутью войны и отсутствием табу на кровопролитие в родноверии. Плюс к этому жрецы этой синкретической религии очень часто являются отличными воинами, что не может не провоцировать прозелетизма. Люди на войне тянутся за сильными и ловкими бойцами.

Возможно, православным и другим авраамическим культурам стоило бы усилить работу с личным составом. Может быть, институт полковых капелланов смог бы решить этот вопрос.

В противном случае после войны мы получим вполне оформленную религиозную группу неавраамического характера с весьма обоснованными требованиями по её легализации и включению в официальный социум (молельные места, представительство в общественных структурах и т. д.).

Пост не разжигает религиозной розни и носит чисто научный характер. (Братья-родноверы, без обид.)

Военный быт – это в первую очередь антисанитария. Во вторую – отсутствие приватности.

Все пьют и едят из одной посуды. Пользуются общей ложкой. Пускают бутылку с водой по кругу, не думая про хеликобактер и прочую ерунду.

Ты спишь в чьем-то спальном мешке и носишь чьи-то ботинки. В душевой, если тебе повезет там оказаться, ты будешь ходить босиком по осклизлому полу или наденешь многоопытные резиновые сланцы, стёртые сотней разных ног как со стороны подошвы, так и сверху. Эти тапочки принадлежат не конкретному солдату, а всем одновременно.

И не только тапочки. Речь идёт о вещах вообще. Круговорот вещей солдата происходит как при его жизни, так и после неё.

Кепки, баффы, комок, эрдэшки, носки, трусы, броник, каска... Все это дарится, теряется, пропадает, находится, рвётся, выбрасывается, чинится и снова используется.

Фактически личным имуществом солдата является только его личное оружие. Остальное – это общесолдатская собственность. И чем быстрее новобранец это поймёт, тем легче ему будет жить, легче будет влиться в коллектив и найти там себе место.

И о приватности. Солдат всегда на виду. Если солдата никто не видел в течение получаса, окружающие начинают переживать. Если час и более, то вероятность

его смерти или ранения резко вырастает. Если его нет сутки – он «двухсотый» с высокой степенью вероятности.

Вот такое наблюдение. Задаёшь вопрос иностранным добровольцам – зачем вы здесь, за что воюете? И все эти латиноамериканские революционеры, непальские маоисты, шри-ланкийские националисты из бывших «тигров освобождения», баварские регионалисты, каталонские и баскские сепаратисты смотрят на тебя и говорят – ты что, глупый? Здесь ведь идёт восстание против современного мира! Борьба за завтрашний мир. За наш общий завтрашний мир. За наше будущее. Неужели тебе не ясно?

И если «посторонним» людям это понятно, почему это не понятно многим нашим соотечественникам? Или они хотят остаться «во вчера»?

Что наш солдат говорит про победу? Он в ней не сомневается. Кроме таких циников, как я, которые говорят, что мы уже победили, так как смогли изменить Россию, развернув её от классического анального потребления к своей исторической миссии. Ведь если мы разгромим Запад, наше будущее – это Великая Евразийская империя. А если падём под их ударами, то, по крайней мере, погибнем с оружием в руках, расстреливая и вешая всю эту прогнившую шоблу, доведшую страну до краха. В любом случае нас ждёт великая судьба. Потомки, даже если они будут не наши, расскажут о нас с благоговейным почтением.

Ну а те, кто не сомневается, уверяют, что победа будет 9 мая... 2045 года. Правда, каждый видит её по-своему. Кто-то хочет пройтись на заре по каштановым аллеям Киева и написать на здании СБУ, что этими развалинами удовлетворён. Кто-то видит победу как вход наших танковых колонн в разрушенный Львов. По сторонам шоссе стоят толпы в вышиванках, которые машут цветами и кричат по привычке: «Слава России! Героям слава!» Некоторые, я бы даже сказал меньшинство, представляют себя в качестве почётного караула на подписании в Буче акта безоговорочной капитуляции. Им кажется, что Зеленский должен отравиться/застрелиться/сбежать в Аргентину на летающей тарелке вместе со своей астеничной сраной Евой Браун.

Есть люди, которые говорят, что День Победы будет дождливым зимним днём в городе Херсоне. Их настолько впечатлило отсутствие на Херсонщине снега в январе, что они уверены – такой день не может выглядеть иначе.

Каким будет День Победы для меня? Я знаю, как он будет выглядеть. Это будет ранняя Приднестровская весна. Воздух будет свеж и прохладен, но солнце по-прежнему будет уже припекать. Я буду стоять на левом берегу Днестра и смотреть на укрытый туманом правый берег в бинокль. Мои берцы будут по щиколотку в воде и ноги будут сырые. Я утру слезу с обветренного зимними ветрами лица. Сяду в автомобиль «Рысь» (иногда думаю, что это будет «Тигр») и не спеша, в одиночку поеду к Днестровскому мосту между Тирасполем и Бендерами. На длинную антенну броневика я повешу флаг Приднестровья, красный с зелёной полосой, и включу подходящую под настроение музыку. Что-нибудь балканское. Горана Бреговича или «Здоб ши Здуб».

Задумчиво глядя из-под очков на молдавских пограничников и не прибавляя скорости, я проеду сквозь «границу» и поеду в сторону Кишинёва. Я знаю, что никто не посмеет меня остановить или открыть огонь. Напоборот, на перекрёстках дорожная инспекция будет салютовать мне самым подобострастным образом. Я въеду в Кишинёв, открою окна и включу на полную громкость «Прощание славянки». Музыка будет эхом разбегаться по пустым площадям и улицам и сердцам. Так я попрошаюсь с войной.

Таким будет мой День Победы!

[Глава 6. Мир: Кувшинка в пыли]

Существует молдавский анекдот о том, как девушка из рязанской глубинки вышла замуж за парня с юга Молдавии и уехала к нему на родину. Месяц пожила и пишет письмо матери: «Дорогая мама, вокруг меня одни гагаузы. Пойду за водой – гагаузы. На улице – гагаузы, в поле тоже». Мама пишет в ответ: «Доченька, пришли нам пару шкурок этих гагаузов, мы хоть посмотрим, как они выглядят».

Что знают в России о гагаузах и Гагаузии? Да ничего. А между тем «шкурки» у них, действительно, хороши.

Гагаузия, «Гагауз Ери», автономный регион на юге Молдавии, где живёт прекрасный и удивительный народ, связанный с Россией тысячелетней историей. Гагаузы – турки по языку, балканцы по кулинарным предпочтениям, православные по вероисповеданию и русские люди по культуре.

В их церквях Бога называют Аллах (который триедин, конечно же – Аллах Отец, Аллах Сын, и Аллах Дух Святой). Их язык настолько правильно-турецкий, что сам Мустафа Кемаль Ататюрк посылал к ним своих эмиссаров учиться турецкому языку в эпоху борьбы с заимствованными арабизмами. Их мясным блюдам позавидовал бы самый изощрённый венгерский мясоед. При этом они абсолютно двуязычны – русский для них такой же родной, как и гагаузский.

Кто же они? Как оказались там, где оказались? И что их связывает с Россией?

Начнём с того, что теорий этногенеза гагаузов невероятное количество, и все они представляют собой политизированные националистические мифы, придуманные другими народами в своих целях и вовсе не на благо гагаузам. В Болгарии гагаузов называют отуреченными болгарями и подвергают ассимиляции. В Румынии и Молдавии считают навязанной диаспорой – якобы злые российские императоры переселили не менее злых православных турок из Османской империи, чтобы «разбавить» молдавское «большинство» на юге Бессарабии (что откровенная чушь, невозможно разбавить то, чего нет). В Турции на полном серьёзе распространяют теорию о турках-сельджуках, отказавшихся от ислама и принявших православие, называют гагаузов вероотступниками и даже предателями.

Все эти националистические бредни разбиваются о простую и неприхотливую истину, которую знают все гагаузы с детства и которая подтверждается научными изысканиями – они жили здесь «всегда», к болгарам отношения не имеют и никогда не исповедовали ислам. Дело в том, что гагаузы – это потомки наших летописных половцев, а нынешняя Гагаузия – это просто часть огромной территории, которую западные половцы контролировали от Кавказа до Византии в XI–XIII веках. Территория скукожилась, но память осталась. В истории так бывает довольно часто...

Отношения у Руси с половцами складывались вполне рабочие: торговали, воевали, жили по соседству, короче. Помните в «Слове о полку Игореве»: «На землю Половецкую за землю Русскую» или «А половцы дорогами непроторенными побежали к Дону великому; скрипят телеги их в полуночи, словно лебеди кричат распуганные...» Или удалецкий, почти эротический пассаж? «В пятницу на заре потоптали они нечестивые полки половецкие и, рассеясь стрелами по полю, помчали красных дев половецких...» Чем не веселье? Кому же не любо помчать красных дев по полю...

Женились на «красных» половецких девчонках наши князья очень охотно и гагаузской крови в наших правителях всегда было немало. Жена Юрия Долгорукого, и соответственно, мама Андрея Боголюбского была из половецкой аристократии. Бабушка Александра Невского – половецкая красотка. Или взять того же самого князя Игоря с его полком – бабушка половецких кровей, так мало того еще и сына женил на дочери хана Кончака.

Если хотите посмотреть, каких женщин предпочитали брать в жёны русские

князя, поезжайте в город Чадыр-Лунгу. Будете удивлены, услышав турецкую речь из уст европеоидной девицы, с отливающими медью волосами и тёмно-синими или зелёными глазами. В антропологическом смысле западные половцы были наследниками Андроньевской культуры Восточной Европы, не так давно перешедшие на тюркский язык – поэтому блондинок и блондинов среди них хватало. Кроме того, немалая часть половцев давным-давно приняла «святую веру православную», что не могло не сблизить оба народа.

В Восточной Европе было три крупных государственных формирования в домонгольскую эпоху: собственно Русь, Волжская Булгария и Половецкая степь, она же «Дешт-и-Кипчак». Все три объединения попали под каток монгольской конницы, но судьба у них была разной. Если Русь благодаря своему географическому положению просто попала в зависимое положение от монголов (мы по традиции зовём те события «иго»), если болгарские земли стали основой Золотой Орды и население приняло новую идентичность (казанские татары и чуваша), то половцы пострадали больше всех. Они приняли на себя первый удар и были просто сметены с исторической сцены. Побоище было страшным, монголы шутить не любили. После совместно проигранной битвы на территории современной ДНР недалеко от нынешнего Мариуполя (её ещё называют битвой на Калке) русские и половцы потеряли друг друга из виду. Русские подались на север... А предки гагаузов...

Часть половцев бежали на Дунай и далее в Византию, где приняли на себя роль этакой императорской казачьей гвардии. Здесь опять же сыграло роль христианское вероисповедание и тюркский язык. В свете нарастания османской угрозы «императору ромеев» льстило, что его охраняют именно «турки». Другая часть начала партизанскую войну в причерноморских степях против захватчиков, продолжавшуюся почти сто лет. Но большей частью половецкое население вошло в состав населения Золотой Орды и ассимилировалось, впоследствии приняв новую идентичность.

Однако на землях, впоследствии названных Буджакской степью (это нынешние Одесская область Украины и юг Молдавии), потомки половцев удержались до наших дней. Вернулись беженцы из захваченной османами Восточно-Римской империи, отсюда и балканский колорит. Вернулись остатки партизанских сил, боровшихся против монголов, так как и монголов-то никаких уже не стало.

Православная вера убергла от ассимиляции и потери самоидентификации, в отличие от языческих собратьев. Но былого могущества у православных половцев уже не было, монгольский удар был слишком силён. Вся элита была вытоптана, вырезана, продана в рабство или ушла на поклон в Золотую Орду. Однако же на боевой характер гагаузов это никак не повлияло. Не было ни одной бузы, ни одного восстания, ни одной более-менее значимой войны в регионе, в которой бы не поучаствовали гагаузы. От походов бродников на Византию до Татарбунарского восстания – против включения этих земель в состав Румынии. Партизанский дух не выветрился из них и во время Великой Отечественной войны, партизанить в степях – это надо уметь, не многие могут. Гагаузы могут.

Во время очередного распада Великой степи в 1990 году именно гагаузы сумели, в отличие от живущих на севере Молдавии русинов, организовать и дать отпор прорумынским националистам. Они фактически открыли второй фронт и тем самым поддержали Приднестровье. Присланные из Кишинёва «волонтёры», националистическая сволочь с арматурами и АКСУ, приехав в Гагаузию, увидели хорошо организованный народ, баррикады и единственную пушку, направленную прямо на них. Желаящих умирать за Великую Румынию не нашлось. Так гагаузы отстаивали свой статус автономии.

У них сегодня есть свой президент – башкан (на половецком просто «глава»), фактически имеется своя полиция (весьма условно подчиненная Кишинёву), есть свои экономические сношения с Россией в обход центрального правительства. Говорят, скоро будет свой международный аэропорт.

Сегодня гуляя по городам Гагаузии – по улицам Комрата, Чадыр-Лунги или Чимишлии, – удивляет количество кириллицы, разительное отличие от остальной, тотально латинизированной Молдавии. Мало того, что все надписи продублированы на русском, так и надписи на гагаузском языке написаны кириллическим письмом. Это такая своеобразная фронда молдавским властям в Кишинёве, которые тоже попытались перевести гагаузскую письменность на латинский алфавит.

На протяжении многих лет социологические опросы показывают, что более 60 % населения Гагаузии мечтают войти в состав России, хоть на правах субъекта Федерации, хоть любым другим способом. В общем, за пределами России нет более пророссийского региона с нерусским населением, чем Гагауз Ери – земля Гагаузов. А что вы хотите? Общая история, общая вера, общая судьба!

Я смотрю в окно и вижу: где-то там, далеко на западе, у самого Чёрного моря простираются буджакские степи. Моё сердце там. Я грежу вернуться туда и подышать тем воздухом. Воздухом детства.

Буджак – это место, где встречаются славянские, тюркские и романские миры. Перекрёсток дорог и путей. Буджак просто пестрит этой смесью латинского наследия, славянской древности и тюркского жара. И в этом смысле очень похож на Крым. Здесь всё смешалось. Ведь само название Буджак это тюркская калька славянского названия. Когда-то здесь, у впадения в Великое море Дунай-реки, у угла земли жили славяне, прозванные угличами или уличами. Затем сюда пришли тюркоязычные половцы и переняли это название. «Буджак» – это угол по-тюркски.

Кстати, половцы – не самоназвание. Люди, живущие в поле (половцы), себя называли кипчаки, что значит удачливые люди или живущие в счастливом месте. Фамилия Кипчакчи (удачливый или сын кипчака) очень распространена у живущих в Буджаке гагаузов.

Так что Буджак – это счастливый уголок земли. Райский степной край, полный полыни и моря. И, конечно же, у этих прекрасных степей есть своя столица. Это город Каушаны. Сейчас он находится на территории Молдавии. Поэтому ничего удивительного, что название его имеет славянское происхождение. Если прикрыть глаза и несколько раз произнести Каушаны, то становится понятным, что это славянские Ковши или Кувшины.

Городок этот нынче сер, покрыт пылью и не приметен, а ведь когда-то он был знаменит.

Ковши, Кувшины, Каушаны...

Появился он в глубокой древности как торговая фактория Римской империи, а также живущих здесь варваров-скифов и северных фракийцев. Дело в том, что Каушаны очень удобно расположены на сочленении Траянова вала и реки Ботны. По реке шли грузы – поскольку у степной речки течение было не очень сильное, то судоходство было и вверх по реке и вниз. Тысячу лет спустя другие люди оценили удобное расположение этого городка и назвали его «замочной скважиной на дунайском замке». Это были крымские татары, которые построили здесь второй ханский дворец на манер Бахчисарая и небольшую крепость под названием Гуши (и снова аналогии с Крымом).

Крепость Гуши была сожжена во время очередной казачьей войны в XVI веке. Развалины дворца тоже плохо сохранились. А жаль. Ведь Каушаны были летней ставкой Крымского хана и по совместительству столицей Буджакской Ногайской Орды. И если бы крепость сохранилась, возможно, у нас был бы ещё один Бахчисарайский дворец, и, может быть, Пушкин написал бы стихотворение про Каушанский фонтан. С административной точки зрения Ногайский Буджак был частью Крымского ханства и управлялся ханом из рода Гиреев, с одной стороны. С другой стороны, ногаи подчинялись турецкому султану и являлись своеобразным мусульманским «казачеством» на границе османских земель.

Крымский хан регулярно появлялся здесь по вопросам суда, сбора дани и оформления вассалитета. В те далекие времена на этой земле жили те же люди, что и сейчас. Но назывались они иначе. Крымский хан дал Буджак в вассальное владение местному тюркскому населению. Кочевому и не кочевому. Кочевое было прозвано ногайцами, а оседлое гагаузлар ески – то есть старыми гагаузами. «Гагаузлар ески» – это православные половцы, жившие здесь начиная с X века, они и составили вместе с балканскими переселенцами современный гагаузский народ. Подобная схема сосуществования кочевников и земледельцев опять-таки связывает эти земли с Крымом. Где горные и приморские кланы крымских татар (потомки принявших ислам готов и гуннов) занимались земледелием и садоводством, а северные кочевые кланы (потомки ногайцев) скотоводством и классическим степным пиратством. Первые снабжали вторых продовольствием, вторые первых – рабами.

Именно поэтому в Каушанах находится одна из самых (некоторые археологи утверждают, что самая древняя) старых православных церквей региона. И в ней немало удивительного. Начнём с того, что она катакомбная. Наполовину врытая в землю. Легенда гласит, что крымский хан позволил местному населению построить православную церковь, если она не будет выше исламского минарета с копьем в руках. Православные схитрили и, закопавшись в землю, создали настоящий архитектурный шедевр.

Церковь выглядит как мечеть снаружи и как византийский храм внутри. Росписи в старогреческом и средневековом валахском стиле полустёрты, но всё равно видно, что делал их великий мастер и творец необычайного таланта. Ввиду того что церковь находится в сейсмоопасной зоне (Карпаты недалеко), применялся ряд ухищрений по сохранению здания. Так, например, в кровлю и стены вставлены деревянные амортизаторы из гибких сортов деревьев.

В общем-то, неизвестно кто первым принес в Буджак православие. За эту честь «бьются» в прямом и переносном смысле и потомки половцев, и потомки валахов, и потомки славян-угличей. И все три народа ходят в эту церковь вместе...

Ногайцы жили в этих местах до 1806 года, то есть до очередной Русско-турецкой войны. Они занимались естественными для кочевников промыслами. Жили выпасом и грабежами. Молдавское население центральной Молдавии подвергалось постоянным набегам. Ну а живущие здесь же гагаузы занимались сельским хозяйством и ремёслами. Те гагаузы, кто был помоложе и жаждавшие богатства со славою, так же уходили в набег. Но к кочевому образу жизни не привыкали. Слишком сильна у них была связь с этой землёй. Это была, как и сказано раньше, чисто крымская схема – где «крымцы» степной части полуострова занимались животноводством с набегам, а татары южного берега Крыма обеспечивали сельское хозяйство и торговлю.

При русских царях ногайцы уже не могли себе позволить вести разнузданный образ жизни. Во-первых, в Русско-турецких войнах они поддерживали Османскую Порту, а во-вторых, у Российской империи были другие планы на эти земли. Если уж казачью вольницу давили у православных, то ордынскую вольницу совершенно не собирались терпеть. Поэтому местные ногаи частично были переселены на Кавказ, частично бежали в Болгарию и Румынию (став там одной из частей так называемых дунайских татар), но большинство, смирившись, перешли к оседлому образу жизни, став впоследствии гагаузами и южными молдаванами.

На освободившиеся земли империя «садила» колонистов и переселенцев с Балкан после каждой Русско-турецкой войны. И после удачных походов, и особенно после неудачных. Все, кто помогал России в войне с османами, получал возможность укрыться от их гнева. Такие поселения существуют от Молдавии до Луганска. Чаще всего они имеют этнические названия: Дунаевка, Иллирия, Сербовка, Славянск и т. д. Болгары, сербы, еврей-земледельцы, немцы-колонисты, русские старообрядцы-липоване – все они живут здесь до сих пор.

А заметили эти благодатные места и начали процесс их заселения оседлым

населением два известнейших русских персонажа. Первый – это, конечно, Григорий Потёмкин-Таврический, тайный муж Екатерины II и основатель практически всего в Новороссии.

Включая саму Новороссию. В Каушанах была его штаб-квартира (помните про «замочную скважину Балкан»? Совпадение? Не думаю!) Здесь планировались взятие Бендер и Аккермана, походы на Балканы и освобождение Дунайских княжеств. Из столицы Ногайской Орды Буджака Потёмкин планировал поход на Константинополь, чтобы бросить его к ногам своей любимой императрицы. Но смерть от походных неурядиц и болезней не позволила довершить эти планы.

Кстати, умер Потёмкин-Таврический тоже недалеко от Каушан, по дороге в Санкт-Петербург. «Вот и всё, некуда ехать, я умираю! Выньте меня из коляски: я хочу умереть на поле!» – таковы были его последние слова. Похоронили светлейшего князя в его любимом детище, русском городе Херсоне. Недавно я был на его могиле в Екатерининском соборе. Дух империи витает над храмом и Херсоном вообще. Красивая жизнь была у князя и достойная смерть, и упокоен он был рядом с небесной покровительницей Екатерины. Может, это и есть счастье?

Вторым, конечно, был старый казак Матвей Платов, ставший знаменитым благодаря лесковскому Левше. Именно за взятие Каушан получил он свое звание «бригадир». Как это ни странно, но именно бригадир донских казаков Платов – это крёстный отец нынешней Республики Молдова. Именно после его побед под Паланкой и Аккерманом был подписан в 1812 году Бухарестский договор с Блистательной Портой, согласно которому междуречье Днестра и Прута было выделено из турецкого вассалитета и под названием Бессарабия вошло в состав Российской империи. Фактически Платов освободил молдаван от татарских набегов, уплаты «джизья» – непосильных налогов на неверных и унижительного прозвища «райо». Именно так в Османской империи называли жителей дунайских земель. Перевод у этого прозвища – «тягловый скот» (вол или бык). Такова русская судьба! Не требуя благодарности освобождать людей от несправедливости...

Буджак и его «столица» Каушаны сегодня снова в центре внимания. Это снова замочная скважина на дунайском замке. История снова сделала свой полный круг, и скоро ветер истории разметет пыль с улиц этого городка. Идея Новороссии, идея Великой степи, идея совместного проживания славян, тюрков и восточных романцев снова в тренде. И все это началось не 24 февраля 2022, не при Григории Потемкине-Таврическом, и даже не при хане из рода Гиреев. Это началось так давно, что помнят об этом только камни Траянова вала, да мутные воды низовья Дуная.

Великому Приднестровью быть!

Если уж мы подняли тему Приднестровья, то нужно рассказать и об идее Великого Приднестровья, то есть включения Одесской и частично Винницкой области в состав Приднестровской Молдавской Республики. А для этого, несомненно, нужно рассказать о вопросе исторического соревнования трёх Молдавий.

Для тех, кто не в теме, – существует несколько зон расселения молдаван. С востока на запад: Приднестровье, Республика Молдова (РМ), Запрутская Молдавия (Верхняя и Нижняя). Приднестровье ныне является «пока не признанным» государством ПМР (Приднестровская Молдавская Республика). Запрутская Молдавия ныне входит в состав Румынии. Но населяют все эти территории примерно одни и те же люди, а именно романизированные славяне – потомки уличей, тиверцев, белых хорватов и болоховцев. На востоке славянский компонент преобладает, к западу он уменьшается. Но, несомненно, восточнославянский субстрат является преобладающим во всех Молдавиях. Этот «медицинский» факт подтверждается местными топонимами и гидронимами и вызывает настоящую злобу у румынских националистических «историков» в кавычках и без.

Если посмотреть карту региона, то собственно романских названий населенных пунктов будет совсем немного, да и те будут или новообразованием, или при

детальном осмотре окажутся переименованными славянскими именами. Гидронимы и катойконимы (от древнегреческого *κατά* – «под» и *οἶκος* – «дом», т. е. традиционное именование жителей определённой местности) просто кричат о восточнославянском происхождении! Но для румынской историографии это неинтересно.

Например, вот что пишут «историки» про второй по величине город Молдавии (РМ) Бельцы: *«Слово „Бэлць“ (ед. ч. – балтэ) в буквальном переводе означает „болота“ (другое значение – „лужи“). Считается, что город получил такое название, потому что расположен в болотистой местности...»* Ну бред же, с какой стороны ни посмотри. Находящийся на возвышенности город не может располагаться в болотистой местности. Кроме того, болото по-молдавски – «млаштина». И хотя название «лужа» действительно созвучно Бельцам, но разве не было бы логичнее выводить это название от совершенно понятного славянам корня «белый»?

Я прямо так и вижу, как сидят черноглазые и черноволосые восточно-романские мудрецы и мучаются вопросом, как переименовать славянские топонимы – Избешты, Погребены, Рыбница, Кунича, Глодень, Костешты, Единец, Купчинь, Окница, Бричаны – это всё названия населённых пунктов Республики Молдова.

А ведь есть ещё и Запрутская Молдавия, та что ныне Румыния – Вороничены, Сухаров, Лисна, Миланка, Горбэни, Сокрушени, Белешты, Чернешты и сотни других названий. И у каждого населённого пункта, у каждой речушки есть выдуманная история, притянутая за уши «романская» версия происхождения, аналитическая записка об истории и названии.

Работа ведётся давно и очень организованно. Началась задолго до фашистского режима Антонеску, хотя при нем и достигла поистине титанического размаха. И всё это только ради того, чтобы доказать отсутствие в жилах молдаван и восточных румын славянской крови. Чем уж их эта кровь смущает, мне не совсем ясно...

Исторические мифы о европейском происхождении Дунайских Земель (именно так называлась раньше Румыния) доходят до откровенных фальсификаций и замалчивания евразийского наследия страны. Например, единственным источником государственности Румынии объявляется Олтенская или Трансильванская историческая традиция. В то время как у всех Молдавий (и Прутской, и Междуречной) есть своя традиция государственности, своё историческое наследие, своя славная память. Я, конечно же, говорю в первую очередь о Берладском княжестве, древней родине первого русского казачества.

На территории нынешней Нижней Молдавии есть город Бырлад. Это в прошлом старинный русский город Берладь, столица одноименной территории между Дунаем и Днестром. Ещё в глубоком Средневековье это была первая Сечь русского народа, первое казачье войско. Сюда на реку Берладь стекались все недовольные элементы со всей Руси: бегущие от несправедливости крестьяне, разорившиеся и попавшие в опалу бояре и вольные люди, половецкие князья и волошские пастухи. Призыв «На Берладь!» в XI-XII веках звучал так же, как «На Дон!» тремя столетиями позднее. Все эти люди смешались в общем анархическом котле. Берладь стала матрицей всех казачьих войск Руси на многие века вперёд.

Называли этих людей берладниками или бродниками. В русских летописях часто упоминаются берладники и города у Дуная. В Ипатьевской летописи упоминается война 1159 года между князем Ярославом из Галича и его двоюродным братом Иваном Берладником. «Иванъ уполошивса ѣха въ поле къ Половцемъ... и ста въ городахъ подунайскихъ...». «И приидоша к нему половци мнози и берладника у него искупися (собралось) 6000».

Занимались берладники классическими казачьими промыслами, жили набегами и крышеванием торговых путей. Уходили в дальние речные и пешие походы – на Болгарию, Днепр, в Приазовье.

Самым известным берладником и атаманом бродников является князь Иван Ростиславич – звенигородский и галицкий (1144) князь, внук Володаря Ростиславича (по другой версии, внук Василько Ростиславича). Ему и дано было собственно прозвище Берладник.

По мнению «официальных» князей Древнерусского государства, Берладь являлась символом произвола и беззакония, местом скопления выброшенных из общества людей, о чем свидетельствуют, например, слова владимиристо-суздальского князя Андрея Боголюбского, сказанные в 1173 году Давиду Ростиславичу, которого он стремился изгнать с Руси: «А ты поиди в Берладь, а в Руськой земли не велю ти быти...»

Именно на эту славянско-анархическую матрицу и наложилось переселение волошских племен из Трансильвании и Марамуреша, которые вместе и породили средневековое молдавское государство. Возможно, такое происхождение страны и менее романтично, чем «напрямую» от древних римлян, как считает официальная румынская историография, зато гораздо честнее...

Теперь вернёмся от истории к актуальной политике. Именно сегодня, во время русской весны, стоит поднять вопрос исторического соревнования трёх Молдавий. И вместе с ним поднять и вопрос Великого Приднестровья, то есть включения Одесской и частично Винницкой области в состав Приднестровской Молдавской Республики.

Но вновь немного предварительной истории. Итак, молдавский этнос расселён на территории нескольких государств. Собственно Республики Молдова, Восточной Румынии (Запрутская Молдавия), ПМР и прилегающий к ней территории бывшей УССР (Черновицкая, Винницкая и Одесская области – называемые Приднестровьем не в политическом, а географическом смысле).

Исторически эти земли были разделены – как раз и географически, и политически. Имели свои столицы, центры притяжения, своих политических шефов и конкурировали между собой за лидерство среди молдавских земель.

Междуречье Сирета и Прута (Запрутская Молдавия) со столицей в Яссах первым выбыло из этого «соревнования», будучи поглощённым Румынией. За этим поглощением ещё в XIX веке последовали потеря молдавской идентичности, унификация языка под общерумынские стандарты, отказ от кириллического написания текстов и переход на латиницу.

Дальше соревнования продолжили междуречье Прута и Днестра (нынешняя Республика Молдова) и междуречье Днестра и Буга (Приднестровье). Разница в них, с одной стороны, небольшая, в пропорциях немолдавского населения, а с другой стороны – огромная – в политических практиках и геополитической ориентации.

В Республике Молдова (РМ) молдаван около шестидесяти процентов, остальные – это русские, украинцы, русины, болгары, гагаузы, греки. В Приднестровье молдаване составляют порядка трети, остальные этносы, так же как и в РМ, присутствуют.

В этом и различие. РМ пробует идти по пути западной соседки – унификация населения, румынизация языка, переход на латинскую графику, подавление национальных меньшинств, в первую очередь русских и союзных им гагаузов, ориентация на Запад.

Приднестровье чётко наследует имперскую модель поведения – три официальных языка (молдавский, русский, украинский), сохранение кириллического написания по-молдавски, ориентация на Россию.

И если раньше Приднестровье проигрывало РМ и в территории, и в геостратегическом положении, то с началом специальной военной операции на Украине всё может кардинально измениться. Раньше РМ «нависала» над ПМР,

прижимая его к Украине и не давая развиваться. С возможной организацией Великого Приднестровья, с возвращением Северного Причерноморья в русский мир, Третья Молдавия получит шанс отыгаться.

Этому может поспособствовать ряд моментов как исторического, так и политического и экономического характера.

А именно:

1. Исторически сразу после образования СССР часть Одесской и Винницкой областей входили в состав единого с ПМР образования МАССР (Молдавской автономной советской социалистической республики). Город в Одесской области Балта, вокруг которого много молдавских сёл, даже был столицей этого государства.
2. Экономика Приднестровья исключительно производящая (заводы, фабрики, сельское хозяйство, энергетика). Экономика Одессы заточена на транзит и торговлю, особенно морскую и речную. Вместе они могут создать очень мощный экономический кластер.
3. Приднестровье на протяжении всего своего существования демонстрировало удивительно спокойное отношение к национальным и языковым вопросам. Чего так не хватает ныне на Одесчине и Винничине. Приднестровье, где спокойно уживаются молдаване, русские, украинцы, болгары, гагаузы, греки, может стать матрицей для всего региона между низовьями Дуная и Днепра, где все эти народы так же проживают, подвергаясь украинизации и притеснению.

Третья Молдавия – Великое Приднестровье сможет стать примером для Республики Молдовы. Примером, как надо выстраивать отношения с нацменьшинствами, как геополитическая ориентация на Москву подымает экономику региона, как сохранение молдавской идентичности и корней, включая кириллическую традицию письма, способствуют миру и гармонии в регионе.

Великое Приднестровье, соединенное с Россией Северным Причерноморьем, то есть Новороссией, больше не находящееся в блокаде РМ и Украины, подключённое к ресурсам и рынкам сбыта Большой Родины, обладая логистическими возможностями Одессы и дунайских портов, имея выход к морю и санаторную инфраструктуру, очень высоко поднимет планку экономического роста и легко может превратиться в регионального лидера.

Приднестровье показало себя надёжной и проверенной войной и блокадой частью Русского мира. В самые тяжёлые времена ПМР не отворачивалась от России и не предавала ни себя, ни нашу общую Родину.

Поэтому Великому Приднестровью, ПМР от Днестра до Буга – быть!

Для того чтобы проиллюстрировать, насколько история Западной Новороссии связана с общероссийской, расскажу историю про маленький захолустный городок в Молдавии.

К юго-западу от Кишинёва есть небольшой городок Хынчешты. Ныне ничем не примечательный населённый пункт. А между тем этот город связан и со Стамбулом, и с Буэнос-Айресом, и с Берлином, и с Японией, и с Москвой. И даже с горой Арарат.

Эта история началась очень давно, четверть тысячелетия назад, в те времена, когда восточная Армения находилась под властью Ближневосточной Порты. На склонах горы Арарат жил обычный человек по имени Мартирос Мирзаян – его сыну суждено было стать принцем. Сам Мартирос родился в семье небогатого армянского купца и был внуком горшечника. Как и многие другие армяне, этот человек воспринимал Османскую империю как продолжение Восточно-Римской империи, и, следовательно, своё родное государство. Поэтому не было ничего удивительного, что он переехал поближе к столице, в любимую провинцию

Блистательной Порты – в цветущую Болгарию. (Да-да, тогда, как и сейчас, никто Болгарию не воспринимал как Европу...)

Здесь, в болгарском городе Рушук, у армянина Мартироса родился сын, названный Эммануилом, или Мануком, если на турецкий манер. Мальчик хорошо схватывал языки и легко устроился в госструктуры империи, стал работать в султанском аналоге МИДа на должности «драгомана»-переводчика, а затем и вовсе был назначен одним из первых лиц этого государства. Благодаря своему влиянию при дворе и армянскому лобби в империи Манук Мирзаян получил приставку – бей (то есть князь) и стал Манук-беем, армянским принцем Османской Восточно-Римской империи. В кормление ему султан отдал Дунайские Земли – то, что теперь называется Румынией и Молдавией.

В Румынии (которая тоже была не совсем Европа и так же входила в состав Порты) Манук-бей зря времени не терял. Он выстроил свой гостевой дом, который и поныне является визитной карточкой и официальным символом Бухареста, а также завел тесные связи с русской разведкой.

Будучи богатым и влиятельным христианином на службе Османской империи, он сотрудничал с тайной разведкой Российской империи не за блага земные, а за небесные идеалы. Он видел, что Османская держава всё больше становится турецким национальным государством и все меньше Византийской империей... Манук-бей немало поспособствовал заключению Бухарестского мира 1812 года, который, собственно, и был подписан не где-нибудь, а у него во дворце. Договор явно был пораженческий для Порты и откровенно прорусский. За это Манук-бей был объявлен в Стамбуле предателем. Он бежал на подконтрольные России территории (а именно в Кишинёв), чтобы получить титул князя уже русского государства. Князь есть князь, что в Турции, что в России.

Затем был переезд в Хынчешты (тогда они назывались Гынчештами) и начало строительства там великолепного дворца для себя и молодой жены. Увы, насладиться жизнью там нашему принцу не довелось. Он умер при загадочных обстоятельствах в сорок восемь лет. Объезжая арабского скакуна, вдруг схватился за сердце и умер прямо в седле. Скорее всего, был отравлен турецкой разведкой. Говорят, седло было смочено особым составом. Но свою миссию Эммануил выполнил – Бессарабия стала русской территорией, а в Хынчештах появилась достопримечательность мирового уровня. Дворец великолепен и по сей день, просто требует ремонта и немного имперской заботы.

Денег у безвременно осиротевшей семьи потомков Манук-бея было немерено. В их дом приезжали самые знаменитые армяне Российской империи – Айвазовский, Лазарев и другие. Немало тратилось на благотворительность. Например, на постройку армянских церквей в Кишинёве (они до сих пор существуют и до сих пор величественны и прекрасны). Не забывали и про поддержку талантливой молодёжи.

Одним из таких молодых людей стал будущий бессарабский Робин Гуд – Григорий Котовский. Ему семья армянского принца оплачивала обучение и пансион в Кокорозенском агрономическом училище и собиралась отправить его на обучение в Германию. А внук Манук-бея, Григорий Иванович Мирзаян, даже был крёстным отцом будущего красного командира и кишинёвского налётчика.

Но... Не срослось. Григорий Мирзоян, внук принца и крёстный отец Котовского, умер в 1902 году, и его подопечному пришлось пойти «в люди». Среди людей, с которыми он позднее встретился на своём жизненном пути, были Нестор Махно, Маруся Никифорова, Мишка Япончик, Михаил Фрунзе и прочие легендарные персонажи. Он подавлял и возглавлял мятежи, создавал и разрушал государства, воевал с петлюровцами и интервентами. Воевал с поляками и одесскими бандюками. Он спорил с Троцким и Лениным и ничего не боялся, этот мальчик из захолустного молдавского городишка.

Короче говоря, бессарабский Робин Гуд вёл насыщенную жизнь. За что после

смерти и был удостоен самого настоящего мавзолея в городе Бирзула Одесской области, настоящего бальзамирования и переименования нескольких городов в его честь. Кстати, и город Бирзула тоже был назван Котовском. Мавзолей был разрушен в 1941 году румынскими оккупантами, а бандеровские оккупанты переименовали Котовск в 2016 году в Подольск. Видимо, большие люди с большой судьбой не интересны стране с «европейским будущим»...

Григорий Котовский, несмотря на заикание, так же имел склонность к языкам, как предки его крёстного отца. Говорил по-русски, молдавский, по-немецки, польски, украински, по-французски и, конечно же, на идиш. Что для интернационального городка было естественно. С соседями здесь всегда говорили на непередаваемой смеси славянских и волошских говоров и нижненемецкого диалекта еврейских колонистов. Одним из соседей молодого Котовского был еврейский мальчик по имени Леня, сын Абрама Московича. Этот «бахурчик» более известен нам как Леонид Абрамович Анулов – не кто иной, как один из основателей «Красной капеллы», тайной сети советской разведки в странах Оси накануне и во время Великой Отечественной войны. «Музыканты» этой капеллы добывали информацию из самого нутра нацистского режима. Их вклад в Победу поистине бесценен.

Боевой путь Леонида Анулова пролегал через Гражданскую войну, бессарабское подполье и борьбу с румынскими оккупантами. Работал в контрразведке ГПУ и готовил в 1923 году вооружённое восстание в Германии. Воевал на КВЖД и работал нелегально в Китае против японской разведывательной сети. Боевик киношный, да и только... И снова уроженцу Хынчешт помогло знание языков. В 1936 году был заброшен как нелегальный резидент в Испанию, где как раз заваривалась кровавая каша гражданской войны. Курировал латиноамериканских товарищей, приехавших на подмогу испанским коммунистам. Поэтому образ Бубы Касторского, в танце передающего сведения из Буэнос-Айреса, говорит о хорошей проработке материала советскими режиссёрами... После гражданской войны в Испании перебрался в Швейцарию, где и сколотил вместе с венгром, немцем, швейцарцем и польской еврейкой самую эффективную разведывательную организацию в истории.

«Красная капелла» – это коллективный Штирлиц плюс Пастер Шлаг в одном флаконе. Хваленые Борманы и Ландсдорфы (привет «Йоганну Вайсу»!) ничего не могли противопоставить этим суперпрофессионалам. Берлин ничего не мог противопоставить Хынчештам.

То, что русская идея социальной справедливости заставила таких разных людей служить Русской империи, не удивительно. Для империи это норма.

«Дядя Коля», он же товарищ Анулов, он же Леонид Абрамович Москович умер в 1974 году и похоронен на Новодевичьем кладбище. Ну а где же ещё мог быть похоронен слуга Государства Российского?

Вот так небольшой захолустный городок в Молдавии связывает Дальний Восток и Латинскую Америку, гору Арарат и Берлин. Российскую империю и Ближневосточную Порту. Русских, молдаван, евреев, армян и немцев в единый узел.

Мальчик, рождённый у горы Арарат, мальчик, ставший легендарным военачальником, и мальчик, ставший великим разведчиком. Все они связаны невидимой нитью имперского строительства великой России.

[Глава 7. Война: Ранение]

Я называю себя охотником на драконов. Так уж сложилась судьба. В ней переплелись множество нитей. Сейчас расскажу каких. В молодости я смотрел фильм с Мэтью Макконахи «Власть огня». Про оживших после долгой спячки крылатых драконов, уничтожавших всё живое на земле. Там один из героев объясняет, как их убить. Драконы хорошо видят днём, ещё лучше ночью. Но в утренние и вечерние сумерки они промахиваются. Так и с дронами.

Все дроны, которые я «приземлил» на нашу грешную землю, попались мне в сумерках. «По серости», как говорят в войсках. В эту пору дрон ещё не может включить тепловизор, чтобы не «засветить» его, но уже не различает деталей своей высокоточной камерой. Датчики движения сбоят, отвлекаясь на тени и полутона вечера или утренних сумерек.

Вот тут-то его и надо бить. Притормозить лучом антидронного ружья, как у нас говорят - «подвесить дрон» - и лупануть дуплетом из контрабандной двустволки мелкой дробью. Рядом с фигурой Мэтью Макконахи, подсказавшим мне эту тактику двадцать лет назад, встают другие люди, которые в обход запретов и бюрократических препон прислали нам дробовик, патроны, антидронные ружья, антитепловизионные одеяла и т. д. Спасибо Мэтью, Герман, Саша, Андрей. Вы спасли несколько десятков жизней.

Есть такая фраза, запечатлённая даже на армейских шевронах: «Нет ума - штурмуй дома». Здесь присутствует и юмор, и некое пренебрежение к штурмовым подразделениям, мол, там собираются физически развитые люди с отсутствием других талантов. Это такой военный шовинизм на почве профессиональной дифференциации.

Я, как бывалый артиллерист, страдал этим шовинизмом. Но после первого же штурма излечился. Да, штурмовик не считает в уме трёхзначные числа. Он не учился в лётном училище. Он не может собрать и разобрать агрегат РЭБ или пушку Д-30. Может, штурмовик и бывший «кашник», отсидевший десять лет за поножовщину. Может, он и бухал последние десять лет перед СВО. Всё это не имеет значения. Потому, что именно нахождение обычного мотострелка, пехотинца, штурма на занятых укропских позициях и есть мерило эффективности и слаженности работы всех остальных родов войск и специальностей. Они все нужны только для того, чтобы штурмовик лёгкой прогулкой подошёл к вражеским окопам, занял их и поднял над ними русский флаг.

Разведчики должны не геройствовать в тылу у противника, а выявлять их огневые точки и расположение войск. Лётчики не должны гоняться за воздушными дуэлями, а бить по дзотам и складам БК. Артиллеристы должны стрелять вовремя, создавая огненный вал перед наступающей пехотой, а не тогда, когда им удобно. РЭБ должен включаться в момент прикрытия «штурмов» от налёта «птиц», а не по расписанию. И вот если все рода войск и специальности сработают хорошо, тогда в штурмах не бывает потерь.

Мясной штурм - это косяк не пехотинца. Это чужие косяки, которые приходится исправлять стрелкам. Ценой своей крови. Не «штурм» для вас, а вы для «штурмов» - вот лозунг, который должен быть на шевронах у всех родов войск. И там, где командиры это понимают, там успех, там продвижение, там победа. И потери там минимальны, и награды находят настоящих героев, а не дебильных мурзилков, измеряющих успех количеством трупов и оторванных конечностей.

Единственным мериллом для командирских наград в нашей армии должны стать меры площади, удержанные или занятые нашими бойцами, разделённые на коэффициент погибших наших солдат. Если за освобождение ста квадратных километров Новороссии не погиб ни один русский солдат, то такой командир заслуживает звания Героя России. И такие командиры есть. Правда, наград у них пока нет. Надеюсь, что пока.

Когда погибает твой боевой товарищ, единственное чувство, которое тебя охватывает, – это чувство вины. Не горе. Нет, оно придёт позже. А пока только чувство вины. Ты как будто не по праву занимаешь его место среди живых. И этим совершаешь кражу. И именно ты виноват в том, что его нет в этом мире. Ты сразу становишься должником перед погибшим. Ты должен ему свою жизнь. Ты должен его родным. Ведь они его никогда больше не увидят. Ты должен его городу. Ведь он никогда больше в него не вернётся. Я был далеко от того места, где «одноглазый» снайпер убил «Мюллера». Я не видел его смерти. Я не тащил его тело восемь километров по минным полям и лысым от огня «полкам». Я не отстреливался от «птичек», сберегая целостность его бранных остатков. Но я виновен, как и все мы виновны. Я виновен в том, что я жив и занимаю его место среди живых. А «Мюллер»? Это был высоченный сухой и жилистый мужик с интеллигентными манерами и сердцем пионера из повестей Аркадия Гайдара... Я помню, как он согревал меня горячим чаем со сгущённым молоком в пригороде Бахмута. Ночь была морозной, и меня бил барабанный озноб. А он готовил чай на консервной банке и говорил, глядя в огромное звёздное небо, простые добрые слова. Таким он был.

Какие же раненые тяжёлые люди. В прямом смысле этого слова. Мужик, даже не большой, весит никак не меньше семидесяти кг. Плюс броник на нем, разгрузочный пояс, БК, обувь, одежда, слой грязи на невымытом теле. Плюс его автомат. Под сотню весит раненый.

На учениях я в одиночку закидывал на плечи «раненого» и, пыхтя, носил его на сто-двести метров в укрытие. Увы, так происходит только на учениях. На самом деле эвакуация происходит по-другому. И носить надо не по двести метров, а по пять-шесть километров. И процесс это коллективный и очень опасный. Именно наличие одного «трёхсотого» часто тянет за собой появление других «трёхсотых». Как будто смерть нанизывает бусы или перебирает чётки судьбы человеческих жизней.

На помощь раненому выдвигается минимум двое, потому что одному не унести. Они выходят из безопасного укрытия и подвергают свою жизнь опасности. Эти двое тоже могут быть ранены при эвакуации, и тогда их должны вытаскивать ещё не менее шести человек. То есть в небезопасной среде находятся уже девятеро. А это очень много. Группа даже из двух-трёх бойцов – уже интересная цель. По ней начинает работать вражеская артиллерия. А тут целых девять. Прелесть, а не цель. На ней сразу сосредотачивается всё, что может стрелять.

И люди залегают в складках местности, ждут, пока артобстрел прекратится. А это время. Человек, кстати, при артериальном кровотечении вытекает за десять-пятнадцать секунд. Потом он теряет сознание и помочь себе сам уже не может. А потом, не приходя в сознание, он умирает.

Однажды у нас было одиннадцать «трёхсотых», десять из них пытались вытащить с поля парня, которому осколок оторвал стопу. Глупо? Может быть. Только не говорите это вслух. Могут начистить будку. Помочь раненому товарищу – это и моральный долг, и честь, и инвестиции в твоё возможное будущее. Люди, которые отказываются помогать в выносе «трёхсотого» или частенько уваливают от этого, в солдатском коллективе получают метку «плесень». И ценят их не очень-то высоко. Сегодня вынес ты, завтра не бросят тебя. Поэтому, несмотря на опасность, в любое время суток, и ночью и днём люди выходят и помогают нести раненого братика. Вжимают головы в плечи при прилёте, отстреливаются от «птичек», потеют и матерятся, но несут, тащат, катят хотя бы по двести метров, давая передохнуть другим.

Да, про парня с оторванной ногой я так и не рассказал. Его звали Сергей, и он был моим земляком, с Приднестровья. Я выяснил это, пытаясь перебить его вопросы, что там с его ногой. Она осталась на поле недалеко от Соледара. А он этого не знал. Она очень сильно болела. Снаряд, кстати, не только калечит, но и лечит. Осколок при взрыве настолько горячий, что прижигает рану, поэтому нога у моего зёмы практически не кровила.

Я балагурил всю дорогу, пока мы его тащили до точки эвакуации, чтобы он не терял сознание, и прижимал его голову к носилкам, чтобы он не смотрел на свою изувеченную конечность. Сказал, что сына назову Серёгой, а если родится дочь, то Серёжкой. Шутка ему понравилась.

Наконец, передали его подоспевшей санинструкторше на «точке». Я пожал Серёге руку и сказал, что, пока он лежит в госпитале, мы проъём коридор до Приднестровья и там будем его ждать. Накроем «поляну», поставим вино, брынзу и «олякэ мамалыги» (с приднестровским говором пошутил я). И подмигнул ему. Он улыбнулся, и видно было, что ему было приятно, что тащил его на себе и слушал его стоны не посторонний ему человек. Вдруг эта дура из санчасти выхватила истерику и начала кричать – какое вино, какая мамалыга, у него же нет ноги, вы что, не видите, у него нет ноги! Нет ноги! Да у него же нет ноги!!!

Да, у него нет ноги, но зачем об этом так кричать? До этого дурацкого крика Серёга из Бендер об этом не знал. И жить ему было гораздо легче.

P.S. Какие шевроны я ношу? Под каким флагом я воюю? Под флагом Молдавской Советской Социалистической Республики. И под гербом ПМР (Приднестровья), на котором изгибаются седые волны древнего Тираса. Потому что без выхода к Днестру русских войск эту войну не закончить. Можно не брать Львов, можно заключать любые мирные договоры, можно даже сохранить режим Зеленского в Киеве. Но до тех пор, пока берцы русского солдата не омоют священные воды Днестра, эта война будет продолжаться. Это геополитическая аксиома. Такие дела.

«Дурак!» – подумал я, глядя на «Щегла». Ну сказали же тебе, замри. Чего ты суетишься? Встал под деревом спокойно и жди, когда эта небесная тварь пролетит мимо. Ты же под листвой, на тебе камуфляж, тебя не видно.

Дрон, противно зудя, развернулся по стадионному повороту и нацелился на нашу группу. Виразж, такой маневр называется «виразж» – вспомнилось вдруг. Молодёжь сбилась в кучу, залипнув во времени, как муха в меду. От неожиданности такой эффект или от страха? Не знаю. Более опытный «Крынка» начал потихоньку отходить, пятясь спиной к большой и раскидистой акации. «Хитрый жук, нигде не пропадёт, всегда вывернется, и сегодня тоже для него все обойдётся», – подумал я между делом.

Потом заорал хриплым надрывным басом: «Рассыпаться!» И сам не узнал свой голос.

Параллельно отстегнул автомат для удобства со своего одноточечного ремня и ушёл за ближайшее дерево.

В магазине тридцать патронов. На нас летит один дрон. Как решить это уравнение с наименьшим потерями?

Выцелил его. Летит прямо на нас, включил форсаж. Под брюхом висит морковка от гранатомета. Палец жмёт на спусковой крючок и посылает в сторону дрона длинную шестипатронную соплю. Конечно же, мажу. А дрон начинает скакать в воздухе. Вверх-вниз. Вверх-вниз. Оператор опытный. Не влево-вправо уводит дрон, а по вертикали. Стоп, так дело не пойдёт. Надо короткими очередями. Та-та. Та-та. Ага! Мавик словно ударило отличным хуком справа. Он закрутился и по спирали спикировал к соседнем дереву.

ЖБЫХХХ! Сдетонировала морковка о крону дерева на высоте метров десять от земли. И нас осыпало листвой, лесным мусором и тонкой щепой.

Боли не было, только удар, а правый глаз перестал видеть, и я заплакал. Заплакал одним глазом. На ощупь достал из глаза щепу и посмотрел на неё левым. Тонкая, как игла, с мизинец длиной. На конце капелька крови.

Прижал палец к глазу. Вроде на месте. Не вытек. Снял с головы сетчатую бандану и натянул её через голову, на пиратский манер.

Бой продолжался одиннадцать секунд.

В госпиталь нас привезли троих. Меня и двух танкистов. Их раньше. Я прибыл позднее.

Бинты были только у меня. На правом глазу пиратской повязкой серели грязные полоски марли, намотанные мне «Доком» в предместьях Бахмута.

Лица танкистов были перепаханы огнём и дымом и густо засеяны металлом. Огонь прижѐг раны, а дым выдавил из плоти гной, который, схватившись в желтовато-серую маску, покрывал у них пространство от лба до подбородка. Бинты им были ни к чему. Венецианский карнавал смерти, вот на что это было похоже. На лица похоже не было.

Танкисты почему-то чурались меня. Не смотрели в мою сторону. Сидели на больничной лавочке и тихонько переговаривались. Иногда прося меня дать им огня. Я левым глазом смотрел на цветущую сирень у входа и на зарождающееся утреннее солнце.

Пришли двое молодых докторов, Женя и Муса, осмотрели нас, посоветовались и увели одного из танкистов на операцию. Я предложил оставшемуся танкисту конфету. Он отказался. Затем, посидев немного, спросил меня, где здесь находится туалет. Я ответил, что не знаю, так как в этом госпитале я впервые.

- А я думал, что ты местный медбрат, - сказал танкист.

- Нет, братик, я такой же солдат, как и ты, - ответил я. - Тоже ранен. Неужели ты не видишь, что я в грязной «горке» и запылённых берцах?

Танкист грустно улыбнулся и спросил, а сейчас утро или вечер, непонятно, темно сейчас или светло? А затем попросил прикурить ему сигарету. Сам он этого сделать не мог. Он был абсолютно слеп. Глаз в «маске» не было.

Женя и Муса четыре часа «колдовали» над глазами первого танкиста, затем забрали второго и «колдовали» ещё восемь часов. Затем без перерыва занялись мною. Мне досталось два часа их «волшебства».

Танкисты и я покинули больницу поздно ночью, имея на троих всего три глаза. Два из них достались мне.

В следующий раз, когда будете ругать врачей, вспомните про волшебников Женю и Мусу и их ненормированный рабочий день. И рабочую ночь.

А знаете, как называют медсестры луганских госпиталей раненых мужиков, пропахших смертью и порохом? Мужиков с дикими глазами и пятнами чужой и своей крови на камуфляже называют «зайками» или «зайчиками». В зависимости от возраста.

Русский солдат - это зайка в волчьей шкуре. По-моему, так.

[Глава 8. Война и Мир: Весна 2022 года в Херсоне]

В марте 2022 года команда Захара Прилепина зашла на территорию проведения СВО. Из Москвы по трассе М-4 «Дон» через Ростов-на-Дону, через Крым наша «банда» устремилась на помощь нашей армии. Мне посчастливилось поучаствовать в этом откровенно самоубийственном мероприятии. И остаться в живых. Нам всем тогда просто очень повезло. И Захару, и Роману Хренову, и Юре Мезинову, и Арабу, и всем остальным... Когда выйдут сроки давности и можно будет рассказать об этой аванюре, я это обязательно сделаю. Пока же расскажу о том, что можно...

Всё началось с прибытия в Ростов. Я привёз туда груз продуктов для беженцев из Мариуполя на своем семейном микроавтобусе.

Весенний Ростов-на-Дону-2022 весь как будто срисован с ремарковского Парижа-1940. Фактически прифронтовой город, живущий за ширмой весны, отгородившись ею от войны и суеты этого мира. Горожане, как и все южане, не спешат и балагурят. Мужчины мужественны, женщины прекрасны. Весна в городе...

С Дона дует ещё прохладный степной ветер и несёт запах моря и пороха. И то и другое здесь рядом, буквально в двух шагах... Война за городом, не за горами... Напряжение разлито в воздухе. Его пьют и вдыхают жители и гости Парижа-на-Дону.

Несчастные люди, бежавшие от нацистов, не пьют здесь кальвадос. По нескольким причинам. Во-первых, в отличие от бегущих на запад украинских нуворишей, у них просто нет денег. Во-вторых, в Ростове-на-Дону нет кальвадоса. Здесь пьют персиковую настойку. Те, конечно, у кого есть деньги.

Беженцы не пьют, они ждут своего часа, чтобы пройти через свою «Триумфальную арку» и с триумфом вернуться назад. В отличие от бежавших на Запад куркулей с миллионами в чемоданах, они не уходят в изгнание, не прощаются с Родиной. Нет, «наши» беженцы желают вернуться домой как можно скорее.

В проходящих по ночам через город колоннах (чеченцев, гвардейцев, армейцев и ополчей) слышен шёпот беженцев: «скорей, братцы, скорей».

Как и Париж, город на тихой реке наводнён приезжими. Их видно сразу, они выделяются, отличаются от местных светлыми движениями и любопытствующими взглядами вокруг. Кто-то привёз в город гуманитарку, кто-то приехал как военкор, кого-то притягивает романтика боя. Все эти люди, как раскалённый клинок, проходят через масло горожан и исчезают в степном мареве.

И звёзды... Донской Париж, город-миллионник, но звёзды здесь такие же яркие, как в станице Вёшенской. Звёзды здесь можно срывать с неба. Это казачий край. И это тоже очень по-парижски.

Из Ростова мы двинули в Крым.

И Крым стал нашей Сьерра-Маэстра. Именно отсюда пошли наши войска на Херсонщину и Запорожье. И именно отсюда наша гуманитарная миссия стартовала в том же направлении две недели спустя.

Проезжая по новым и, что характерно, очень качественным дорогам российского Крыма в сторону дымящейся от боев Херсонщины, начинаешь понимать, насколько спонтанно было принято решение о начале СВО. И так, за тридцать секунд докажу, что Россия не готовилась захватывать Украину. Наоборот, выучив уроки 1941 года, ударила на упреждение. Украинские войска готовились атаковать Крым и Донбасс. Теперь это понятно многим. Я понял это в марте 2022-го. Мы опередили их буквально на три-четыре дня. Поймав на марше, ударили под дых. Именно в этом был секрет нашего ошеломительного территориального приобретения начала войны.

Укры были уверены, что у России не хватит решимости пойти с Западом в прямое противостояние. Я это понял, когда проезжал в Крыму мимо Северокрымского канала.

После взятия Херсонской области наши войска взорвали искусственную дамбу, которая была построена киевской хунтой для блокирования днепровской воды, идущей в Крым. Вода пошла в канал и оживила его. Наполненный водой, он прекрасен и величественен. Местные жители, соскучившиеся по рыбалке, бросились рыбалить. Остановился полюбоваться водным потоком и разговорился с рыбаком. Оказывается, он был рисоводом до 2014 года. Он рвал на себе волосы и завидовал краснодарцам. Семян нет, почвы не готовились, техника не чинена. Вода пошла, а рис сажать не получится. Потому что это требует предварительной работы, то есть планов. А их не было!

«Ничего, - говорю ему, - в следующем году крымского риса будет много!»

Проведя много часов в ожидании пропуска на границе, мы устремляемся из Таврии в Северную Таврию.

Итак, несколько поворотов автотрассы и судьбы - и вот мы заезжаем в Херсонскую область. Нас встречают бескрайние поля и неухоженные дороги. На полях мертвенно стоят неработающие ветряки - ветер не крутит их лопасти.

Немного об экологии, ветряках, самостийности и незалежности. На территории южной части Украины раньше работало много ветрогенераторов (особенно в Херсонской и Запорожской областях). Большие, белые, красивые, футуристичные. Их популяризировали, их устанавливали местные крупные латифундисты. Так как это очень дорогое оборудование, всё делалось за счёт средств государства и западных фондов. Ветряки подсоединяли к общей энергосистеме. Экологично и очень по-европейски. Голландия, да и только.

Потом пришли русские солдаты, и вся эта шелуха была унесена северным ветром. Оказалось, что это была огромная афера. Установка этих ветряков нерентабельна. Европейцы просто отмывали бабки и сбывали под целевые кредиты свою продукцию на Украину. Схема проста - выдать Украине кредит под покупку ветряков, продать ветряки аборигенам втридорога, разделить прибыль с местным начальством, получить деньги и тянуть проценты с выданного кредита. Типичная колониальная махинация...

Мало того, выработки генератора не хватает, для нормальной работы. А киловатт-час датировался государством в пятикратном размере. Под это, опять же брался очень «мутный» европейский кредит. То есть остальные потребители электроэнергии платили больше, для того, чтобы на этих землях просто стояли столбы европейских ветрогенераторов. Видимо, так европейцы хотели «застолбить» эти территории.

Вот и стоят недвижные белые ветрогенераторы вдоль Чёрного моря, как памятник коррупции и колониальной зависимости. Кроме того, при отступлении, «укропы» подорвали блоки управления ветрогенераторов. Поэтому с марта 2022 года местное население электричеством, интернетом и другими благами цивилизации снабжается из Крыма.

По поводу цивилизации - это не шутка. Здесь всё пестрит остатками советской эпохи - ветхие автобусные остановки с мозаикой эпохи товарища Брежнева, разрушенные пилоны в честь советских колхозов, брошенная старая сельхозтехника. Мне, как уроженцу советского Юга, это всё близко, я здесь как дома, слишком многое напоминает моё детство. Я как будто попал в провал времени. Фактически с 80-х годов минувшего века здесь ничего не изменилось. Ничего не построено, из инфраструктуры не появилось ничего нового... Хотя нет. Кое-что изменилось - дух места стал более хуторским.

На фоне общей разрухи и атавизации редкие ухоженные домики под жестяной

крышей выглядят вызывающе. Это как сообщающиеся сосуды. Здесь прибавилось, там убавилось. Какие-то средства, видимо, в регион государство Украина всё же вкладывала, их расхищали и распределяли среди своих... Когда-то так было и в Крыму. Схема та же. Теперь так не будет.

На границе Херсонщины и Крыма в марте 2022-го оживление. Беженцы уходят на полуостров. Пешком, на машинах, мотоциклах, даже на велосипедах. Бегут не от войны – от неустроенности.

Жители ближайших сёл наладили трансграничный трафик. Покупают в Крыму продукты питания и несут на себе в Херсонскую область. Кодовое прозвище таких коробейников – «верблюды». На дорогах области много машин. Гражданские, военные и колонны гумконвоев.

Пути-дороги достаточно безопасны, их охраняют мобилизованные донецкие мужики. Они стоят через каждые двести метров, окапываясь в низкопрофильных окопах. С оружием в руках эти стражи херсонских степей похожи на небольшие телеграфные столбы, которые передают едущие машины друг другу от поста к посту, словно сигнал телеграфного кода. Когда в пыльной дали появляется половецкий курган, на нем можно увидеть наблюдательный пункт донецких ополченцев и знамени России или ДНР. В степи это выглядит очень красиво и совершенно архетипично, картина словно выписана из «Задонщины» или «Слова о полку Игореве». Преемственность времён наглядна и очевидна.

Для донецких, конечно, это никакая не «спецоперация», а война. Причём война освободительная и народная. Особенно после объявления в республиках всеобщей мобилизации. Там, к востоку от Херсонщины, донецкие позиции растянулись на многие и многие километры. И каждый километр – это люди, много людей. Всё шахтёры, заводчане, дальнобойщики. Офицерами у них служат инженеры и просто люди с высшим образованием. Из «профессионалов» разве что комбат, да и тот бывший директор школы – в 2014-м году школу разбомбили, теперь «учит» укропов... Всё как в ту войну. Они так и воспринимают эти события, как новую Отечественную. То, что не доделали тогда деды, приходится доделывать внукам.

Есть целые «интеллигентские» подразделения. Их много. Учителя, директора и преподаватели музыкальных школ, драматические актёры, воспитатели, журналисты и радиоведущие. Поэтому, подъезжая к очередной «располаге» или блок-посту и видя заросших нечесаных мужиков с оружием и в камуфляже ДНР, не ругайтесь матом и не стройте из себя бывалого. Просто человек живёт в поле уже месяц и выглядит как шаромыжник, а на самом деле это музыкант донецкой филармонии или художник...

Интересно, почему московская интеллигенция не воспринимает эту войну как народную? Может, потому что слишком далека она от народа? Или она интеллигенция другого народа?

Если сравнивать экипировку армии РФ и донецких призывников, то это небо и земля. Воины ВС России весной 2022-го похожи на звёздный десант. Стильно, модно, молодёжно. Всё ладно подогнано, красиво шито. Причём как передовые части, так и обозники.

Донецкие ребята выглядят на их фоне сомалийскими пиратами в банных тапочках. Вооружены тоже «не по моде». Старые АКМ, АКС, ПК и довершающий штрих – винтовка Мосина 1943 года выпуска с оптическим прицелом, легендарная трёхлинейка. Они её используют и как снайперскую винтовку, и как символ преемственности с предками. Это как Красное знамя, или песня «Катюша», или как Т-34. Сразу видно – «наши пришли».

И всё же при всей своей бедности эти донецкие «пираты» с трёхлинейками делают огромное дело. Они люди с «синими» паспортами, они местные. Входя в сёла и города с трёхлинейками в руках, они приближают победу, не меньше чем элитный десант с самым навороченным вооружением, а может быть, и больше.

Один такой «оборванец» очень переживал за свой родной Донецк и семью, оставленную дома. По Донецку долбят не переставая. Говорит – дома сейчас опасней, чем здесь. Как это всё восстанавливать после войны? А потом улыбнулся и говорит:

- Но на 9 Мая хочу промаршировать по Киеву! Красивый город! Как раз для парада.

Если разговориться с ними, то поражает ясность слов и формулировок. И откуда эта военная чёткость у вчерашних работяг с заводов и шахт? Например, они заявляют, что после признания ДНР не чувствуют себя частью Русского мира, а просто Русским миром. Разница вроде бы невелика, но для них очень существенна.

Вообще, что меня поразило во время первой поездки по освобождённым территориям? Думаете, количество подбитой укропской техники? Разрушения и шрамы войны в сёлах? Неустроенность мирного населения? Нет, всё это признаки любой войны, такое я уже видел во время Приднестровского конфликта и в 2014 году. К этому я был готов. Но вот, что меня действительно поразило, так это философы в форме...

При въезде на очередной блок-пост нас окружила группа солдат. Уже не донецкие «ополчи», а ВС РФ. Они были рады нас видеть. Обнялись и разговорились. Один из парней сказал слова, которые врезались мне в подкорку, надеюсь, навсегда. Он сказал:

«Я раньше думал, что человек может жить без прошлого, отрекаясь от него, и в этом ничего страшного нет. Он остаётся человеком, просто живёт настоящим. Теперь я знаю, что это неправда (он применил другое, более резкое, „нецензурное“ и правдивое слово). Здесь молодёжь не знает своего прошлого, восемь лет правда была под запретом. На вопрос, на кого Гитлер напал в 1941 году, парни и дівчини по 18-20 лет отвечают: „На Украину. Но мы его победили, потому что бойцы УПА создали антифашистский комитет спасения Украины...“ У этих детей вместо исторической памяти имплантирована „палёная“ флеш-карта made in hell. Это не русские и не украинцы, это общечеловеки. Мы здесь воюем не с украинцами, а с нечеловеческим...»

А потом этот молодой парень добавил: «Я на контракте служу. Но даже если мне ни копейки не заплатят, я горд тем, что спасаю этих людей от беспамятства...»

От беспамятства. Я обнял его и спросил его имя. Его зовут Лёха, ему 35 лет, он со станицы в Краснодарском крае. И каждый, кто скажет, что Лёха оккупант, фашист, русня, негодяй, – мой враг.

А по обочинам бесстыдно и жутко раскорячена побитая и пожжённая техника – и наша, и вэсушная, вперемежку. Нашу потихоньку вывозят на ремонт и утилизацию на длинных трейлерах, прикрытых брезентом. Их техника ржавеет и подвергается набегам хозяйственных мужиков из местных сёл. В хозяйстве всё сгодится – и руль от БТР, и установка «Град», и траки танков, и, конечно, старый добрый «калаш».

Вообще расхищение военного имущества после боя стало весной 2022-го чуть ли не основной сферой деятельности местных куркулеватых крестьян. Несут всё. Объяснить зачем – не могут. Особенно этим грешат местные крымско-татарские сёла.

Ряд оперативных мероприятий, и «арсеналы» начали сдавать. С соплями, кряхтением и селянским бурчанием сдают комендантским ротам, иногда за деньги, иногда под угрозой санкций. От 50 до 100 \$ за ствол. Платят в рублях. Встречаются смешные случаи – одного такого запасливого крестьянина заставляли несколько раз раскапывать схроны в его же палисаднике, и каждый раз находили искомое. Неугомонный «крот» лишил свою жену барвинков и бархатцев перед окнами своего дома.

Чтобы пресечь глупый «бизнес» по сбору армейского имущества с полей и занять сельское население, российские власти провели ряд действительно важных мероприятий. Разминировали поля и оперативно «сняли» украинские мины с сельхозугодий, выдали фермерам халявный дизель для техники, предоставили очень дешевые удобрения (в 4–5 раз дешевле, чем при Украине) и, самое главное, дали лояльным фермерам защиту из тех же донецких мобилизованных мужиков. Это благодатный для сельского хозяйства край, его просто душили и не давали развиваться. Но в 2022 году на землях, занятых русской армией, был хороший урожай и фермеры нормально заработали.

Но хватит о сёлах. Здесь в Херсонской области границей между селом и городом являлся Днепр. Соединяет их Антоновский мост. В первые недели после февраля 2022-го на мосту никого не было, кроме русского блокпоста да чаек, прилетевших с Чёрного моря. К концу марта здесь толчея и пробки. Едут в Херсон, идут из Херсона. Всё чётко и отлажено, проверка документов, досмотр машины. Видно, что у солдат с блокпостов уже завязаны знакомства и неформальные связи с постоянными «клиентами и посетителями» Антоновского моста. Люди остаются людьми и на войне – приветствия, рукопожатия, улыбки – всё в наличии.

На въезде в город «распетрушенный» ракетным ударом пост ГИБДД, из которого укропы хотели сделать дот, долговременную огневую точку. Больше никаких серьёзных разрушений в городе не наблюдается. В городе тепло и солнечно, с моря тянет солью и скорым пыльным летом. В Херсоне работает общественный транспорт, ездят автомобили, работает рынок, продают продукты. Есть очереди... Особенно у аптек. Лекарств не хватает. Эту проблему старается решать военно-гражданская администрация. На март 2022-го получается не очень.

На улицах из «борьбы с оккупантами» только граффити в поддержку ВСУ и батальона «Азов». Их никто не закрашивает... Никто не снимает украинские флаги и различные символы. Разве что рядом могут повесить российский триколор или советский флаг. Если спросить у военных, почему не снимают плакат с призывом вступить в батальон «Азов», ответ очень простой – нет приказа. В более личных беседах поясняют, что это не наше дело, пусть этим занимаются местные. Наше дело – обеспечивать порядок и безопасность на местах.

Такого плюрализма мнений и свободы собраний, как в Херсоне, какой-нибудь Ольстер и вообще Северная Ирландия не имели никогда, и, думаю, иметь не будут. Росгвардейцы снисходительно смотрят на беснование укропатриотов, если и когда они происходят. Если ты не замышляешь откровенного криминала, то можешь кричать что угодно, голосовать за кого угодно, верить любой ереси, мечтать о европейском будущем и розовом пони у себя в кладовке.

Политическое положение в городе очень образно и резко обрисовал местный криминалитет. Если переводить на литературный русский, то положение таково: «Дебилов много, а смелых почти нет». Причём это касается и проукрапской и прорусской страты. И тех и других вместе максимум 20 % населения. Остальные – это просто обыватели, готовые стоически принять любые исторические перипетии, растить детей, строить карьеру, жить...

Общение с местными оставляет двойственное ощущение. Причерноморье исторически русскоязычно, и когда местная «патриотка», чтобы показать свою «европейскість», коверкает русский язык украинскими окончаниями, это выглядит смешно. Все эти «быстрише» вместо «швидше», «говóрю», вместо «розмовляю» и т. д. Начинаю её поправлять, перехожу на литературный украинский, затем на русинский диалект. Всё. Шаблоны порваны.

У активистки истерика – «оккупанты» говорят на украинском лучше. Слезы, апатия, нервный срыв. И так во всём.

С одной стороны, видно, что это обычные русские люди, которые косплеят западнцев. Причем косплеят без огонька и вдохновения, скорее по привычке. С другой стороны, это действительно обычные русские люди, которые не любят,

когда вмешиваются в их обыденный жизненный уклад, не любят, когда им указывают, что и как делать. Видимо, военно-гражданская администрация это учитывает и поэтому лавирует между культурной русскостью и политической русскостью. Возможно, это и правильно.

Ещё несколько бытовых штрихов. В Херсоне, как и других городах юга бывшей УССР, люди из-за дороговизны ещё в начале нулевых годов отрезали себя от газоснабжения и ставили электродуйки. Поэтому в домах очень холодно. Отсюда болезни и раздражительность. Требуется переподключение к газоподаче.

Все телеканалы Украины похожи на башни-ретрансляторы из «Обитаемого острова» Стругацких. Накачивают людей гноем ненависти. Неподготовленный человек может смотреть их не более пяти минут. Затем его начинает тошнить. После отключения у жителей бывшей Украины страшная ломка. Хочется по привычке «поскакать», но подпитки из TV нет, поэтому эффект противоположный. Не бодрит. Наоборот, вызывает тоску. Требуется переподключение к российским телеканалам и вообще инфополю России и Белоруссии.

Что ещё добавить о жизни в Херсоне к апрелю 2022-го? Транспорт работает уже лучше, чем прежде. Росгвардия работает лучше и вежливее, чем прежние «полицейские». Предприятия пока стоят. Коммунальные службы работают плохо. Прежние власти зарплату не платят уже, новые не платят ещё, но обещают. Пенсии своим вроде бы гражданам в Херсонской области Киев тоже не платит. Гривны из области вымываются ударными темпами, а новые не завозятся. Готовится переход на рубль.

Основная проблема нынешнего Причерноморья – неопределённость. В городах и сёлах 5-10 % активного проукраинского населения терроризируют оставшиеся 90 %. Ходит тётка по селу и страшит местных жителей. Всё вижу, говорит, как вернутся наши хлопцы, «усих сдам» в СБУ. И ведь сдаст... А что с людьми делают нацисты, многие уже видели в интернете и прочем тик-токе. Для того эти видосики туда и выкладывают, потому и не удаляют. Разгоняют в Сети, накручивают просмотры...

Я не буду сейчас писать о геройстве наших парней в форме, о борьбе с прокиевским подпольем, о тяжёлом каждодневном труде людей из спецслужб и помощи гражданских волонтеров из России и Донбасса. Не время и не место говорить о таких частностях в судьбоносный момент истории, когда прямо через наши души пролетают события планетарного масштаба. Об этом можно будет говорить позже.

Зато по итогам нашего первого захода в Херсон есть несколько интересных моментов, связанных с прокиевским подпольем. Существует исторический феномен перерождения партизанских движений в ОПГ. Так было с китайскими «триадами», сицилийской Cosa nostra, корсиканской мафией. Некая условная группа людей начинает бороться с оккупантами. Для этого облагает местное население «революционным» налогом, начинает организовывать контрабанду оружия, торгует запрещёнными веществами и людьми. И всё это ради «борьбы» с оккупантом. Годы идут, борьба продолжается, оккупант никуда не уходит. И вот полевые командиры начинают позволять себе излишества, выделяя себе «долю малую» от революционного бюджета. А затем, потеряв поддержку населения, эти группы просто продолжают заниматься рэкетом, контрабандой всего и вся, торговлей женщинами и наркотиками.

Так было и в Прибалтике после Великой Отечественной войны. Немалая часть эстонского криминалитета имеют корни в «лесных братьях».

Наши украинские братья в очередной раз доказали, что они не эстонцы. Разложение и коррупция поразили их ряды ещё до начала партизанской борьбы. В Херсонской области киевский олигархат организовал так называемую «муниципальную варту» (тупо говоря, дружину), возложив на неё функцию «ночной милиции», символизирующей власть Киева на этих территориях. Ну, то есть, классическая партизанская группа, заявляющая, что является «официальной

властью в подполье».

Все действия «варты» не менее «классические». Сбор «революционного налога» с бизнесменов (рэкет), контрабанда через всё ещё условную линию фронта продуктов питания (и их реализация по спекулятивным ценам), крышевание наркобарыг. Накаты на население за контакты с русскими (за получение гуманитарки) выглядят как борьба за потребителя украинских контрабандных продуктов. Мол, покупать будете только у нас, а если денег нет, отдавайте дочек на панель. Там она заработает вам на хлеб. Ведь брать у русских еду – это бесчестие для свидомита, а отправить дочь на панель, видимо, доблесть...

И всё это на фоне практически полного отсутствия партизанской активности. То есть это «партизаны» только на 50 % – население напрягают, а с врагом не борются. Так они ещё и с Киева бабки тянут, собирая средства на вооружение «варты» среди бизнесменов подконтрольных хунте областей. Разгоняя в интернете свои вымышленные подвиги и фейковые видео «уличных боёв» в Херсоне, эта «бригада» получает средства и онлайн.

Безотчетность финансов опять же порождает коррупцию. Классическая этническая ОПГ. Херсонцы всё сразу поняли, и местные бизнесмены, и обыватели – отношение к «варте» соответственное.

Даже местный криминалитет взвыл, новая «бригада» отжала у бандюков их привычные источники дохода – проституцию и контрабанду нефтепродуктов.

Но именно поэтому вычисляют этих «патриотов» очень легко. Если у местного «голодранца» неожиданно появляются «гроши» в товарном количестве, новая дорогая машина, начинаются загулы в ресторанах, кокаиновые истерики – всё понятно. К таким «гламурным» борцам с «руснёй» быстро приходит Росгвардия. Но «варту» это не останавливает. Желание загула и красивой жизни сильнее чувства самосохранения.

С чем связано такое стремительное разложение «партизан»? Видимо, это историческое наследие УПА. Если уж патриот может с годами стать бандитом, то природный подонок к этому тем более предрасположен.

С чем еще связано отсутствие вооружённой борьбы с русскими захватчиками, кроме того, что местное население не считает их захватчиками? Дело в том, что тридцать лет евроориентированные власти внушали украинцам, что они народ вроде чехов, «тожеевропейцы». Поэтому движение Resistance по форме похоже на чешское. Ну там на работу опоздают или вообще не пойдут работать в субботу, или под пиво будут перемывать косточки коменданту города.

Пришлые ДРГ есть, а партизанских отрядов нет. Киев не понимает, почему. Злится, но не понимает. Объясняю. Это последствие многолетней дерусификации и декоммунизации. Если с детства не рассказывать людям про Марата Казея и Нину Куковерову, то будущего партизана не воспитаешь. Кияне за что боролись, на то и напоролись. Херсон в 2022 году был похож на Ольстер без ИРА. В Ольстере шла война граффити, а в Херсоне война баннеров. Украина потихоньку линияла с рекламных площадей, России становилось больше. Как оказалось, без государственной поддержки и финансового нажима украинство здесь не жизнеспособно.

На дорогах к северу от Крыма ещё заметны следы боёв, а на бывшей границе тихо.

Что же происходило в марте-апреле 2022 года на границе между Крымом и Херсонщиной? Трансграничное движение очень плотное и с той стороны, и со стороны Крыма. Это удивительно. Ещё месяц назад здесь было как в пустыне. Все как будто вышли из временного анабиоза и кинулись в движение. Причем движение это явно броуновское... Анархия на дорогах и в умах.

Кроме военных колонн и армейских футуристических спецмашин, едут нескончаемые фуры, микроавтобусы-газельки и просто легковые автомобили. Едут

велосипедисты и идут пешие паломники во Святую Русь. Везут топливо, продукты питания, удобрения, автозапчасти, сигареты, женские прокладки и новости. Новости из России и «новини» с Украины.

Приграничные заправки в российском Крыму работают в усиленном режиме. Через каждые десять минут подъезжают авто на украинских номерах и заправляют пятнадцать-двадцать канистр с топливом, это такой теперь бизнес. Топливо на бывшей Украине – это реальная валюта. Твёрдая «жидкая» валюта, курс которой, в отличие от гривны, только растёт.

Людей на погранпереходе так много, что хоть все окошки пропуска и загружены на 100 %, всё же очереди огромные. Стоят на границе часами и днём и ночью. 24/7 едут люди. Что же это за люди? А это те самые, знаменитые украинские государственные преступники. «Изменники родины», «предатели», «коллаборанты» и прочий прорусский «скам», как их называют на украинском телевидении. Это обычные селяне Херсонской области, которые единомоментно перешли из состояния «мирный житель» в состояние «враг украинского государства». Ведь любой переход на территорию России в обход украинских таможен – это «предательство». Получение от русских гуманитарной помощи – это «коллорационизм». Разговор с русскими – «измена». А поскольку никаких украинских госструктур на Херсонщине уже нет, то все жители потенциальные жертвы бандеровской «службы безпеки».

Женщины и мужчины на границе находятся в разном положении, хотя их примерно поровну. Мужчин, особенно молодых, проверяют очень тщательно. Проводят собеседование, смотрят татуировки, синяки на плечах и т. д. От мужика много хлопот. Женщина же в украинском хозяйстве сегодня – не лишний рот, а добытчица. Ей гораздо легче пересечь границу, это занимает для неё меньше времени и процессуальных препон.

Поэтому крепкие украинские жінки тянут через границу мешки с сахаром, конфеты и сгущённое молоко. Всё это они выполняют, виртуозно управляя «кравчучками» – так здесь называют тележки на колесах. В 90-е годы, сразу после распада СССР, когда Украиной правил Кравчук, миллионы женщин «челночили», занимались межграницным извозом, потому-то тележки так и прозвали. Я предложил этим труженицам называть тележки «зеленвагенами», адскими машинами по уничтожению их природной женской красоты. Название понравилось, хохлушки любят лесть и лёгкий флирт. Надеюсь, название приживётся. Действительно, «зеленвагены» гробят не только женскую малоросскую красоту, но и просто человеческое здоровье. Впрочем, положение сейчас такое тяжёлое, что не до сантиментов.

Людам жрать нечего, они поехали в Россию за продуктами, за топливом или поехали к родственнику в Крым, тем самым совершив по законам Киева государственное преступление. Им грозит от десяти до пятнадцати лет заключения. Как они сами со смехом замечают: «И это только по одному эпизоду». Словом, юмор сельских жителей не покидает.

В отличие от горожан. Мой товарищ подошёл к состоятельной паре, они тащили на буксире машину. Обе машины были, так скажем, не для среднего потребителя. По одной из автомашин (на киевских номерах) явно отработали из чего-то, несущего смерть. Товарищ поинтересовался подробностями событий, приведших авто к такому виду. Женщина-водитель косвенно признала, что машина попала под украинский обстрел, но признавать это было для неё всё же мучительно больно. Видно было, что происходит глубокая переоценка жизненных ориентиров, и то, что она, властительница жизни и светская львица, вынуждена стоять в очереди на границе вместе со всем этим плебсом и бежать в Россию, а не лететь в Милан за новой коллекцией брендовой одежды, явно вызывало в ней страдание шекспировского масштаба...

Если в начале минувшего века, при петлюровщине, города были прорусскими, а села выступали за самостийников, то сейчас, в начале XXI века, картина во многом

иная. За самостийников крупные финансовые центры, а небольшие города и сельская местность готовы перейти на русскую сторону. На Украине свидомиты часто задают вопрос «За що?». «Ну да, мы стали угрозой для России, ну да, разместили на своей территории антирусские войска и организации, ну да, растоптали память об общем прошлом и выдумали собственную ксеноисторию. Ну так мы же самостоятельное государство, что хотим, то и делаем. Это наше право».

А вот нет! Главный грех нынешних «украинцев» - это нарушение законов политической физики. Эти неписанные правила очень точно описал уроженец Херсона Борис Лавренёв (Сергеев) в своём бессмертном произведении «Седьмой спутник». Вот эти слова: «Есть огромные тела в пространстве, притягивающие более мелкие. А когда появляется какой-нибудь седьмой спутник, он притягивает все остальные тела, несмотря на их волю и желания». Вот так и Украина. Либо ты соответствуешь законам небесной механики и тебя притягивает громада Русского мира, вокруг которого ты вращаешься, либо ты превращаешься в сошедший с орбиты метеор, укротунгусский метеорит, падающий на землю и разрушающий и себя, и окружающий ландшафт. Огненно, красиво, но скоротечно.

Либо ты «седьмой спутник», и тогда херсонская земля рождает Лавренёвых, Бондарчуков и Матвеевых. Либо ты затхлые задворки Европы с пыльными улицами и отсутствием перспектив. Я все же надеюсь на то, что Херсон и вся Новороссия найдет свою орбиту в небесном круговороте открытого русского космоса.

«Киевський» режим весной 2022-го бросил своих граждан на произвол судьбы, но продолжил требовать преданности и подчинения. Некоторые по привычке подчиняются, но анархическая сущность украинца дает о себе знать. Дело в том, что последние восемь лет перед войной украинское государство знатно снимало стружку с украинского гражданина. Особенно тяжело было сельскому населению. Цены за коммуналку, топливо, продукты зашкаливали. Налоги реально были выше, чем в России. Пособия ниже. Вообще социально ориентированным государством Украину назвать было трудно.

С началом СВО появилась, как говорят местные жители, «маза» обдурить государство, то есть возможность немного уравнивать счёт между государством-Левиафаном и обычным человеком. Так давайте же этим пользоваться - думает местный крестьянин. «Маза» не платить по кредитам (у нас же военный стан, какие такие проценты). Ну и прочие мелкие преференции от своего, конечно же, незавидного положения местный люд гребёт под себя. «Маза» пожить без государства - для украинца естественное состояние и не вызывает дискомфорт. Все вышесказанное относилось к грамадянам Украины по обе стороны «ленточки».

Теперь про наших. «Вчєрашніє» граждане незалежной, крымчане, весной 2022-го гордо прохаживаются перед владельцами синих паспортов и демонстрируют свои краснокожие паспорта. Им везде почёт, уважуха и приоритет. Крымчане так гордятся, что, кажется, сейчас начнут по-московски акать и тянуть слова при общении с «украинцами». Однако просто так россиянину в зону конфликта не въехать. Нужны особые основания. Об этом не стоит распространяться. Кому нужно, знает, а кому не нужно... тому и не надо.

Важно то, что многие владельцы синих паспортов с весны 2022-го воочию видят ценность красных паспортов и мучительно жаждут их получить. Потому что этот паспорт даёт новые возможности, перспективы, новые цены на товары, даёт стабильность, даёт возможность уравниваться в правах с кичливым крымским кумом Андрюхой. И главное, красный паспорт - это амнистия от украинского магнатского беспредела последних лет. «Маза» прокинуть Коломойского, Ахметова, Фирташа, Зеленского, Порошенко и К.

Чи це ні чудово?

Чудово, да ещё как.

Немного про тех, с кем мы воюем. Все, конечно, понимают, что нацизм – это всего лишь радикальная вариация общезападного политического строя. То, о чём все думают, но стесняются произнести. Грязная, но необходимая работа, которую нужно сделать, обязательно сделать. Желательно чужими руками. В начале XIX века в Нью-Йорке уже вовсю говорили о правах человека, а на западном фронтире в это время по полной программе геноцидили индейцев, освобождая пространство для колонизации. Нацизм – это якобы «эксцесс» исполнения. Заламывание рук и извинения тогда, когда уже ничего исправить нельзя, всех аборигенов убили.

Поэтому сегодня нацизм может быть только украинским. Это восточный фронт Европы. Именно здесь, на границе миров, европейская либеральная идеология радикализуется до кровавых форм. Именно здесь европейский либерал надевает коричневую рубашку. В Европе, да и в украинских городах вроде Киева, часто спрашивают: «Да где вы видели нацизм на Украине? Где те зверства, о которых вы нам постоянно талдычите?» А зачем убивать и терроризировать тех, кто и так подчиняется? Рабам не пуля, а хлыст! Террор стоит дорого. Террор приходит лишь туда, где есть сопротивление. Все нацисты ушли на восточную границу, убивать «индейцев» Донбасса, поэтому вы их и «не видите».

Но украинские «европейці», либералы Киева и интеллигенты Львова – это отцы нацизма, это их тыл, их материальная и людская база, их оправдание, их почва. Сейчас нацистов гонят назад, на запад, и вскроются страшные вещи. И скоро либеральные «родители» увидят своих нацистских «детей» в своих городах... И ужаснутся! И будут кричать: «Мы ничего этого не знали!» Не может быть, чтобы всё ЭТО сделали наши мальчишки!

И это будет неправдой. Знали. Хотели этого. Но хотели, чтобы всё ЭТО было сделано «тихэнько», чтобы в дом грязь и кровь не приносили... и шторы не пачкали.

Мне нравится доводить мысль до логического максимума.

Если у нас есть утверждение, что украинский нацизм – это всего лишь радикальное проявление общеевропейской либеральной философии, «копье евроатлантизма», направленное в сердце России, то что ему противостоит? Что есть щит евразийской цивилизации? Что может защитить Россию от этого «копья»? По всей видимости, не менее радикальная идеология, так сказать, концентрат евразийских ценностей. И это, конечно же, большевизм как форма русского социализма, как незаконнорождённое дитя православной цивилизации. Сказав А, нужно сказать и Б.

В разговорах с людьми на Украине часто возникает тема нацизма. Мне местные с обидой говорят, что не все же здесь нацисты. Конечно, не все! Но о-о-очень многие. Даже из тех, кто и себе не признаётся в том, что он нацист. У меня для определения нациста есть простой, но действенный способ. Я его называю «Тест на Зою». И о-о-очень многие мужчины, и особенно женщины на Украине, его не проходят. Если в разговоре про Космодемьянскую начинают всплывать слова сумасшедшая, сталинская «фанатичка», «пироманка», «маньяк» и «убийца», «поджигательница» и т. д., я сразу для себя решаю, что передо мной стоит тайный/открытый фашист/фашистка. И ни разу не ошибался. Человек может себя даже называть либералом, а быть фашистом. Человек даже может искренне ощущать себя евросоциалистом, а быть фашистом.

«Тест на Зою» сбоев не даёт! Как и вопрос про то, чей Крым. Как и «тест на Дашу Дугину». Крым наш! Зоя – Герой! Дашу убили нацистские ублюдки, и радуются её смерти они же. Это мой символ веры, его исповедую и за него борюсь.

13 сентября 2023-го, кстати, Зое не исполнилось сто лет потому, что ей всегда будет восемнадцать. А Даше всегда будет двадцать девять. А Крым всегда будет Россией.

Как бы ни кричали наши доморощенные борцы с империализмом, но спецоперация

на Украине – это действительно Освободительный поход 2.0. И этот поход действительно несёт украинскому народу кое-что очень важное. То, что у него отобрали в 2014 году.

Это кое-что – ПРАВО ВЫБОРА. Право цивилизационного выбора.

Смотрите сами. Некий небольшой процент населения после революции гидности (от 3 до 7 %) решал все вопросы в стране, за всё население Украины.

Начиная с «недостойного переворота» хохла ни о чем не спрашивали. В интернете даже мем такой появился. Какой президент у него будет, на каком языке будут учиться его дети, в какой военный блок будет входить его страна, что считать нормальным, а что неестественным и вредным, какая у страны и народа судьба, будущее, прошлое. Вообще мнением украинцев никто и никогда не интересовался, ни по одному из действительно важных вопросов. Рисовали от балды какие-то соцопросы и говорили просто и открыто, что теперь это будет так и только так.

А если нет?

А если нет, то мы запретим голосовать на этой территории (как на подконтрольной Украине части Донбасса). А если нет, то мы запретим вам участвовать в политике (как в случае с компартией и не только с ней, кстати). А если нет, то мы изобьём, убьём, изгоним из страны, закроем телеканал, разгромим редакцию газеты, люстрируем (Царёв, Бузина, Лиснин, Остожко и др.) – но говорить вам не дадим. Есть только одно мнение. Мнение киевских «либералов» и их группы силового прикрытия из западенских нацистов. Альтернатива была наказуема.

Русская армия принесла с собой альтернативу. И украинский народ это оценил.

Если есть выбор, куда эвакуироваться, на Запад или в Россию, люди эвакуируются в Россию. Если появляется выбор, на каком языке обучать детей, люди выбирают русский. И многое другое.

Раньше у украинцев был выбор: Бандера или Шухевич. Русская армия дала им возможность выбирать между Бандерой и Ковпаком. Это небогатая, но реальная альтернатива. Такая, какая она может быть на сегодняшний день.

Дайте людям на Украине право выбора, доступ к русским СМИ, защищённую процедуру голосования, и вы не узнаете страну. Демократично? Весьма!

Но наши «либералы» всё равно будут недовольны. Ведь Бандера це европейец, а Ковпак – это дремучий азиатский коммуняка.

А Бандера им мил, потому что понятен. Он описан в европейской литературе. Глядя на действия ВСУ, до меня дошло, откуда «нацики» берут свою тактику, стратегию, эстетику и философию в этом конфликте. Это уже не «Свадьба в Малиновке...» Это же чистый «Дневник Тёрнера» Уильяма Пирса.

Судите сами... Вот как они себя видят на стратегическом уровне? Белые мужчины, борющиеся с интернациональным сбродом расово неполноценных орков.

Тактика тоже понятна и проста – забрать весь БК себе, собрать под себя всё топливо и жрачку и за счет голода и неразберихи подмять под себя мирное население и колеблющихся военных. После чего переформатировать их в нужном ключе. Короче, «выживальщики», которые пришли к власти.

Даже ядерные мотивы чисто «тёрнеровские» – прикрыться многомиллионным человеческим щитом и шантажировать мир ядерной катастрофой.

Ну а что вы хотите? Родимые пятна ультраправого движа. Нынешний киевский режим – это просто скин-группа из 90-х, раскормленная до размеров страны. Ну а простодушие Киевской тик-ток-пропаганды просто удивляет. С одной стороны, они выпячивают вперёд представителей разных меньшинств: евреев из Израиля,

афрoукраинца из Винницы, львовского татарина... И все они говорят на камеру примерно следующее: «Ну что вы! Какой нацизм? Вы пришли денацифицировать нас? Еврея, негра и татарина?» А с другой стороны, эти самые еврей, негр и татарин на видео гордо топчут трупы людей, фотографируются на фоне запытаных пленных и говорят... Очень много говорят о ДНР, ЛНР, русских... Слова их простые и знакомые: «генетический мусор», «биологические отбросы», «орки», «буряты», «недочеловеки», «азиатские орды», «расовый сброд» и т. п. Правда знакомо? Видимо, расизм – это родимое пятно европейской цивилизации. А киевская хунта – это самые главные европейцы Европы. Европеестее самых европейцев. Но никакого нацизма на Украине, естественно, нет. Или есть?

За давностью лет многие не помнят уже, но Майдан был союзом либералов, правых социал-демократов и нацистов. Либералы рулили повесткой и отвечали за связи с Западом, нацисты были силовым блоком, а «умеренно левые» отвечали за массовку и создавали видимость общенародности протеста. После начала денацификации освобождённых территорий союз этот никуда не делся. Нацисты залегли на дно или сбежали, но их политические союзники остались. В отличие от нацистов, они очень ссыкливы. И поэтому в бложиках или на остановках общественного транспорта они никогда не скажут: «Долой оккупантов!» Нет, они отработают свою повестку иначе. Они начинают задавать вопросы, на которые, как они думают, у нас нет ответов.

Либерал обычно задаёт вопросы, начинающиеся так: «А это нормально...» и далее целый букет европейских мантр – и пространство его личное нарушают, и свободу передвижения, и блокпостов много, и за границу не поедешь, и почему у людей с автоматами столько власти. И главное, комфорт... Где комфорт? Почему так называемые освободители не обеспечивают комфорта? Ведь это его, либерала, врождённое право. Чтобы было удобно. Правый социал-демократ постоянно ноет и удивляется. Почему цены выросли? Почему нет топлива, лекарств, зарплат, пенсий, соцвыплат? Почему гуманитарка не того качества? Почему... И либерал и «европейский левый» своими «вопросами» прикрывают находящегося в нокауте нациста, думают, что он оклемается, восстановит дыхание и снова пойдёт в бой с руснёй. По сути, это его пособники. Но они ошибаются, думая, что у нас нет ответа на их вопросы.

Итак, наш ответ таков.

У вас сейчас ограничены права и свободы, не хватает комфорта и социальных благ, разрушено государство и общественные институты потому, что на протяжении тридцати лет вы, либералы и евролевые, вели безответственную и преступную политическую деятельность. Вы продавали всё, что можно было продать. Вы поставили Украину в положение безвыходности. Вы разворовали будущее народа. Вы выкормили зверя, пожравшего вашу и нашу общую историю. Вы довели дело до нашего вмешательства. Вы развратили народ сказками о европейском рае. Вы заразили его беспочвенными мрjями. Наш приход на Украину – это лишь симптом вашей болезни. Мы пришли в чумной барак, чтобы болезнь не перекинулась к нам домой.

И пока общество на Украине это не осознает и не станет лечиться, доктора, то есть мы, никуда не уйдём.

Сейчас в СМИ наконец-то начали появляться фотографии людей. До 24 февраля 2022-го люди на экраны практически не пробивались. Были какие-то бизнес-проекты на ножках. Ходячие рекламы индустрии красоты и пластической хирургии. Старые и молодые выглядели примерно одинаково. Количество «тюнинга» на женщинах соперничало только с его количеством на, так сказать, «мужчинах». И тут пришли люди. Хорошие русские лица (как я устал от англосаксонских образин в телике!). Хорошие бурятские, чеченские, башкирские, украинские лица. И глаза, в которых есть свет и смысл.

У этих людей есть отец и мать, есть прошлое, есть жизнь. Они настоящие. И ещё

кое-что отличает эти лица от того ширпотреба, которым нас кормили последние 30 лет. Это что-то можно выразить одним словом «Достоинство». Единственный вопрос: где все эти годы прятались эти гордые плечи, волевые подбородки, решительные глаза? Их специально замазывали чёрной краской дворники, во время весенних субботников? Зачем? Ведь это ещё и красиво. Я понимаю – силикон взбешён! На фоне этих людей они выглядят подделкой, пародией на человека.

Ну а наша «интеллигенция», как всегда, ничего не понимает. Кричит о смерти культуры в стране и об изоляции России от всего цивилизованного мира (читай – Запада).

Никакой изоляции России от Запада нет. Тем более культурной изоляции. На территории Украины идёт интенсивный и очень плодотворный культурный обмен.

Мы узнали очень много иностранных слов: «Джавелины», «Байрактары», плавы и прочее. Выяснилось, что это только слова. Паблик рилейшнз, так сказать.

В отрыве от общекультурной западной компоненты, эти слова быстро обрусели.

7 дней с начала СВО, специальной военной операции, слово «Байрактар» выполняло свою функцию. В небе... Теперь это русское небо.

Временами английский и шведский язык ещё изрыгает огонь по степи, использованные «выстрелы» валяются тут и там. Но всё чаще это произносится с русским акцентом. А на Западе, все только и говорят, что об «Утёсах», МиГах, «Буках», «Панцирях» и «Торах». И как выяснилось, это не только слова, они наполнены смыслами. И никакого PR.

Либеральная общественность в России заламывает руки и вопрошает трагическим голосом: «Что мы можем предложить Украине? Почему она должна идти в будущее с нами?» Эй, вы что там, глухие? Русский народ с февраля 2022-го громко, внятно, доходчиво предлагает Украине величайшее благо из тех, что есть на Земле – право первородства. Русский народ предлагает Украине разделить по-братски бремя свободного человека, бремя взрослого и самостоятельного человека, живущего своим умом, своим трудом. В своём доме, по своим правилам, со своими святыми и праведниками. Со своим прошлым и своим будущим. Это ли не щедрость? Это ли не царский подарок? Звание даже «любимой жены» США – мелочь по сравнению с русским предложением. Да и никто ведь не говорил, что Украину назначат американской Гюльчатай. Вдруг всего лишь служанкой у восьмой жены. Полы мыть, маникюр делать и т. д. Или и того хуже.

Не замечают в Москве и величия происходящего у кромки Чёрного моря. Ведь с точки зрения антропологии, на территории Украины, Белоруссии и России полным ходом идет самый настоящий нациогенез. Идет пересборка Руси. Русские мужики с Донбасса стоят на блокпостах среди степей Причерноморья, обозначая границы присутствия народа. Русские девушки под прицелами укропских снайперов возлагают цветы к памятникам Победы в Херсоне и Мелитополе. Русские пацаны с Дагестана и Чечни охраняют шествия «Бессмертного полка» по всей Украине. Это все Ковтуны, Яремчуки, Алиевы, Магометовы и Копатько. Мало среди них Ивановых. Время Ивановых ещё не пришло?

Пора, ребята. Пора! Или сверхскорый поезд русского нациогенеза уйдёт без вас. И вы останетесь на станции Вырвань. Вместе с Акуниным, Парфеновым, Кацем, Шацем и Танюшкой Лазаревой... Бр-р-р-р-р... Жуткая перспектива.

Образец эталонного русского на протяжении всей нашей истории менялся и кочевал по всей Руси-матушке, от тайги и до Карпат. То это был новгородский пират Садко, то муромский мужик Илья, то разбитная девчонка Маруся с города Богуслав. В зависимости от практической необходимости архетип искажался в зеркале истории. Народ рождался в боли и крови, и архетипы порождали соответствующие эпохи. На сегодняшний день идеальный русский – это донбасский мужик. Луганские и донецкие сегодня на передовом рубеже нашего народа.

В донбасских есть всё... Хитроватость и куркулеватость хохла. Широта души помора. Уральская серьёзность – его второе имя. Он рукастый, как бульбаш, и упрямый, как сибиряк. В нем отчаянность казака и напористость московского уроженца. Немного не хватает питерской интеллигентности и московского снобизма, но по мне, так это плюс. В общем, всем равняться на Донбасс.

Как выглядит донецкий характер на практике? (Зарисовки под звуки артобстрела.)

Девочка-подросток приходит на пруд и надрывно жалуется подруге:
«Представляешь, мне мама запретила гулять сегодня потому, что обстрелы. Ну как так, сейчас же лето, я купаться хочу!»

Мама кричит детям из окна дома на спортплощадку: «Ребята, может домой пойдёте? Укроп ведь лупит!» В ответ: «Нет, мамочка, мы ещё в баскетбол поиграем».

Мужчина средних лет (прилёт в пяти метрах от него, успел укрыться за бетонными блоками): «Парни, спасибо, что помогли найти деталь!» Встаёт, отряхивается и продолжает точить деталь. Этих людей невозможно запугать. Они уже победили!

Прошло два месяца с момента начала СВО. За это время я успел прочувствовать на себе прилёт «джавелинки», покушение и влюбиться в Херсонщину. Первомайский Херсон сильно отличается от Херсона мартовского, когда я попал туда в первый раз. Чего только мы тогда не увидели...

Стоит сразу пояснить, что перемещаемся по городу мы на авто без номеров и с буквами Z на стёклах, а значит, местные жители сразу понимают, кто мы такие.

Наша команда заехала в марте в первый раз в освобождённый город, но освободителям там были не очень-то рады, показывали разные неприличные жесты, кричали проклятия и так далее, а когда в магазине уточнили, принимают ли рубли, то на нас очень криво посмотрел весь магазин.

На сегодняшний день ситуация меняется стремительно. Ещё вчера пустующие магазины и кафе вдоль трассы оживают, начинают торговлю. Ассортимент скудный, видно, что продукты везутся на себе из Крыма, централизованных поставок нет. Но это уже что-то! Это жизнь!

За рубли на трассе пока не продают, но, разговорившись с продавцом, понимаю, что если очень попросить, то они возьмут и рубли. Во всяком случае, они уже не боятся наших денег.

По пути от границы до областного центра раньше стояли бойцы из ДНР, сейчас, когда фронт уходит вперёд, донецких парней отправляют ближе к Николаеву, а их места на блокпостах занимает наша Росгвардия.

Посты проезжаем легко, только несколько раз нас остановили, проверили документы. Военных на трассе стало значительно меньше, значит, территория стала контролируемая. Это видно и в самом Херсоне: у местной ОГА стоял БТР, вооружённая охрана, сейчас у ОГА стоит один росгвардеец, а над зданием развивается российский флаг. Россия теперь везде, на каждом КПП вдоль всей трассы гордо развеваются наши флаги, а значит, мы не уйдём.

И местные это начинают понимать. Теперь, вместо среднего пальца, нам махали руками, несколько раз местные выражали бурно свою поддержку, подходили, спрашивали, когда будет связь.

За день до этого Украина отказалась от Херсона, отключив их от сотовой связи и интернета. Люди это тоже понимают и принимают новый порядок, который будет русским.

Видел здание городского совета, пострадавшее от взрывной волны ракеты «Точка У», выбитые окна, осколки, но здание целое. Местная администрация продолжает

работать и в этих условиях. Там же у входа принимают обращения к новому мэру, которого поставила ВГА. Пообщался с охраной горсовета: говорят, что сами сидят без связи. Очень дружелюбные ребята из РФ.

Вообще, если не эти разбитые окна и не сгоревший штаб украинской теробороны на въезде в Херсон, то в мае 2022 года здесь ничего не говорит о спецоперации, о том, что совсем рядом, под Николаевом проходит линия фронта. На улицы города вышли люди, на дорогах полно машин, работают подпольные заправки, сетевые пока закрыты.

А День Победы в Херсоне мне не забыть никогда. После «Бессмертного полка», прошедшего в Херсоне, я несся на автомобиле со скоростью 140 км час под звуки «Прощания Славянки» и солнце пьянило меня словно спирт. Я искупался в каховском водохранилище у города Каховка и слушал, как мои товарищи «Француз» и «Угрюмый» поют песню про День Победы. Это был самый солнечный день моей жизни.

Для меня 9 Мая – это святой день, но поверьте, только 9 Мая 2022 года в русском Херсоне я по-настоящему понял, что чувствовали наши предки в тот памятный и светлый день в 1945-м.

Это был праздник в первую очередь преодоления. Фашизма, немцев, войны, себя. Преодоления страха.

9 мая 2022 года херсонцы преодолели свой страх и вышли на празднование Дня Победы. Для города в 250 тысяч населения вышло огромное количество людей, просто нескончаемая река. С красными флагами и флагами России, георгиевскими лентами, с портретами предков они прошли по парку Славы от Херсонской Фортэци до Днепра.

И поверьте, это был смелый поступок.

Это не комфортный маршрут в центре Москвы. Это был по-настоящему марш «Бессмертного полка». Люди знали куда идут и зачем.

Ведь целую неделю перед праздником киевские недобитки шипели, брызгая ядом: ударим «Точками У» по параду, заложим бомбу и подорвем колорадов, наведем «Байрактар» и скинем мину, всех заснимем и потом приедем ночью и зарежем как «зрадників».

Ну и? И «Точки У» запускали (три штуки в тот день сбита наша ПВО). И бесновались в пабликах укропатриоты. Летал и дрон над морем людей, но это был не «Байрактар» с миной, а журналистский дрон с камерой.

Люди знали, чем рискуют, а все же пришли.

Миф о закроповском городе Херсоне разрушен, поэтому бандеровцы и пульнули по митингу из «Точки У» и тем самым поставили жирную точку в своих взаимоотношениях с херсонцами.

Страх больше нет. А значит, и власти над людьми в Херсоне у бандеровцев больше нет.

И никогда больше не будет.

Ніколи знову!

Когда в городах, городках и местечках Херсонщины ко мне подходили люди, то прежде, чем они начнут говорить, я всегда произносил два слова. Только два слова.

Слово «Да» и слово «Нет». Многие сразу всё понимают, начинают плакать и обнимать меня. Мужики, деды, матери, девушки, бабушки. Все.

Дело в том, что разговор всегда один и тот же. Я уже так к нему привык, что

сокращаю его до двух слов.

Они меня спрашивают: «Вы с России?», и я отвечаю: «Да».

Они меня спрашивают: «Вы не уйдете? Не бросите нас?», и я отвечаю: «Нет».

В этих двух словах наша тактика, стратегия, политика и религия.

[Глава 9. Война и мир: Херсонщина и Запорожье, июнь 2022-го]

Широка и прекрасна херсонская степь. Ветер с моря несет запах йода и соли. Он обдувает то, что здесь почему-то называют дорогами. И по этим колдобинам несётся современная русская тачанка. Тачанка поколения Z.

Здесь её в шутку называют «шестнадцатой» моделью ВАЗ, потому что собрали из двух разрушенных «восьмерок». Тачанка объезжает посты вдоль дороги.

А вдоль дороги посты донецких мужиков. На каждом из них ты братка для них, ты свой, тебе рады. Живут они здесь уже скоро три месяца, без ротации и отпусков. Шахтёры, студенты, лесники, учителя и железнодорожники. Все вперемешку. Мужики по пятьдесят лет и девятнадцатилетние мальчишки.

23-летний Костя из донецкой Ждановки должен был делать предложение своей девушке. Заказал по почте кольцо и получил его вместе с повесткой. Ушёл на фронт. Показал себя, по словам его командира, геройским малым. Предложение так и не сделал. Не успел. Говорит: после войны сделаю. И принесу с собой огромный букет белых роз. И смотрит в самого себя при этих словах, а видит свою невесту.

Эй, ждановская девчонка! Он любит тебя. Напиши ему лишнее письмо. Пусть он улыбнётся, вечером у костра будет читать и перечитывать твои слова и твою душу.

Процесс пачификации территории сложный и кропотливый. Людей не хватает. Они сидят в Москве и пьют лавандовый раф. Поэтому приходится много ездить, чтобы везде поспеть. Ну, а дорожное движение на освобождённых территориях – это просто песня. Камер контроля скорости нет. ГАИ нет. Дорог нет. Пьяные водители есть. Государства, в общем-то, совсем мало. Но есть один момент, который я бы перенёс в Россию с удовольствием. Водители-дальнобойщики не выстраиваются здесь в непроницаемые и необгоняемые колонны. Они чётко держат дистанцию между собой. Видимо, для того, чтобы тачанки с пулемётами могли спокойно объезжать караваны большегрузов.

Лучший регулировщик движения – это пикап с пулеметом на крыше! Так и вижу: МКАД, правая полоса движения, фуры стоят в пробке и между ними прогалы по 20 метров. Красота!

Приходилось мне кататься по освобождённым территориям не только на армейских «Рысях» и «Буранах», но и на общественном транспорте. И понял, что, несмотря на присутствие чеченцев и неформалов, наша армия похожа на смесь православного прихода и гигиенического общества. На каждом блокпосту основным вопросом к пассажирам был наличие или отсутствие у них татуировок... Сатанистские, солярные, вотанические «партаки» вызывают живейший интерес у спецотдела. Родился отличный бизнес-план – открыть на Херсонщине салон по удалению с кожи «ошибок молодости». От клиентов отбоя не будет. А скоро и с Николаева подтянется база, и с Одессы...

Наша работа в Новороссии стала давать результат к началу лета 2022 года. Мы показали людям, что, несмотря на европропаганду, русские не людоеды и на освобождённых территориях в июне начался процесс обратной миграции. Обычно это происходит так. Сначала житель Херсона, поддавшись укропропаганде, бежит из родного города в западном направлении. За безумные деньги снимает жильё в одной из «жемчужин» Западной Украины, вроде Ивано-Франковска. Подвергается насмешкам местных за москальский выговор. Покупает у западнцев по завышенным ценам присланную с Запада гуманитарку. Вечерами пьёт в захолустном кафетерии бурду под названием «кава».

Затем он звонит куму в Херсон из условного Тернополя или другой дыры и спрашивает, как у того дела под властью орков. Выпускают ли его из подвалов на прогулки и насиляют ли его жену и дочку орки по очереди или все же группой? После долгого и обстоятельного разговора с кумом среднестатистический беженец

из Херсона пьёт на кухне чай, а утром загружает машину и отправляется на Херсонщину.

И вот тут-то начинается самое интересное. Вход – рубль, выход – два, как говорится. Люди не могут вернуться. На блокпостах укровояки берут немалую мзду за пропуск из Николаевской области на Херсонщину. Возвращение влетает в копейчку.

Дешевле был вояж по маршруту Тернополь – Люблин (Польша) – Брест (Белоруссия) – Брянск – Ростов-на-Дону – Джанкой – Херсон. Кстати, несмотря на большой крюк, выходит гораздо быстрее.

О старой жизни на Херсонщине и о пределах социальной мобильности населения можно судить по объявлениям о заработках в Польше, аж по пятьсот евро в месяц. Проезжая по раздолбанным дорогам бывшей Украины, вновь ставшей Новороссией, там и тут попадаются на глаза баннеры «Безопасный маршрут в Польшу и Грузию» и телефон. Это объявление для тех, кто хочет уехать не в Россию, а на Запад.

Позвонил, пообщался, подъехал, выяснил.

1. Минибус набирает по десять-пятнадцать человек и через Крым вывозит граждан Украины в Грузию и Польшу.
2. Контора расположена в Херсоне.
3. Основные потребители предоставляемой услуги мужчины призывного возраста (60 %) и женщины с детьми (12 %).
4. Услугой пользуются жители Херсонской области (32 %), Запорожской (12 %), Николаевской (21 %), Днепропетровской (19 %), других областей Украины, либо иностранцы (16 %).
5. Люди переходят за деньги (1000 \$ с человека) через линию фронта и уезжают к семьям в Польшу и Грузию.
6. Часть людей этим маршрутом едут в Россию (чаще всего в Крым, Краснодар, Ростов, Москва).

Какие можно сделать выводы?

Есть огромный массив граждан Украины, не желающих умирать за Зелю и прочих, но подверженных прозападной пропаганде и бегущих в Европу, которой уже нет. С точки зрения социологии, это люди среднего достатка, с высшим или средним специальным образованием, семейные, представители наёмного труда, либеральных или праволиберальных взглядов.

С этими людьми стоит начать работать соответствующим структурам. От спецслужб до службы занятости. Возможно, эту работу стоит начинать ещё в Херсоне, но уж в Крыму это необходимо делать обязательно.

Распробовал я и общественный транспорт Херсонщины по состоянию на лето 2022-го. Быстро, дешево, неудобно... Еду автобусом из пункта X в пункт С. На блокпосту переключка. Из 40 человек лишь двоих можно заподозрить в невеликоросском происхождении. У одного фамилия Друзь. Другая – Каплан. Остальные – это Орловы, Аксёновы, Петровы и даже Набиуллина. Как здесь пытались построить Бандерштадт, мне не совсем понятно. Но ведь почти получилось.

Почти...

Мимо гражданских караванов пролетает армейская техника. На южной Украине много солнца, поэтому у водителей наших армейских большегрузов сейчас новая фишка. Они натягивают в кабине параллельно лобовому стеклу тёмную плёнку.

Плюсов от этой процедуры много:

1. Солнце не слепит глаза.
2. Кабина не прогревается.
3. Водителя и пассажиров не видно в кабине, снайперу сложности дополнительные.
4. При разбитии лобового стекла осколки не посекут людей в кабине.
5. Ночью плёнку можно убрать, в отличие от тонировки, и двигаться без включенных фар.
6. Но самое главное, что при выезде в Россию эту плёнку легко снять и инспектора ВАИ не будут выносить мозг шоферам за наличие тонировки в армейской машине. Так и ездят военные грузовики и чудо-автомобили. Как будто в огромных солнечных очках.

Знаменитая русская смекалка никуда не делась за последние тридцать лет. Она просто ждала случая себя проявить.

Дождалась...

Находясь на освобождённых территориях, вынужден смотреть украинские ТВ-каналы. Очень интересно, познавательно и смешно. Нормальная такая пропаганда военного времени (оркинанаснапали, весьмирснами, мы красивые). Но... Если наша пропаганда направлена, в первую очередь, на население освобождённых территорий, то их пропаганда однозначно работает на население подконтрольных себе зон, а жители Запорожской, Херсонской, Харьковской областей, не говоря уже о ЛНР и ДНР, – это для хунты «отрезанный ломоть».

Вот пример. Тётяшка в ранге замминистра по банковским делам и прочей экономике рассказывает «маленьким украинцам», что на «оккупированных» территориях работает украинская банковская система, открыты всяческие «приватбанки», работают банковские карты и ими можно расплатиться, рубль не принимают в обращении и т. д. В общем, у них «все під контролем». Как человек, летом 2022 года побывавший в Николаевской, Херсонской, Запорожской, Донецкой и Луганской областях, могу с полным основанием заявить – бред по всем пунктам. Всё неправда. В реальности ничего киевского нет, приложения не работают, банки закрыты, карты не принимают, российские банки появляются повсеместно и т. д.

И вот как должен относиться к таким новостям гражданин Украины, живущий, например, в Мелитополе? Либо хунта не владеет информацией на местах, и тогда она не власть. Либо сознательно лжёт. Лжёт кому? Человеку, живущему здесь? Он и так всё знает. Нет, хунта работает по базе пока подконтрольных ей территорий. Успокаивает подконтрольное население. И наоборот, раздражает освобождённые территории. Видимо, в Киеве считают, что население, хотя бы месяц побывшее под крылом российской армии, становится нелояльным к хунте. Может, они и правы?

Иногда смотря укртелебачення, можно увидеть знакомые лица. Моя жена закончила иняз. Соответственно, и круг общения у семьи разноязычный. Вот такая история. 2010 год. День рождения одногруппницы моей жены. Классическая филфаковская пьянка. Присутствует куча девчонок из Мексики, Сербии, Германии, Британии и Канады и я. Девочка из Канады подбукнула и на слабом русском языке рассказала мне, как оказалась в России. Она из небогатой семьи, и канадское правительство оплачивает ей учёбу в России, практику и изучение русского языка в среде носителей. Полусхута спрашиваю её: «Что, готовите оккупационные кадры?»

Канадка резко протрезвела и больше в тот вечер не пила. Я из категории «муж подруги» перешёл в категорию «агент КГБ». 2022 год, Херсон. Смотрю передачу укртелебачення. Приехал какой-то канадский военный уговаривать украинцев поумирать ещё во славу Заокраинного Запада. И кого же я вижу у него за спиной в

качестве переводчицы и специалиста по аборигенам? Да-да! Девочка сделала карьеру и теперь отрабатывает вложенные в неё денежки. А ещё на той пьянке мы спорили про Путина. Мексиканки, немки, британки – все были специалисты по Путину. Они уверяли меня, что Путин тиран и слишком самостоятельный в международных делах. Не слушает западных гуру.

А я утверждал, что Путин 2010 года слишком далёк от русского народа, слишком европеец. И если уж такой Путин для вас «слишком», то что же будет, когда Путин вернётся домой. Фактически СВО – это долгая дорога домой...

Почти месяц не смотрел украинское телевидение и тут совершенно случайно включил телик в июле и... Удивился, мягко говоря. Поразила меня примитивность подачи. Кадры мигают одни за другим, без смысла и осознания. Орки, орки, орки, флаг Украины. Оккупанты, бомбёжки, преступный режим, герб-трызуб. Весь мир с нами, санкции, разделим Россию как пирог, все поют гимн. Затем духоподъёмная реклама. Затем фрики из Рады. Жирный упырь Стефанчук, так и не прекративший играть в КВН. И вновь духоподъёмная реклама. Всё до примитивности просто. Мы, Украина, хорошие европейцы, они отвратительные азиатские орды. Мы за прогресс и цивилизацию, они за мракобесие и насилие. Короче, методы НЛП, зомбирование и геббельсовщина.

После шла «комедь» про бункер Путина от «95-го квартала». И вот удивительное дело, несмотря на отлично подобранных актёров, хороший грим, профессиональную режиссуру – есть проблема. Не смешно. Совсем. Не смешной Шойгу, не смешной Лавров, не смешной Кадыров и совершенно не смешной Пригожин. Куда делся весь задор и талант «95-го квартала»? Или мне просто казалось, что это было смешно?

А ведь всё объясняется просто. Смешно – это когда смотришь на себя в кривое зеркало. Вроде бы ты, а вроде и не ты. Дети в зоопарке смеются у вольеров с обезьянами, потому что мы похожи. Но не смеются у аквариумов с осьминогами. Потому что осьминог – это не смешно. А сама концепция юмора, когда ты весь в ослепительно белом трико смотришь на осьминога и смеёшься, выглядит какой-то экзотической мозговой хворью. Если вы отказываете россиянам в праве быть людьми, даже если и не такими хорошими, как вы, то и смеяться здесь не получится. Нет здесь юмора. А есть страх. И желание заглушить этот страх натужным закадровым смехом, звуками дефекации, высмеивания мифических недостатков россиян.

Такое ощущение, что за первые полгода СВО украинское телевидение пробежало марафон с финишем в аду. Предлагаю интересный флэшмоб для всех жителей Украины. Не смотреть один месяц эту помойку, а затем выйти утром из дома, оглянуться по сторонам и решить, что делать дальше. Поверьте, ощущение незабываемое. Ясность в голове будет невероятная.

Глядя на наших сограждан, смотавших манатки из страны, на культурную элитку, отказывающуюся выступать под литерой Z, на олигархов и буржуев помельче, спонсирующих нацбаты, на затихарившихся и окаменевших в молчании депутатов, мэров, чиновников, начинаешь понимать, почему до 1943 года во Франции практически не было Resistance.

И в других европейских странах его до Сталинграда не было. Бегали по провансам всяким разными непонятные товарищи: испанские республиканцы, французские коммунисты, русские эмигранты и жизни свои спасали. А на них смотрели французские (и прочие европейские) обыватели и удивлялись: «Ну все же понятно. Чё вы дергаетесь-то? Германия победит. Россия проиграет. Это же очевидно. Надо постараться устроиться в новом мире поудобнее... А вы неудачники. Зря только народ баламутите, вас всех повесят. И поделом».

А вот после Сталинграда пресловутый Resistance расцвел в Европе бурным цветом. Всяк стал за Соппротивление.

Очень уж европейские товарищи любят быть на стороне победителей. Знаменитое чешское, словацкое, норвежское, датское, немецкое Сопротивление, кто же про них не слышал? Или румынский маневр: всю войну воевать за Гитлера, а по итогам войны оказаться в стане стран победителей нацизма.

История повторится, уверяю вас. Ждём «Сталинградской битвы»!

После неё певцы будут драться за возможность спеть на сцене под буквой Z, эмигранты начнут скучать по берёзкам и России, страну захлестнёт чиновничьим патриотизмом, а Петр Авен проспонсирует установку памятника донецким ополченцам в Латвии...

Эх и благодать настанет после войны. Жаль, не все доживут.

Частенько конфликт на Украине описывают как противостояние эльфов (украинцев) и орков (донецких, русских). Под это подводится даже идеологическая база. Расистская или цивилизационная.

Особенно этим грешат московские властители дум. «Посмотрите на лики украинцев и на рожи русни!» – кричат они. Мол, эталонные арийцы Запада в красивых камуфляжах, стройными рядами, с факелами в руках идут жечь расовосмешанный ордынский сброд в нелатаных пиксельных «комках». И в пример приводят марши националистов в Киеве, как антитезу интернациональному батальону «Пятнашка».

А ведь антитеза ложная. Национально-расовый состав войск с обеих сторон идентичный, вплоть до сотых процентов. И там и там воюют одни и те же люди.

Просто «киевские» работают в западном формате (голивудстайл – победа на экране важнее победы на поле боя), а донецкие чихать хотели на все эти гейские примочки вроде красивой картинки. Небритые, в обдерганном камуфляже они занимают города, один за другим, откуда бегут опрятные эльфы.

Разница в лицах, там на поле боя, не в расе, а в социальном составе воюющих. Ведь, по сути, это гражданская война.

Дети городской буржуазии, нуворишей 90-х, криминальных авторитетов, либеральной и националистической интеллигенции со стороны Киева.

И дети шахтёров, заводчан, инженеров, советской интеллигенции со стороны Донбасса.

Поэтому наша московская интеллигенция поддерживает «киевлян». Они им классово близки.

И поэтому база под конфликтом не расовая или националистическая, а социал-дарвинистская.

Сытые дети больших городов центра Украины и крепких западенских хуторов воюют против ограбленных ими детей из моногородков и шахтерских поселков.

Либералы прощают украинцам всё, даже то, за что нас они ненавидят.

А давайте попробуем относиться к украинцам так же, как к русским. Не хуже, но и не лучше. Той же мерой отсыплем. Давайте попробуем перенести на украинские реалии все те мифы, которые практикуются в среде укрупатриотов касательно России. Думаю, будет интересно и очень наглядно.

Украинцы – не русские? Тогда русины, гуцулы, лемки, бойки, верхованцы – не украинцы.

Донские казаки – не русские и должны иметь собственную государственность, Казакию. Тогда запорожские, черноморские, днестровские казаки – не украинцы и должны иметь собственную государственность, Сичь.

Россия – тюрьма народов, ничем не обусловленный конгломерат разных и зачастую враждебных племён. Одним словом, Орда. Тогда Украина – это насильственно связанные между собой и враждебные друг другу славянские и не очень племена под властью иноверцев. Тюрьма племён. Одним словом, Каганат.

Ну и так далее. Какую укропскую «дразнилку» ни возьми, всегда оказывается, что говорят они, конечно же, о себе. Это особенности характера, местный колорит, так сказать.

Кто как обзывается, тот сам так называется!

Общаясь с жителями Украины, я часто привожу им аналогию с американским континентом.

Вот есть великая держава – США. У неё есть два крупных соседа, Мексика и Канада, и ряд мелких соседей, Куба, Сальвадор и прочий Гондурас.

США – центр притяжения региона и никогда не допустит появления антиамериканских режимов ни в Канаде, ни в Мексике. Потому что это критически важно в плане безопасности. Янки могут допустить антиамериканскую Кубу или Венесуэлу, потому что это не существенно, но не Мексику. И сколько бы мексиканцы ни кричали про проклятых моска... то есть гринго, иностранных баз на территории Мексики не будет до тех пор, пока существуют США. Такова жизнь.

Самостийны и незалежны ли Мексика и Канада? До определённой степени да. Но именно до определённой степени. И не более. Поэтому антирусскую Грузию мы можем терпеть какое-то время, но антирусскую Украину – никогда.

Спрашиваю у украинцев: «Вы хотите, чтобы война закончилась завтра? Сегодня к вечеру совершите народное восстание и скиньте хунту. Утром начните переговоры. К обеду подпишем перемирие!»

Россия не хочет захватывать Украину. Это накладно. Придётся вас всех кормить, поить, одевать, выслушивать ваши заунывные, как песнь чумаков, жалобы.

Разговоры о захвате всей Украины не более чем приглашение к переговорам о статусе и границах.

В отличие от Запада, Россия щедро предоставляет Украине несколько вариантов будущего. На выбор, так сказать.

Стать Канадой – большим пророссийским государством с русским языком в качестве равноправного с украинским, экономикой, завязанной на Россию, высоким уровнем жизни и отсутствием армии.

Стать Мексикой – относительно небольшой страной за минусом Техаса и Калифорнии (Донбасса и Крыма). Со своими языковыми и культурными вывихами и вечным договором о мире с Россией.

Стать Техасом, Калифорнией, Луизианой и Невадой, то есть войти по частям в Россию.

И да, если бы в Карпатах были значительные залежи нефти, то Галиция могла бы стать Венесуэлой.

Но не срослось. Бодливой корове бог рогов не даёт.

После трёх месяцев СВО я был готов дать определение происходящего на Украине и в России с исторической точки зрения.

Это называется РЕКОНКИСТА, то есть долгосрочный процесс отвоевания своих земель у захвативших их иноязычных иноверцев и инкорпорации в своё общество людей, находившихся под долгосрочной оккупацией.

Все как в Испании в VIII-XV веках. Мавры сначала захватили Пиренейский полуостров, включив местную элиту в свою правящую верхушку, а затем ассимилировали часть населения и закрепились на этих территориях, как им казалось, навсегда. К X веку даже самые патриотичные андалузцы перестали рассматривать владычество мавров как оккупацию. Как тяжёлое бремя и несправедливый режим – да. Как оккупацию – нет. Такова сила привычки. И только приход «северян» из Кастилии и Арагона всколыхнул национальные чувства и позволил местному населению «снова стать» испанцами.

Так что ребята из ДНР и ЛНР – это наши конкистадоры в панцире железном, а генерал-майор Кутузов с позывным «Туман», погибший на окраинах Попасной, – это наш Сид Кампеадор.

Наш народ, конечно же, сможет написать свой эпос, свою «Песню о Сиде». Генерал «Туман» заслуживает народного эпоса.

Слава русской Реконкисте!

Реконкиста – это наша стратегия. Ну а тактика наша на лето 2022 года была весьма экзотична.

Киевский режим мріял о партизанской войне на Украине. И таки будете смеяться, она началась. Но совсем не так, как укропам хотелось.

Дело в том, что с точки зрения военной науки СВО – это классическая герилья или мятеж-война. Непонятно? Сейчас объясню.

Был такой специалист по партизанской войне Эрнесто Че Гевара, который сформулировал идеологию «фокизма», то есть создание очага сопротивления для расшатывания ситуации и начала полномасштабной народной войны.

Товарищ Гевара сформулировал три составляющие «фокизма»:

1. Народные силы могут победить в войне против регулярной армии.
2. Не всегда нужно ждать, пока созреют все условия для революции, повстанческий центр может сам их создать.
3. В слаборазвитых странах (например, Украине) вооружённую борьбу нужно вести главным образом в сельской местности.

Иными словами, немногочисленные силы СВО, многократно уступающие по численности ВСУ, являются, с военной точки зрения, всего лишь повстанческим центром и ведут деятельность по созданию условий для антинацистской революции на Украине.

Именно в силу этого и не берутся крупные города, а война ведётся в первую очередь в сельской местности (Херсонская и Николаевская области, например) и в небольших городах (Донбасс и Запорожье).

Именно в силу специфики мятеж-войны и не прерываются окончательно пути доставки из Европы и Америки вооружения и амуниции. Так как противник и есть основной поставщик припасов для партизан, помимо базы в лице России и ДНР/ЛНР.

Кроме того, война, очевидно, ведётся там, где существует масштабная социальная база поддержки наших войск, что так же один из признаков партизанской войны. Так же как и мобильность и анонимность войск (позывные солдат и балаклавы – это несомненные маркеры партизанской войны).

Фактически действия русской армии являются пропагандистской работой по демонстрации несостоятельности и антинародности режима киевской хунты, с одной стороны, и действиями по разрушению экономической базы нацистского

режима, с другой.

Косвенным подтверждением данных размышлений являются и сегодняшние призывы укронацистов к отключению занятых русскими войсками территорий от инфраструктуры Украины, от социальных обязательств, от информационного поля. Ведь это затраты, которые партизаны всегда перекадывают на государство, с которым борются. Перекадывая их на партизан, бандеровская верхушка пытается замедлить свой крах, аккумулировать эти ресурсы для защиты оставшейся под их контролем территории.

Можно только поздравить наш генералитет с удивительной военной находкой. История знала немало партизанских движений, ведущих себя как армия (например, FARC-EP в Колумбии), но армия, ведущая себя как партизаны, – это абсолютное русское ноу-хау.

Можно предположить, что следующим шагами на Украине, станут саботаж на путях сообщения, расшатывание экономической ситуации, мобилизация местного населения в отряды самообороны и призыв добровольцев в русскую армию.

Возможно, работа с городским населением по подготовке антинацистских выступлений под политическими и экономическими лозунгами.

Партизанская война XXI века высокотехнологична и внешне не похожа на то, что мы видели на Украине во время Великой Отечественной или в Латинской Америке времен Че Гевары.

Но это именно она.

Кстати, собственно Украину мы действительно победили за три недели.

Говоришь людям, что мы воюем не с Украиной, а с гораздо большей системой. Хмыкают, не верят.

Ну хорошо, НАТО ещё не воюет с нами напрямую (хотя активным тылом уже является). Но после боев под Харьковом и на Херсонском направлении количество пленных поляков и прибалтов должно навести на некоторые размышления.

На данном этапе «Большой войны» мы воюем с новой реинкарнацией *RechiPospolitoi*.

Мы воюем со знакомым нам врагом, с ляхами. Как в XVII веке.

Это, кстати, неплохо с пропагандистской точки зрения. Наконец мы сможем очистить термин «украинец» от клейма «враг». Ведь если мы воюем с ляхами/ поляками, то те, кто им помогает, – это «подляхи»/«подляки».

Соответственно, та часть Украины, что находится под контролем ляхов, – это Подляхия.

А когда порвём Речь Посполитую, вернемся к вопросу НАТО.

Помните мультик про Шрека, Румпельштильцхена и украденный день? Там был персонаж Гамельнский Крысолов, худой мрачный тип с невнятным лицом, играющий на волшебной флейте. При ее звуках огры теряли волю, начинали танцевать, и музыкант уводил их в плен. Парафраз старинного немецкого предания о похищении детей...

...Переезжая через «ленточку» (границу РФ и бывшей Украины), остановился на таможне. Июнь 2022-го. Был уже вечер, был уже ветер. На Херсонщине по вечерам дует. Протяжно тянет с близкого моря водорослями и турецкими специями. День выдался тяжёлый. Рано встали, около трёх утра. Много ездили, развозя гуманитарку по постам донецких резервистов и городкам херсонских «уклонистов». Много видели. Горе, разруху, нищету, гордость и отвагу, смерть и

унижение, красоту и подлость – жизнь, короче. Напряжение и душевный подъём, сопровождающий тебя «там», при возвращении «сюда» обваливается, как старая штукатурка. Остается только усталость.

Устало взглянул на подошедшего таможенника. Он, видимо, всё понял и сказал, замявшись: «Какая у вас тяжелая работа. Я бы никогда не согласился бы ехать туда...»

Кивнул ему благодарно. А сам подумал: «Эх, если бы ты знал, что мы это делаем бесплатно. А некоторые ещё и приплачивают». Но вслух этого не сказал. Образ бывшего мужика не позволяет. Да, образ. А ведь мне сорок лет. У меня семья. У меня дети. У меня дача в Подмоскowie, в конце концов.

Что мне до этих степей? Что мне до этих людей? Ну, не привезу я завтра тушёнку, привезёт кто-нибудь другой. Не останутся голодными. Или останутся? И привезёт ли кто-то другой? Не уверен. Но почему я? Человек сугубо мирной профессии, не дальнoбой и не военный. Не знаю. Где молодые парни по двадцать лет? Негодные к строевой или имеющие судимость? Где они? Почему как муравьи не облепляют коробки и не раздают голодным и нуждающимся людям? Где там этот неистовый стройотряд волонтеров?

А их нет! Половина из них не родилась в 90-е, а остальных увёл за собой Гамельнский Крысолов. Увёл подальше от человеческого горя, от сострадания к людям, от сочувствия и желания помочь ближнему. Увёл от жизни. И спрятал в пещерах равнодушия. Так и вижу, как они танцуют в пещерах под волшебную флейту, и музыка из «Шрека» в их ушах. Да и ну их к бисовой маме.

Это война тех, кому за сорок. Тех, кто родился в семидесятые-восьмидесятые. Сверстники воюют и сверстники волонтерят. Мы сделаем эту войну. Наши отцы просрали страну и разбазарили наше наследство. Наши дети спрятались в тик-ток-пещерки. Но мы все ещё живы и полны сил. И мы сделаем то, что требует от нас история.

Или вот пример людей Новороссии, местных, людей, которые свою русскость ценят больше, чем московский менеджер среднего звена. Скадовск. Город Солнца. Идеальный образец советских достижений в южной культурной столице русского мира.

Въезжая в город Скадовск Херсонской области, мы не подозревали, что попадём в удивительное место. Всё было как всегда. Маленький пыльный городок юга Украины, редакционное задание – осветить встречу ВГА с населением города.

Миновав блокпосты, выкатываемся на центральную площадь и замираем от неожиданности. Площадь запружена людьми. Женщины, дети, пожилые люди, взрослые и молодые мужчины и даже подростки. Все они, образовав огромную человеческую подкову, слушают миниатюрную женщину, говорящую в микрофон. Над толпой летит великолепно поставленный голос, который одинаково убедительно и сильно говорит и о насущных проблемах города, и об истории Новороссии, и о философском наполнении сегодняшнего дня.

Выступает заместитель главы ВГА Скадовска Татьяна Леонидовна Калиновская. Человек в городе не просто известный, а знаменитый. Актриса, педагог с многолетним стажем, сценарист, режиссёр-постановщик и просто человек высокой культуры. Нет в городе ребёнка, с которым бы не занималась Татьяна Калиновская. Нет в городе семьи, где бы не были благодарны Татьяне Леонидовне.

Митинг плавно перешёл в формат «вопрос-ответ». Жители задают вопросы, и ВГА держит перед народом ответ. А тем для обсуждения очень много. Цены на бензин и продукты. Транспорт. Образование и детские сады. Вхождение в Россию и рублёвую зону. Борьба с мародёрством и рождение народной милиции. Банки и торговля. И многое другое. На все эти животрепещущие вопросы спокойно и с достоинством отвечает человек, болеющий душой за город и его жителей.

Я видел множество людей, выстраивающих новую власть на освобождённых территориях. Чаще всего это местные элиты, отодвинутые от власти в результате Майдана. Или хмурые местные мужики, не желающие жить и растить детей при произволе и анархии. Ещё это бывают люди, желающие сохранить свои активы в резко изменённых реалиях.

Но ВГА Скадовска – это нечто, выходящее из ряда вон. Больше всего мне всё, что я увидел в Скадовске, напомнило Город Солнца Томмазо Кампанеллы. Вся команда ВГА – это идеальный образец советских достижений: воины, преподаватели, работники культуры и представители естественно-научной интеллигенции. НИИ, театр, школа, армия – вот лицо ВГА Скадовска. Не перекусившиеся барыги, не политические проститутки. Нет, это соль земли русской.

Та интеллигенция, о которой мы так давно мечтали в центральной России и которая, оказывается, жила в подполье на окраинах Руси. Люди эти всей душой ждали возвращения России, задыхаясь в тисках бандеризированного социума. На заседаниях они называют друг друга вновь входящим в обиход словом «товарищ». И это отражает их взаимоотношения и мировоззрение. В кабинете главы Скадовска выставлены три флага – Скадовска, России и флаг Победы.

Недаром на митинг и «Бессмертный полк» 9 Мая вышли тысяча триста человек. Колоссальная цифра для такого небольшого городка, где из населения осталось не больше двенадцати тысяч. Эти люди поверили России и хотят строить новую страну. Идеальную Россию, в которую будет входить и Скадовск, и Херсон, и Одесса, и все, кто этого пожелает.

На сегодняшний день Скадовск по факту превратился в южную культурную столицу русского мира. Это место, которое порождает смыслы и идеи. Это место, где энтузиазм сочетается с житейским опытом и высокой культурной планкой управленцев.

Хотите посмотреть, как выглядят настоящие русские интеллигенты, радеющие за народ и любящие Россию?

Приезжайте в Город Солнца, Скадовск!

Если меня разбудить среди ночи и задать вопросы – какая территория бывшей Украины наиболее дебандеризирована? Где русский дух силён как нигде? Где работают грамотные и патриотично настроенные люди? Где понимают важность работы с населением? Я, не задумываясь, отвечу – Запорожская земля. Благословенное Приазовье, Мелитополь и окрестности.

Здесь, в отличие от Херсонской области, уже с лета 2022-го работают заправки, а цена на топливо очень близка к среднероссийской. Здесь в ходу рубль, а гривна скоро будет меняться по курсу 1 к 1. Здесь на каждом шагу видна работа хорошего историка-краеведа, знатока местной земли – плакаты прославляют русское прошлое, настоящее и будущее Мелитополя. Императрицы и императоры соседствуют на плакатах с советскими героями.

Подобный синтез, союз двух империй, мне откровенно греет душу. Судоплатов и Петр I сошлись вместе, чтобы защитить русских на русской земле. Екатерина II и Людмила Павличенко вместе защищают русские церкви и русский язык. На главных площадях подняты русские флаги и звучит русский гимн. Горит главный символ русского присутствия – Вечный огонь.

Нацистские и сомнительные символы бывшей Украины удаляются нещадно. И наоборот, памятники единства северных и южных русичей холят и лелеют. Отремонтировали памятник Богдану Хмельницкому, а у памятника Горькому всегда свежие цветы.

В городе идеальный порядок. Работают все коммунальные службы. Мусор вывозится, ремонт проводится, улицы моются. Сотрудники получают зарплаты, и, конечно же, платят им в рублях.

Отлично работает полиция. Наводит порядок. По-настоящему, а не как при Украине борется с наркомафией и тоталитарными сектами. Раньше наркобарыгам и сектантам откровенно попустительствовала украинская полиция. Новая полиция работает с обращениями граждан по бытовой и организованной преступности. Выявляет киевских диверсантов и нацистское подполье. Производит приём от населения бесконтрольного вооружения. Причем, всё это – новая полиция делает с таким тактом и умением, что местные жители невольно шутят про вежливого человека в форме, русского великана, дядю Стёпу. Это действительно удивительно. Русская полиция Мелитополя – это вежливые люди 2.0.

Почему так? Почему, например, в Херсоне всё иначе? Здесь сошлись несколько факторов.

Во-первых, это просто сама по себе изначально русская земля с живущими здесь русскими людьми. Здесь не пахнет укропом, здесь пахнет знаменитой мелитопольской черешней. Запорожье – промышленная земля, в отличие от Херсонщины, а значит, живут здесь русскоязычные и русскокультурные люди. Так как высшую математику и физику на украинском преподавать еще не научились, так же как и сопромат и прочие москальские выдумки, вырваться не смогла отформатировать мозги мелитопольцев. Долгое время это был так называемый розовый пояс Украины. Здесь голосовали за Компартию, КПУ (до 30 % стабильно). КПУ на Украине, как и КПРФ в России, – это ведь не партия, это организация, хранящая традицию совместного проживания русских и других этносов в едином государстве. Имперское и советское эхо...

Во-вторых, близость к Донбассу, экономические связи с Донецком, диффузия населения тоже немаловажный момент в возвращении региона к Русскому миру. В 2014 году запорожские дальнбойщики «случайно» завозили фуры с едой и припасами на территории, неподконтрольные Киеву, и отдавали ополченцам. Явление приняло настолько массовый характер, что фуры в восточном направлении просто перестали отправлять.

Ну и, в-третьих, по порядку, но не по значению – это, конечно же, люди. Люди, управляющие процессом. В отличие от Херсона, где «рулят бывшие», отодвинутые Майданом от власти лица из местного политикума, в Мелитополе пошли иным путём. Видимо, в Кремле решили провести эксперимент и в разных регионах денацификацию проводят по-разному. В Мелитополе решения принимают тоже граждане Украины, только не из «бывших». Нет, это люди, своей жизнью доказавшие свою преданность России.

Бывшие ополченцы Донбасса, уроженцы этих мест стали силовым блоком военно-гражданской администрации. Русские активисты из ещё не освобождённого Запорожья возглавили информационную и просветительскую работу с населением.

Экономисты, знающие местную промышленную специфику, работают над присоединением региона и его хозяйства к большой России. Отсюда и результат, отличный от других освобождённых территорий.

Для меня лицом русского Запорожья, конечно же, стал Алексей Селиванов, замначальника ГУ МВД по Запорожской области России. Человек, наводящий русский порядок на русской земле. Идеологически мне он, конечно, чужд. Он упоротый белогвардеец и монархист. Но как человек мне откровенно симпатичен. Стильный, подтянутый, ловкий мужик, одетый в комплект военной и гражданской одежды. Он сидит в своём кабинете на фоне русского имперского флага. Все это очень органично смотрится в русском городе Мелитополе. Мы родились с ним в один год с разницей в один день. И судьбы у нас очень похожи. Мы типичные сорокалетние мужики, у которых в детстве украли что-то важное и которые требуют реванша. Он киевлянин, потерял в 1991 году большую Родину и в 2014-м свою малую родину, Киев. За свою русскость подвергался нападкам со стороны украинских националистов. Прямо в центре родного города был жестоко избит, следствие в постмайданной «дэржаве» проводить никто, конечно же, не стал.

Селиванов уехал воевать на Донбасс. Воспринимал эту войну как способ для возвращения домой, как долгий путь к Киеву. Сегодня в Мелитополе он близок к дому, как никогда за последние восемь лет. И все же путь ещё не закончен. Он придёт в Киев очень скоро. Потому что это русский город, мать городов русских. А мы должны ему помочь в этом. Большого он от Большой России и не требует. Остальное он и такие, как он, сделают сами.

Из Москвы незаметно, но русские войска, русская ВГА на освобождённых территориях, русская администрация вообще перенасыщены уроженцами Юго-Западной Руси. Причём как с красными паспортами РФ, так и с синими паспортам бывшей Украины. Великороссы здесь лишь помогают малороссам освободиться от проказы европейской схизмы под названием «украинский национализм». И наша русская Украина, Малороссия, наша Юго-Западная Русь, так победит!

Нашей задачей в Новороссии стала нормализация ситуации и расширение русского присутствия. Мы решили начать с логистики.

Привязать Новороссию к Большой России. Наш путь «Из татар в казаки», то есть из Крыма на Донетчину напрямик по суше, начинался как обычная журналистская авантюра...

К июню 2022-го Черноморский коридор был анонсирован Министерством обороны РФ как теоретическая возможность, но на практике эта возможность никем подтверждена не была. Ни точной информации о происходящем на этих территориях, ни свидетельств очевидцев до исхода весны не имелось. Часть киевских нацистов, зачастую российского происхождения, постила угрозы о заминированных полях и нескончаемых укродРГ, ошивающихся по обочинам дорог в освобождённом от бандеровцев Приазовье. Однако здоровый дух русской реконкиты подул в паруса нашего «микрорепелаца» немецкой сборки. Маршрут был прост до безобразия: Севастополь – Симферополь – Армянск – Скадовск (Херсонская область) – Херсон – Мелитополь (Запорожская область) – Приморск – Бердянск – Мариуполь – Донецк.

Выехали из Севастополя, захватив, чтобы не ехать порожними, гуманитарную помощь и политического активиста из Запорожской области. И гуманитарная помощь, и активист Вадим едут с нами как факультатив – это наш вклад в дебандеризацию Новороссии. Основная наша цель – доказать безопасность и удобство сухопутного коридора при движении из Крыма в Москву и обратно.

Выдвинулись в сторону Армянска. По пути видим колонны всякой киберпанковской техники с литерами Z на бортах. О назначении этих сверхмашин невозможно даже догадаться по их внешнему виду. Заправились на гостеприимной татарской заправке. Сказали всем «салам» и поехали дальше. Границу пролетели, как птицы, легко и непринуждённо. Въезжаем в Херсонскую область России, двигаемся в сторону города Скадовска.

Скадовск городок вроде бы небольшой, курортный, тихий. Но жители города задрали себе высокую планку дебандеризации. На улицах нашему автомобилю машут руками дети и посылают воздушные поцелуи южные красавицы. Скадовск включился в негласное соревнование с другими городами Херсонской области и даже с самим Херсоном. Кто первым подымет в центре города российский флаг? Кто первым зажжёт Вечный огонь в городе? (При укропах их сознательно тушили.) Кто первым откроет банк, полицию, детские секции, рынок, биржу и т. д. По многим параметрам Скадовск сегодня первый, обгоняет даже Херсон.

Здесь, в Скадовске, у нас живут друзья, мы желанные гости. Разгрузив часть гуманитарки и пообщавшись с местным главой, уже за полночь легли спать. Наша экспедиция – ещё одно связующее звено между этой землёй и Россией. Долгие годы киевский режим вполне осознанно разрушал социальные связи между русскими людьми по обе стороны границы. Теперь границы нет! И диффузия людей огромна. Например, один из журналистов, которого мы завели в Херсонскую область в начале марта, познакомился с местной дивчиной и не устоял против её

чар. Свадьба назначена на 1 июля 2022 года, мы официально на неё приглашены.

Рано утром выезжаем в Херсон. По дороге бросается в глаза мало блокпостов и много мирной жизни. Территории к югу от Херсона вполне примирённые. Люди здесь живут обычной мирной жизнью. Выращивают овощи и фрукты, продают их и неплохо зарабатывают. В Херсоне любимы многочисленными баннерами из серии «Херсон город с русской историей». Это такой эвфемизм, заменяющий слоган «Херсон – русский город». На баннерах изображены Афанасий Фет, Денис Давыдов, Пушкин, Потёмкин, Петр I и другие знаковые фигуры, связанные с этим южным городом.

Кое-где на окраине укровандалы пытаются закидывать эти баннеры грязью. Видимо, не согласны с общим посылом про русскость истории этого города. Но облитый грязью Афанасий Фет (служил кирасиром под Херсоном) или режиссёр Сергей Бондарчук (уроженец Херсонщины, автор культовых фильмов «Судьба человека», «Война и мир») – просто еще одно подтверждение русской души города и дикости укропитяков. Местные жители так и говорят: «Чем больше они беснуются и истерят, тем понятнее, что они – это не мы. Потому что херсонцы – спокойные люди, не дикари».

И это очень верно. Флегматичное мирозерцание – вот кредо коренного херсонца. Особенно это заметно в очередях и на городских лавочках. Херсонец словно бы вырастает в действительность, усаживаясь на скамейку в парке или спрашивая, кто крайний в очереди. Он широко раскрывает удивлённые глаза и начинает прислушиваться. То ли к себе и своему внутреннему голосу, то ли к трёпу соседей по очереди, то ли к детворе, резвящейся в парках.

В одной из таких очередей мы купили сим-карту новой местной связи. Белоснежная карточка, без принта и с кодом 990 даёт возможность пользоваться мобильным интернетом и вполне устойчивой сетью. Мы в шутку назвали эту связь «Тариф Безбандерище», по аналогии с известным российским тарифом. Продавец просял и начал рекламировать свои «симки» именно под таким названием.

Двигаемся дальше на восток. Ползём по ужасным дорогам юга Украины в сторону Запорожской области. Видно, что укрогосударство не вкладывало сюда денег. Незачем. Где-то глубоко в душе киевские политики знали, что пользуются чужим. Что они сквоттеры, занявшие чужие дома, пока хозяин находится в отъезде. Сквоттер не делает ремонта, не следит за состоянием жилища. Сквоттер топит камин стульями и разбирает на дрова дорогой дубовый паркет. Ведь в любой момент может вернуться хозяин и вышвырнет самосёла. Ну вот и дождались!

Вкатываемся в Запорожскую область – и климат вдруг как по волшебству меняется. Земля и травы на ней становятся строже. Небо хмурится. Но дождя нет, и не предвидится. Просто из аграрного региона мы въезжаем на землю казаков и механизаторов. Запорожье отличается от Херсонщины, как старослужащий отличается от призывника. Здесь всё чётко и продуманно. Работают автозаправки с ценой на топливо, просто смешной для Херсона. Без проблем принимают рубли и сдачу дают в них же, что для Херсона в новинку...

На въезде в город Мелитополь блокпост с этническим окрасом. На посту стоят черкесы. Местные их путают с чеченцами и рассматривают с поистине южной непосредственностью. Пообщавшись с братьями-черкесами, выезжаем в Мелитополь. Всюду портреты местной гордости, мелитопольского уроженца Павла Судоплатова с надписью: «Он умел разговаривать с нацистами». Кстати, одну из улиц города уже переименовали в честь Судоплатова и планируют поставить ему памятник.

В Мелитополе мы встретили 12 июня 2022 года, День России и русских людей. Это сочетание вызывает эйфорию. При поднятии в центре города российского флага люди плакали и обнимались. Запорожье – это промышленная земля малых городов, и потому здесь живут русские люди, даже если их фамилия Забейворота или Непейвода. Поговорили с местными активистами насчет украинизации, и они

выдвинули тезис «о ложной украинизации». Под давлением государства и коммерческих бонусов от укропатриотизма часть чиновничества начинает играть в «украинство», но как только это давление спадает, чиновничество и правящий слой спокойно перепрыгивают в противоположный окоп или бегут, а основную массу населения украинизация только раздражает. Поэтому дебандеризация воспринимается в Запорожской области как социальная революция.

А мы двигаемся дальше в сторону границы с бывшей Донецкой областью, до весны 2022-го подконтрольной Украине. Это ещё не ДНР, но скоро ею станет. На границе стоят ребята с Макеевки. Мы назвали их пограничниками и поздравили с Днём России. Рассказав о нашей поездке, спросили их мнение про ситуацию. Оказалось, что они не воспринимают себя как пограничников, так как на западе ещё не мало русской земли, которую нужно освободить. «Вот дойдём до Днестра и там станем пограничниками» - говорят они. «А можно до Прута?», - с надеждой спрашиваю я, как уроженец междуречья Прута и Днестра. «Посмотрим на „их“ поведение», - по-отцовски, ласково, говорит донецкий мужик с калашом за спиной. И хитро, по-южански улыбается.

Мчимся в сторону Мариуполя, два часа - и мы в аду. Разрушение инфраструктуры повальное. Запах гари и гниющей органики перебивает свежесть Азовского моря. Но люди живут. Чисто и опрятно одеты. Перемещаются по захламлённым улицам так, словно не видят кучи битого бетона и осколков стекла. На перекрёстке стоит молодая парочка и целуется. Столь искренних чувств и восторженных влюблённых глаз не видела ещё земля. Он подхватил её на руки и закружил в месиве из роз, металлолома и разрушенных зданий. Невольно остановились полюбоваться этим зрелищем. Оглянувшись, замечаем, что смотрят и улыбаются все вокруг. Эта девчонка и парень сделали для Мариуполя больше, чем все чиновники мира, вместе взятые. Они дали городу план на жизнь. Любить, растить детей, смотреть, как солнце по вечерам уходит в море...

[Глава 10. Война и мир: Мариуполь, Донецк, фронт]

Если есть на земле вход в ад, то он точно находится где-то на окраинах «Азовстали» в городе Мариуполе. Принадлежность к inferно не покидает этот город даже после сдачи полка «Азов» и «похорон демонів».

Разрушения страшные. За каждый многоквартирный дом был полноценный бой, за каждую мазанку – настоящее сражение. Чёрные горелые остовы девятиэтажек, пустые оконные проёмы, оборванные провода и посечённый прилётами асфальт. Всё это выглядит жутко. Но ещё более жутко смотрятся на фоне этих декораций войны мирные люди. Хорошо и опрятно одетые старушки, девушки в топиках и мини-юбках, женщины с детьми, мужчины в сетчатых майках. Все они как будто бы здесь, а как будто бы и нет. Они существуют параллельно в двух измерениях. В этом разрушенном месиве из огня, дыма и бетонных ошметков и где-то там, в городе, где пахло морем и розами. Сейчас в городе нестерпимо воняет разлагающейся органикой. Во дворах огромные зелёные мухи хозяйничают на кучах разнообразного мусора. Жара под сорок градусов и горящий уже месяц мусорный полигон, полный дыма, довершают адский пейзаж.

Люди Мариуполя испытали тяжелейший шок, и это видно. Они несут своё бремя человеческого достоинства с каким-то поистине царским величием. Охотно общаются с нами, журналистами, дают интервью, рассказывают об «азовцах» и периоде их «правления», но не разрешают себя фотографировать или снимать на камеру. Они не хотят принимать гостей в неубранном доме, в городе, где не наведён ещё порядок, где разрушения так велики, что опускаются руки. Да возможно ли это восстановить?

А между тем восстановление уже началось. По обочинам улиц собирают в кучи бетонно-стеклянное крошево, его надо вывезти из города. Там и тут грузовозы разгружают бетонные капсулы «квартир» для реанимации разрушенных многоэтажек. Работают три школы, и дети оканчивают свой учебный год. По городу курсирует общественный транспорт, его ожидают на полуразрушенных автобусных остановках, кое-где появляется электричество, налаживается мелкая торговля.

Возле печально знаменитого Мариупольского драматического театра раздают «блага цивилизации». Здесь можно набрать питьевую воду, подзарядить мобильник, написать письмо с просьбой о поиске родных, посмотреть мобильный телевизор на колёсах. Это место встречи, здесь эти оглушенные войной люди могут услышать друг друга.

Они задают друг другу один и тот же вопрос: «И что дальше?» Старой жизни уже нет и никогда уже не будет. Новую жизнь предстоит строить. А как? Каков план?

Мариупольцы ждут конкретики и понимания своего будущего. Необходимы публичные и очень внятные слова и дела. Надеюсь, власти города и Донецкой Республики это понимают.

Вообще люди в Мариуполе сегодня двух разных цветов. Одни синюшно-белые, как подснежники, другие загорелые до черноты. Первые просидели в подвалах три месяца, и теперь даже жаркое азовское солнце не даёт им загара. Загорелые – это те храбрецы, которые, несмотря ни на что, обеспечивали город водой, едой, электроэнергией, связью, жизнью.

Война обнажила все лучшие и худшие качества людей. Например, жительница Мариуполя Александра спасла и сохранила в эти страшные дни и своих домашних питомцев, и домашних животных соседей. Теперь у нее восемь собак «подвальной» породы. Как прокормила их, себя и дочь? Помогали люди, солдатики отдавали свой паёк, волонтеры пол пулями развозили еду, соседи помогали друг другу. И в то же время находились выродки, приезжавшие в Мариуполь помародёрить и просто «полюбопытствовать», наблюдая человеческие трагедии.

Единственное место, где в этом городе летом 2022-го можно дышать без спазмов в желудке, это пляж. Здесь запах моря перебивает смрад разложения и гари. На пляже много людей. Дети резвятся в воде, смеясь и вереща, как стайка обезьянок. Мариупольские красавицы (а женщины здесь поистине прекрасны) загорают на расстеленных покрывалах в изящной неге. Мужчины слушают шансон и обсуждают дела. Благородные, пенсионного вида старики рыбачат, а их жены вяжут носки в тени южных экзотических деревьев. Вода тёплая, как слеза ребенка, и так же солёна.

Именно отсюда, от азовских волн, с места, где можно дышать полной грудью и где смываются все грехи человеческие, и начнётся настоящее восстановление города. Портал в ад будет закрыт, и в Мариуполе снова будет пахнуть морем и розами...

Прощаемся с многострадальной, наполненной металлом и смертью землёй Мариуполя, выдвигаемся в сторону Донецка. Три часа – и мы на месте. Донецк встречает нас широченными проспектами, которые здесь называют авеню, розами, зеленью и укропскими артобстрелами...

13 июня 2022 года в Донецке запомнят навсегда. Это был день самого массового и самого бессмысленного обстрела города за всю войну. Стреляли по чему попало. Больницы, роддома, гаражные кооперативы, магазины, скверы. Складывалось ощущение, что просто хунта дала приказ вычистить все склады и освободить всю смерть из ящиков со снарядами и ракетами. Начиная с 10 утра и до 9 вечера ВСУ утюжили Донецк. Очень хорошо работала наша ПВО, но все же часть дронов-камикадзе, «Ураганов», «Градов» и «Точек У» долетела до назначения. Пострадали и военные объекты. Мимо них проходят горожане и удивляются: «Ну надо же, сколько лупили и наконец попали по военному объекту. Не иначе как случайно».

А наша цель на начало лета, первого лета СВО, выполнена: мы проехали из одной свободной части России в другую свободную часть России по части России уже свободной, но ещё не до конца замиренной, тем самым доказав, что Минобороны слов на ветер не бросает, а киевские нацисты информацией о ситуации на освобождённых территориях, мягко говоря, не владеют.

По доброй русской традиции встречаем вечер на кухне, обсуждая планы на завтра и со смехом читая в украинском чате рассуждения московских, киевских и берлинских дебилов о том, что это донецкие сами себя обстреливают для того, чтобы «агрить» население и затянуть войну... Наш смех заглушают разрывы украинских прилётов и русской ПВО.

Завтра едем в Северодонецк, бывшую временную столицу подконтрольной Украине части Луганской области. Там до сих пор идут бои и мирные люди нуждаются в нашей помощи.

Ранним утром выдвигаемся из Донецка в сторону Луганска. Город провожает нас седой дымкой после вчерашних укробомбардировок и ранними дворниками, поливающими розы. Война войной, но цветы и клумбы поливать необходимо. Здесь юг, здесь жарко, здесь +35. До Луганска сто шестьдесят километров, а выезжаем мы в пять утра. Почему? Здесь расстояния меряют не в километрах, а в часах. Дороги слишком близко расположены к линии фронта, и поэтому отремонтировать их не имеет смысла. Только отремонтируешь, их разбомбят.

Предательский навигатор ведёт нас в Луганск через Дебальцево и Лисичанск, каждый раз недовольным женским голосом перестраивая маршрут, которого мы не придерживаемся. Трасса, по которой ведёт навигатор, простреливается, а Лисичанск вообще пока не взят. Видимо, навигатор – укроп, решаем мы, а голос, указывающий дорогу, называем теперь не Алисой, а Олесей.

Как нормальные герои, мы едем в обход, через Красный Луч и Лутугино. По дороге завозим в Антрацит местную жительницу и, получив её благословение на добрый путь, к девяти часам вкатываемся в Луганск. Дорога заняла четыре часа, средняя скорость движения сорок километров в час.

У танка Т-34 с флагом ЛНР встречаем нашего товарища с позывным «Араб». Он стильно подкатил на белом патфайндере с российскими номерами, очень резко выделяясь на фоне отечественного автопрома с луганскими номерами, заполонившими дороги Луганщины. Едем грузиться. В мой шайтанмобиль и «арабский» элитный транспорт влезло почти две тонны груза: вода, консервы, памперсы, лекарства и письма для бойцов от детей Подмоскovie.

Перегруженные двигаемся к блокпосту на трассе в сторону Новоайдара. «Араб» не умеет ездить по правилам, даже с грузом в шестьсот кг носится как безумный. Стараемся не отставать. Получается.

На КПП рядом со мной в качестве проводника садится ополч лет пятидесяти. Сразу видно, бывалый человек, по всем приметам воюет давно (снаряга подобрана чётко и грамотно). Разговорились... Воюет с 2014 года. Сам местный, луганский. Работал на скорой пятнадцать лет водителем и вторым фельдшером. Бывшего гражданского медика в нем выдают большая аптечка размером с порядочный рюкзак и медицинский зажим в кармане поношенной разгрузки.

Поговорили ещё, и оказалось, что это сам Дмитрий Митрофанов!

Вы не знаете, кто это? А фильм «Солнцепёк» смотрели? Дмитрий Митрофанов прототип Владислава Новожилова, героя фильма, водителя скорой, вывозящего семью из зоны боевых действий. Мало того, Дмитрий автор повести «Жаркое лето 14-го», по которой, собственно, и был снят этот фильм. Повесть хороша. Рекомендую. Поговорили с Дмитрием о литературе, обсудили тенденции, вспомнили общих знакомых, а тут и Северодонецкий адок подоспел.

Дмитрий, как самый опытный в нашей группе, командует, мы выполняем. Тихий ход, авто едет со скоростью пешехода. Иначе осколки боеприпасов проткнут шины, и машина встанет посреди хаоса бывшего когда-то городом. А это смерть... Или, наоборот, там, где улица простреливается с укрупских позиций, приходится гнать на повышенной скорости. Да, проколоть шины опасно, но находиться под прямой наводкой арты ещё неприятнее.

А по городу лупят не по-детски. Свист прилётов и грохот ответных выходов оглушают. «Доктор» Митрофанов успокаивает новичков, разъясняя по звуку, где входящие, а где исходящие выстрелы. Он ещё и психолог немного. Молодёжь приободрилась. С шутками и прибаутками и занимательными историями из мирной жизни Митрофанов проводит наш мини-караван по разрушенным улицам Северодонецка. Рядом с таким спокойным и вдумчивым мужиком всегда легко и надёжно. Недаром говорят, что лучше всех воюют люди, призванные из гражданских профессий. Именно призванные, быть солдатом для бывшего фельдшера стало призванием.

Проникаем во двор через отверстие непонятной формы. Обгоревшие и разрушенные многоэтажки, как верно заметил Семен Пегов, похожи на кораллы. Причём как внешне, так и на ощупь. Дома, как и кораллы, покрыты какой-то смазкой, субстанцией ядовитой и гадкой. Тут сохранился подвал, над которым кривыми буквами выведены слова «Здесь дети и старики».

У входа в подвал нас встречает «комендант» убежища, женщина за пятьдесят с прекрасным украинским выговором и закопчёнными глазами. В подвале живут пятьдесят восемь человек. Старики, женщины, дети. Они высыпают на улицу, как маленькое племя каменного века из пещеры, щурясь на солнце и жалостно улыбаясь. Вчера был «хороший» день, шёл дождь, они набрали воды и постирались (весь двор в парусах постиранной одежды). Первый раз за два месяца вымылись. А тут ещё и мы. Просто сказочное везение. Разгружаем воду, еду и утоляем их информационный голод. Сенсорное недоедание прорывается лавиной вопросов. Больше всего интересует, взяли ли территорию завода «Азот» и освободили ли удерживаемых заложников. Не знаю, что ответить, и так прямо и говорю. Они понимающе кивают, держат за руки и заглядывают в глаза. «Мы любим вас, – говорят они, – ребята, поднажмите. Дайте нам мира и тишины!» Предлагаю

вывезти на «большую землю» ослабевших и больных. Не хотят. «Осталось немного, – говорят они, – не уходили в самое тяжёлое время, неужели же сейчас будем уходить?»

Почему ВСУ разрушают города Донбасса? Ответ очень простой. Они разрушают среду обитания. Ведь это война двух цивилизаций. Цивилизации одиночества (крупные города и хутора) против цивилизации соседей (моногорода и небольшие промышленные центры). В крупных городах вроде Киева люди не знают, как зовут соседей на лестничной площадке, здесь правит либеральная версия украинства – атомизация города. На западенских хуторах атомизация другая, националистичная и куркульская. Союз постпромышленных городских либералов и атавистических сельских националистов борется с небольшими промышленными городами вроде Северодонецка или Снежного, потому что это среда обитания нашей цивилизации, это маркер русскости. Здесь люди живут в одном подъезде и по утрам вместе уходят на работу. Их дети ходят в одну и ту же школу. Их бабушки коллективно присматривают за расшалившейся визгливой детворой со своих приподъездных скамеечек. Уходя на запад, укроп разрушает то, что не смог ассимилировать и удержать. Они ставят арту во дворах школ и у подъездов домов, заранее зная, что прилетит ответка. Прикрываются мирняком, зная, что это не их мирняк. Стреляют по церквям потому, что это не их церкви. «Так не доставайся же ты никому» – вот их лозунг.

Местные это тонко чувствуют. Вот показательный пример столкновения усадьбы как идеала нового феодализма и промышленного центра как русского города. Дело в том, что Северодонецк выполнял роль неформальной столицы Луганской области, подконтрольной Украине, после того как укров «попросили» из Луганска. Сюда сбежали все богатенькие буратино и состоятельные укрокроты из ЛНР. Здесь они отстроили себе целый поселок, отдельно стоящий от города и нависающий над ним словно орлиное гнездо или феодальный замок. С началом СВО «хозяева жизни» слиняли. В этих домах некоторое время жили вэсэушники, затем, размарадёрив, сбежали и они. В коттеджи вселились чеченцы, устроив там штаб. Так вот, местные ходили к чеченцам с просьбой при уходе дальше на запад не оставлять особняки, а сжечь их. Для чего? Чтобы некуда было возвращаться укропам. Чтобы хутор больше не давил на город. Чеченцы всё поняли, обещали и честно выполнили свою клятву. Я видел эти сгоревшие памятники феодальной оккупации.

Едем в 20-ю школу Северодонецка, там тоже подвал, и тоже живут люди. На свет божий выводят мальчонку лет пяти. Увидев военных, он обнимает их и умильно просит конфет. Женщины плачут при этой сцене, мужчины вытирают уголки глаз грязными руками с жёлтыми «подвальными» ногтями. Мальчик смеётся и размахивает пакетиком сладостей. Он не понимает, почему остальные плачут. Здесь те же проблемы, что и везде. Нет питьевой воды. Готовить на дровах трудно и долго. Оставляем продукты, воду и газовые горелки. Едем на следующую точку.

По дороге встречаем комендантскую роту во главе с колоритным мужиком из города Свердловска. На плече у него шеврон с Бобом Марли и шутливым девизом «Убитых не убьешь». Юмор на Луганщине уважают. Это не уральский Свердловск-Ёбург, это его Луганский антипод.

Рассказываем ему о жалобах жителей, об их пожеланиях. Основная его задача – борьба с мародёрами, медицинская помощь населению и похороны погибших. Их хоронят прямо во дворах. Долго и вдумчиво объясняет «свердловский растаман» людям Северодонецка, что и как сделать, чтобы могила не осталась безымянной и тело можно было бы позже перезахоронить с подобающими почестями.

Обняв бойцов, мы передаём письма поддержки от детей Подмосковья. И эти стальные мужики начинают рыдать в голос при чтении детских каракулей, выведенных цветными карандашами на сложенных в треугольники листах бумаги. Ведь это всё отцы, русские мужики, защищающие детей Подмосковья в балках и степях Донбасса. Они не стыдятся своих слёз. Снимаем их обращение детям и плачем сами.

Двигаемся в сторону города Счастье. По-украински это звучит как Щастя. И через полчаса нас окружает мир и спокойствие. Нас окружает Счастье. ВСУ не «защищало» этот город, поэтому он и цел.

Такова эта война. Здесь между адом и Счастьем полчаса езды по раздолбанным дорогам.

Немного этнологии на фоне конфликта...

Войны, конечно же, были всегда, со времён Каина. Всегда это было кроваво и мерзко. Но иногда жуть дел человеческих зашкаливает. И вот тут надо искать психопатологию. Чаще всего причина зверств – это этническая шизофрения. Ненависть к чужаку всегда слабее ненависти к своему. Поэтому гражданские войны самые жестокие.

Начну с терминов. Зверство – это когда... Ну вы знаете. А шизофрения в данном случае – это расщепление единого народа на несколько групп и их противоборство друг с другом.

Пример. Сербо-хорватские отношения XIX–XXI веков. Жили себе сербы с хорватами не тужили. Воевали, торговали, женились, разводились. И тут в конце XIX века, в связи с очередной замятней в Османской империи, начался голод среди сербского населения. Ватиканские иерархи неожиданно для себя увидели хорошую возможность для прозелитизма. Послали хорватским католическим священникам, которые в принципе из человеколюбия помогали сербам, строгую «указивку» – кормить только обращённых в католичество.

Голод не тётка, и многие католичество приняли (фиктивно, как им казалось). А многие не приняли и умирали от голода в муках и ненависти. Голод кончился, и те, кто «фиктивно» приняли латинскую веру, пришли в православный храм на Пасху и там огребли от ортодоксальных сербов по полной. Куда им было деваться? Пошли записываться в хорваты, но обиду запомнили. Если посмотреть на весь тот ужас, что творили хорватские усташи с 1941 по 1945 год с сербами (а это был реально кошмар), то можно заметить интересные особенности.

Подавляющая часть лидеров и активных членов усташеского движения – это выходцы из Славонии, а также из Боснии и Герцеговины, то есть из восточного ареала расселения хорватов. Большая часть боевиков – это хорваты во втором, максимум в третьем поколении. Бывшие сербы, затаившие обиду. Неофит всегда радикал, это естественное явление. То есть все эти банки с вырванными глазами, отрезанные головы, сербские растерзанные младенцы – это следствие родовой травмы, обиды, маркер нациогенеза, так сказать. Одни приняли хлеб от иноверца и спасли свои жизни. Другие спасли веру и встали в позу – перебежчикам в православном храме не место. В итоге резня и геноцид. Горячие балканские нравы.

Поведение сербов во время геноцида 1941–1944 годов поражает. В соседнем селе режут, крик стоит до небес, но поверить в этот кошмар сербы не могут. Ведь не может же твой сосед, твой брат, да фактически ты, творить подобное безумие? А если может – нет ли здесь воли высших сил? Отмечались случаи выстраивания сербов в очереди и даже религиозных радений во время экзекуции. Люди воспринимали свою смерть как искупительную жертву. Слава Богу, пришли сербские коммунисты во главе с хорватом Тито и прекратили это безумие, в противном случае жертв было бы гораздо больше.

Взаимоотношения сербов и хорватов – это горизонтальная шизофрения. А есть ещё и вертикальная этническая шизофрения. Тоже кровавая штука. Вот жило себе население Палестины много тысяч лет на Земле обетованной – не тужило. Верили в Ваала и Иштар, окучивали маслины и пасли мелкий рогатый скот. Потом потихоньку изобрели иудаизм и стали поклоняться Яхве. Потом приняли христианство и продолжали окучивать масличные деревья. Затем приняли ислам и продолжили пасти овец, как и прежде. Подчеркну, это всё одни и те же люди. Крестьянин как жил на своём клочке земли, так и жил, а мимо него пролетала

история, веры, цивилизации...

Однако образованная часть населения Палестины все эти религиозные новшества не принимала (христианство, ислам и т. д.), так как это отодвигало их в социальном плане от руководящих ролей в обществе. Оставаясь верными иудаизму, они перестают воспринимать окружающих крестьян как своих соплеменников. А те, в свою очередь, перестают воспринимать детей раввина (Рабиновича) и детей дьяка (Коэна) как свою элиту. Вертикальная шизофрения.

Помните фантастический фильм «Район № 9»? В ЮАР прилетел космический корабль с инопланетными беженцами на борту (беженцы, естественно, выглядят мерзко, как, впрочем, и должны выглядеть существа, попавшие в беду). Практически все они принадлежат к группе, условно называемые «рабочие пчёлы». Без своей элиты они быстро деградируют, перестают пользоваться своими продвинутыми «инопланетянскими» технологиями, маргинализируются – впрочем, как и все земные беженцы в условиях лагеря для беженцев. И это, увы, не удивительно. Представьте себе, что всех инженеров сотовой связи на Земле одновременно убили, долго мы сможем пользоваться мобильниками? А если всех врачей? А если всех математиков?

Но печаль этого фильма в том, что и элита без народа маргинализируется. Знания остаются, но применить их элита не может. Целых пятнадцать лет тамошний инопланетный элитарий пытался найти артефакт для решения проблемы связи со своей цивилизацией. Его просто никто не слушал и не воспринимал как вождя. Где организованные поисковые группы, отчётность, социальные структуры. Их нет. Есть одинокий интеллигент и кучка его адептов (чаще всего связанных с ним кровным родством). Это путь в катакомбы и сектантство.

Поэтому сколько бы палестинцы ни кричали, что кровь в их жилах более еврейская, чем у Биньямина Нетаньяху; сколько бы израильтяне ни кричали, что палестинцы это пришлые арабы – и те и другие лишь травмированные расщеплённые куски одного целого. Элита и народ. Дух и почва. Неспособные организовать спокойную мирную жизнь на куске земли размером с Дмитровский район Московской области. Отсюда и озлобление друг на друга – Накба, Сабра и Шатила, палестинские террористы, ракеты «Кассам», направляемые на мирные города, и прочее. Кровь, насилие, хаос – шизофрения.

Но бывают совершенно ужасные случаи шизофрении. Одновременно и вертикальное, и горизонтальное расщепление – и кровь в этом случае льётся через край. Это, конечно, случай Западной Украины. Это, так сказать, наша Сербская Крайна и Палестинская автономия в одном флаконе. Давайте рассмотрим этот вопрос подробнее.

Политическим отцом русской шизофрении был, конечно, Данила Галицкий. Человек, фиктивно принявший католичество и ставший «королём русов», ради сиюминутных политических и экономических выгод и возможной поддержки с Запада в противостоянии с Ордой. То есть тот же мотив, что и с сербохорватскими разборками. Кто-то выбрал путь спасения духа народа, кто-то спасение материального, брэнного мира.

Как и в балканском случае, выжившие под игом Орды и сохранившие дух наследники Александра Невского встали в позу и не признали за выбравшими чечевичную похлёбку галицийцами права первородства. И хотя поддержки от западных друзей Данила не получил, камень в основание «западенского» мифа он заложил. А далее были борьба с русофильством, полонизация, униатство, Талергофский концлагерь... Выбор западной идентичности всегда давал населению этих территорий некие материальные преференции (лояльное отношение в концлагере, например, или пресловутый «безвиз») и наоборот – выбор русской идентичности ничего, кроме духовных благ, не даёт, но, кроме того, смертельно опасен. Когда австрийский взвод ставит к стенке десять человек и спрашивает, кто здесь русский, а кто украинец, и исход при разных ответах разный – трудно остаться единым народом. Это выбор каждого отдельного человека.

Западноукраинский селянин жил на протяжении тысячелетия в условиях прямой оккупации, лишённый своей элиты (вертикальная шизофрения), лишенный общерусского культурного контекста. Кто только не усаживался ему на шею – и польские паны, и еврейские арендаторы, и венгерские солдаты, и немецкие администраторы. Отношение к власти формировалось как отношение к оккупационной администрации.

Говорят, что русские – это врождённые империалисты, а украинец – врождённый анархист – это правда, но только часть правды. Совершенно случайно анархическая идентичность (кстати, всего лишь одна из многих идентичностей на Украине) была объявлена в 1991 году на Украине эталонной. И стала насаждаться и прививаться к общеукраинскому телу. Не казачья идентичность (анархо-демократическая?). Запорожья. Не пролетарская идентичность восточных районов (анархо-коммунистическая?). Не торговая идентичность южных регионов (анархо-капиталистическая, куркульская?). Выбрали именно галицкий вариант идентичности – отсутствие местной элиты и постоянная борьба с центральной властью на местах. Такая типичная тема для Украины, как «магнатские вольности» (в современной политологии это называется олигархическая республика), совместились с подживлённой в украинское общество из Галиции темой «войны всех против всех».

И вот тут-то и проявляется «палестинский» вариант. Западенцы не чувствуют себя связанными с остальными жителями страны, а остальные регионы не признают в «западенцах» свою элиту. Первые ведут себя как румынские оккупанты в Одессе (быстро нахалить и свалить), вторые не могут определиться – то ли стать самыми украинистыми украинцами, то ли сопротивляться оккупации. То ли пойти к Москве, то ли геть від Москви. Хаос, кровь, насилие-шизофрения.

Этот безумный суп в ближайшее время закипит и выплеснется. Кровашки прольётся много... Но это неизбежный исторический процесс. Украинский вопрос придётся решать нашему поколению. Хотим мы этого или не хотим.

Что делать и что не делать в этих условиях нам, России?

Создавать условия благоприятного выбора «русскости» – выдача гражданства, признание народных республик Донбасса, Слобожанщины, юга Украины, общие условия для торговли с Россией, белорусские цены на газ и т. д. Вариантов много... Люди должны получить не только духовные блага от воссоединения с Родиной, но и ощутимые материальные выгоды от «восточного выбора».

Не создавать отдельных преференций для «украинства». Никаких дотаций! Всё на общих основаниях. Не запрещать «украинство» и не бороться с ним.

При всей противоречивости этих пунктов действовать придётся именно так.

В условиях, когда «украинство» себя дискредитировало как внутри страны, так и за рубежом, особенно в Европе, эта идентичность становится для жителей Украины «токсичной». В Европе многие украинцы выдают себя за поляков или за русских, лишь бы не попасть в касту «from Ukraine». «Украинство» же в России носит дотационно-вымогательский характер а-ля батька Лукашенко. Выглядит это таким образом: «Мы хорошие украинцы, не любим Бандеру и любим Москву, помогите нам грошами обустроить прекрасную независимую пророссийскую Украину!» Ключевые слова здесь – это «независимая» и «гроши». Условные Кива, Медведчук и Рабинович по приходу к власти продолжат именно этот многовековой «тяги-толкай» между западом и востоком.

Мои предки из-под Львова и Белой Церкви. Мой дед воевал с УПА с 1941 по 1951 год (и с «мельниковцами», и с «бульбовцами», и, конечно же, с «бандеровцами»). Это был специалист по украинскому вопросу, каких мало. В 1993 году я услышал от него фразу, которая открыла мне глаза на украинскую тему: «Бандеровцы появляются только там, где есть КПУ – они симбиоты». Не КПСС, а именно КПУ. Ведь любая самостоятельность «пророссийских украинцев» – это всего лишь борьба

с конкурентами на западе Украины в рамках «магнатских вольностей». Для условной КПУ бандеровцы всего лишь необходимы как рычаг по выбиванию поддержки из Москвы (финансы, вооружение, свобода торговли и т. д.), и наоборот. Вспомним здесь беднягу Януковича, который лично выкормил националистические группы, чтобы на их фоне выглядеть русофилом.

Поэтому поддержке ДНР/ЛНР – да! (безусловно русский выбор).

Поддержке «Медведчуку и Ко» – нет! («вменяемые украинцы», условное КПУ).

Опытным путём стало понятно, что находящаяся вне общерусских границ Украина становится опасным инструментом в геополитических играх Запада против России. Очевидно, что подобное в будущем терпеть невозможно.

При этом сам по себе украинский язык не является откровенно враждебным инструментом по отношению к России. Запрещать его ни в коем случае нельзя, дискриминировать носителей в общественной сфере даже вредно. (Это будет вызывать отторжение «впёртых хохлов»). Вопрос украинского языка решается исключительно равноправным статусом с русским, отсутствием нарочитой административной поддержки и рыночными механизмами – все языки на общих основаниях.

Кстати, я сторонник украинизации русского языка – то есть унификации русского, белорусского и украинского. Общая лексика для всех трех языков должна пропагандироваться, различия – нивелироваться. Вопрос не в языке, а в государственности.

Говорят, что лечение любой болезни начинается с осознания наличия болезни и готовности начать её лечить. Поднимая тему будущего Украины, мы фактически начинаем процесс лечения этнической шизофрении. Так сказать, первый шаг к выздоровлению.

[Глава 11. Война и мир: Херсон летом 2022 года]

По возвращении в Херсон понял, что скучал по нему. Скучал по Днепру, по местным, расслабленным на жару. По людям, стоящим в очередях. А очереди здесь везде. На улицах множество людей, переходящих из одной очереди в другую. В одной очереди записываются на получение гражданства России. Здесь стоят с папками и пакетами документов. В другой очереди российское гражданство уже получают. Здесь стоят с цветами и шампанским. Читают клятву, дают присяги и расписываются в краснокожих книжках. Это счастливые люди, неожиданно получившие подарок. В Донецке люди умирали под украинскими бомбами и ракетами за право получить русский паспорт. Пункт 17-й положения о паспорте гражданина РФ гласит: «Гражданин обязан бережно хранить паспорт». В Херсоне предлагают добавить пункт 17.1: «Паспорт РФ бережно хранит гражданина из Херсона». От всего враждебного и чуждого.

Херсон, парк Славы, монумент победе в Великой Отечественной войне. Летом 2022-го здесь вновь Красный флаг, запрещённый на подконтрольной западу территории бывшей УССР...

Если пройти ещё 100 метров, будет огромная очередь на получение банковской карты. Здесь открылся первый российский банк. Это ПСБ, московский «Промсвязьбанк». В банке работают граждане России. Их основная задача – научить местных сотрудников работать по-новому. Людей пока не хватает. Но скоро сработает эффект мультипликации, и обученные местные кадры начнут открывать новые отделения российских и даже белорусских банков.

А на набережной очередь на биржу труда. Местные смеются, называя это место бермудским треугольником. Человек заходит туда как безработный и пропадает как безработный навсегда. Вакансий море. Зарплаты достойные. Несколько часов бюрократии – и безработный украинец становится трудоустроенным новороссиянином.

Куда они все трудоустраиваются? О, все просто. Для того чтобы узнать, куда нужно отправиться в очередную... очередь. На Старообрядческой улице (она же Комсомольская) толпятся предприниматели. Они переоформляют бизнес по российскому законодательству. Налоги платят с оборота. НДС не платят. Бизнес доволен.

А ещё есть очередь за социальными пособиями, пенсиями, гуманитарной помощью. Одна из российских политпартий (вы понимаете, о ком я?) открыла огромный гуманитарный центр. Там работают волонтеры из России, ДНР, ЛНР и местная молодёжь. Выдают нуждающимся продукты питания, гигиенические принадлежности для детей и т. п. Большая часть привозится из Большой России. Но помощь начала оказывать и многострадальная Донецкая Земля. Сами находясь под огнём, они, как никто другой, понимают состояние жителей Херсона.

И даже местные коммерсанты, правда не без давления администрации, начали помогать населению. Очень хорошо!

Но самые большие очереди – за сим-картами. Теперь здесь два оператора. Помимо тарифа «Безбандерище», появился тариф «На связи». 100 рублей – и сим-карта. Продают их в бывших офисах украинских мобильных операторов и в мобильных точках по городу. У тарифа «На связи» более устойчивая связь в городе, у «Безбандерища» лучше работает интернет и лучше приём в области. Сотрудники офисов телеоператоров уверяют, что к концу лета вышек будет достаточно для устойчивого приёма интернета и мобильной связи на территории всей области. Оплатить можно и в гривнах, и в рублях. В рублях процентов на двадцать выгоднее.

Вообще цены в рублях выгоднее, чем в гривнах. Очень действенное средство по внедрению рублёвой зоны. Ничего не навязывать и предлагать альтернативу. Это фирменный стиль русификации Херсона.

Ну и, конечно же, главная очередь в Херсоне – это очередь на вступление в Россию. Хоть республикой, хоть областью, хоть частью Таврической губернии, хоть присоединённой к Крыму. Все ждут референдума. Нет, не так! Все ЖДУТ. РЕФЕРЕНДУМ! Он состоится. Обязательно. В сентябре или октябре. Так говорят местные.

Зачем он им уж так нужен, я не понимаю. Быть Россией они могут и без референдума. Всё равно его не признает ни западное мировое сообщество, ни киевская хунта. И хунта это чётко сартикулировала. Занялась привычным делом: начала обстреливать город из артиллерии и ракетных установок. Прилетает в парки, кладбища, жилые дома. Местное женское население ещё не привыкло и при грохоте приседает и делает испуганное лицо. Подходишь и начинаешь ей объяснять разницу между звуками прилёта и выхода. Подсказываешь, как звучит ПВО и как следует себя вести, когда «свистит». Спрашивают меня, откуда я все это знаю. Говорю, что в Донецке эту науку выучили даже дети.

Смущённо отводят глаза. Им неприятна эта тема так же, как людям неприятно знать про военные преступления ВСУ. До момента начала обстрелов местное население не особенно верило в те зверства, что творило ВСУ на востоке. Теперь всё иначе. Они все вышли из категории «справжній українець» самим фактом нахождения в русском городе. А с такими людьми у ВСУ разговор короткий. Для многих это был шок. Но именно этот шок и создал те огромные очереди в Херсоне. Люди массово и неожиданно быстро потянулись к России за защитой. Это «бутылочное горлышко» желающих интеграции с Россией создали артиллеристы из «збройних сил України». Каждый снаряд, пущенный ими в Херсон, – это очередной житель города, подавший заявление на российское гражданство.

Такие дела. И да, Карфаген должен быть разрушен, в смысле слава Украине в составе России!

У Херсона две основные городские проблемы: очереди и бандеровцы. Без них Херсон расцветёт.

Очереди, конечно, связаны с форс-мажорной ситуацией в жизни города, переломным моментом истории и природным южным анархизмом.

Июль 2022-го. Как-то стоял в очереди у загса. Бардак. Всем нужно сегодня, вне очереди, даже вчера. Кто-то записывается в какой-то список, кто-то стоит в живой очереди, некоторые прорываются с боем. Кто-то приехал с области и не хочет уезжать без результата. Шум, гам, недовольство. Я понимаю, что три операционистки не могут принять больше сорока человек в день, понимаю, что образовалось «бутылочное горлышко», понимаю потребность людей в документах. Это вопрос к властям Херсона.

Но почему люди ведут себя как дикари? Зачем все эти толпы у учреждений? Кроме того, что это выглядит дико и унижительно, скопление людей в одном месте опасно с любой точки зрения. И с точки зрения террористической угрозы, и эпидемиологического положения, и просто психологического состояния людей.

Необходимо распределить потоки людей в учреждения. Можно организовать запись населения на приём через электронные приложения, чаты в социальных сетях, да просто через установку автомата для записи у входа в загс и подобные заведения. Никаких живых очередей, никаких записей на бумажке, никаких альтернативных списков, никаких нервных криков и истерик, никаких продаж места в очереди. Записался, приехал к назначенному времени, сдал документы, получил бумагу о принятии. По готовности получил смс-ку со временем и адресом получения. Пришёл, получил, пошёл по своим делам. Надо привыкать жить, как живут в России. Да, это трудно, и кумушки, любящие почесать языком в очереди, будут против. Но это необходимо.

Но хватит о плохом. Если Херсон летом 2022 года – это огромная очередь, если Мариуполь – это вход в ад, то есть на Украине поистине прекрасные, райские

места. Например, город Каховка Херсонской области.

На берегу Днепра. А река здесь как море. Водная гладь широка и отражает небо, словно огромное зеркало. И вот въезжаешь в такое райское место и видишь полустёртые надписи «Оккупанты, добро пожаловать в ад!» и огромные запылённые буквы HELL на автобусных остановках.

Смотришь на граффити укропитеков и смеёшься. По городу гуляют бабушки в летних шляпах, мамы с колясками в скверах, мужчины рыбачат с затопленных барж, дети машут проезжающим русским солдатам. А на это все смотрит южное солнце, и шурится днепровская волна.

Я был здесь вчера вечером. Погулял по набережной, перекусил жареной скумбрией, поливая её лимоном, и пообщался с местными журналистами.

Ну какой же это ад? Ничуть не похоже.

Хунта хотела, чтобы у русских земля горела под ногами. Чтобы каховчане все, как один, пошли в партизанский отряд и отдали свои жизни за Зелю и Беню. Но нет. Партизанить никто не стал.

И вот вчера хунта решила напомнить, что надписи HELL на стенах города неспроста, и начала обстреливать город из «Точек-У».

Погиб ребёнок, несколько человек ранено, дома разрушены, люди в шоке.

Не хотите делать ад для русских? Мы устроим ад вам.

Как вам такая логика? Странная? Нет, просто это логика маньяка!

В первые дни СВО у укропов была смешная фенечка – закрашивать указатели с названием населенных пунктов и пририсовывать к ним надписи на английском языке «welcome to hell».

Названия закрашивали, видимо, для того, чтобы русские заблудились. Ведь навигатор – это не русское слово.

А вот приглашали в ад для чего? И почему именно на английском?

Есть версия. Видимо, на подсознательном уровне они воспринимали свою жизнь как экзистенциальный ад. Это, вероятно, был скрытый крик о помощи. Расшифровывается он так: мы живём в аду, а теперь и вы будете жить в аду. Помогите! Спасите! Ласкаво просимо!

Что касается английского языка пригласительных на адскую вечеринку. Тут все просто. По мнению укропов, в аду говорят исключительно на английском. Именно так они и воспринимают своих британских кураторов, – послами преисподней.

Но как же они ошибались, приглашая в пресловутый hell! Конечно же, освобождённые территории не райские кущи.

Но и в ад их превратить укропам не удалось.

Июль-2022. Вот уже почти пять месяцев я нахожусь на территории «войны». Изменился ли я? Стал ли иначе смотреть на жизнь? На смерть? На людей? Есть ли у меня поствоенный синдром? А у других? У людей, находящихся здесь, со мною, рядом?

Видите, как много вопросов. А вот по секрету скажу, здесь на Украине этих вопросов нет. Здесь только ответы. Здесь невероятная ясность бытия. Помните монолог Папанова из фильма «Белорусский вокзал»? «На фронте всё просто: здесь наши, там враги, и наше дело правое...» Как же кристально чётко и чеканно снимали в СССР.

Всё так. Я свидетельствую. Приехав в мирную и сытую Москву, я чувствовал себя глубоко оскорблённым размеренностью столичного бытия на фоне разрушенного Северодонецка и Мариуполя. В средней полосе России существуют люди, имеющие роскошь жить в мире и не выбравшие сторону в конфликте. Это просто крезды пацифизма. Их ничего не касается, они как будто спрятались в свой быт, не понимая, что мира, в котором они жили раньше, больше нет. И никогда-никогда не будет.

На Украине я понял, что такое настоящее человеколюбие. Не розово-слащавое человеколюбие а-ля Чулпан Хаматова, а настоящее. Вот пример. Я бывал во многих городах и сёлах освобождённой территории. Николаевская, Херсонская, Запорожская области, новоосвобожденные территории ЛНР и ДНР. Всюду я видел одинаковую картину. Центр города, вход в местную военно-гражданскую административную или комендатурную, у входа стоят люди. Они пришли со своими бедами, со своими документами, со своими просьбами. И всегда чуть в стороне стоят две-три женщины с заплаканными глазами. Это жены, сестры и матери задержанных комендатурой жителей.

Простое человеколюбие заставляет подойти к ним, успокоить и поинтересоваться, чем можно помочь. Я обращаюсь к ним по-украински, чтобы сократить дистанцию, побыстрее найти контакт. И вот тут выясняются удивительные вещи. Оказывается, их мужья ни в чём не виноваты. Они просто хранили у себя дома оружие и взрывчатку, передавали данные о передвижении русской армии ВСУ, писали на стенах домов про орков и их смерть. Совершенно невинные люди. Им медаль должны были дать и назначить старостой села, а вместо этого их «заарештували», и теперь их женщины плачут.

И вот тут-то и начинается настоящий, а не ванильный гуманизм. Этих женщин не гонят прочь, не сажают вместе с мужьями/отцами/сынами в камеру, с ними общаются очень и очень вежливо. Им дают возможность передать своим родным и близким еду, одежду и даже увидеться с ними разрешают. С точки зрения мирного времени, это кажется естественным и не требующими даже обсуждения делами. Обыденность. Но...

Представьте себе, что вашего друга убил вчера такой же, ни в чём не виновный «громадянин». Представьте, что вы были свидетелем того, как подобный персонаж подложил в мусорный бак взрывное устройство, которое убило двенадцатилетнюю девочку. И всё уже выглядит совсем по-другому, не так ли?.. Но вежливые люди даже следствие ведут вежливо. Самое удивительное, что подобный гуманизм даёт удивительные плоды. Бандеровцы готовятся к пыткам и унижениям, а получают право, процесс и суд. Это ломает их установки. Психологически они сразу же проигрывают... И да, очень многих из них, не замешанных в крови, отпускают. При мне так отпустили человека, хранившего у себя дома пять кило взрывчатки и автомат Калашникова. Он вышел из здания комендатуры, непонимающе тряхнул головой и глуповато улыбнулся. Жена повисла на нем, рыдая и причитая. И они пошли домой... Гуманизм выглядит именно так.

В Каховке удивительное зрелище. Огромные мордовороты гуляют по паркам со своими семьями. Субботний вечер, с Днепра тянет ветерком. Дети на асфальте рисуют под одобрительное кряхтение отца свастики и волчьи крюки батальона «Азов». Рядом стоит русский солдат и снисходительно улыбается. Нет, эти бугаи не пошли партизанивать, не записались в ВСУ. Для этого они слишком ссыкливы. Слишком любят своё крупное, раскачанное в спортзалах тело. Они просто учат детей ненавидеть русских, авось они в будущем убьют москалика.

Русофобия, растянутая во времени. Отложенный геноцид.

Или другой город, по соседству. Новая Каховка. Две милые старушки в шляпках, сидя на скамейке у памятника гетману Сирко, по-русски обсуждают свою соседку (не знаю уж, чем она им не угодила). Подхожу поинтересоваться дорогой и просто получить местную информацию из первых рук. Переходят на мову и включают режим «европеець». Начинаю на украинском читать им лекцию про колиивщину,

польское засилье, европейский путь развития, общее советское наследие, Ивана Сирко и прочие темы. Переходят на русский, им так легче общаться. Украинский здесь – это только парадный язык.

Спрашиваю у них, знают ли они про те преступления, что творило ВСУ на востоке? Про убийства и массовые захоронения гражданских? Про пытки? Про автопоезда нагнанного? Про то, что самой распространенной женской операцией на Донбассе была извлечение из вагины строительной пены. Ибо нужно было запечатать ворота в этот мир для новых поколений москалей (так пафосно объяснил «процедуру» одной из женщин «херой» из ВСУ).

Старушки резко теряют спокойствие и кричат, вздувая жилы на шее, про кремлевскую пропаганду, про донбасских сепаратистов, про то, что они все заслуживают смерти. Их реакция их выдаёт. Они всё это знали. И про пытки, и про пену. Но пока это было далеко, на это можно было не обращать внимания (как и многие в Москве сейчас не замечают, что война уже не на пороге – она уже у нас в прихожей). А сейчас старушки не признают вины, от «этого» нужно отрешиваться, не хотят свидетельствовать против себя. Они знают, что соучастники, знают, что оправдаться не получится. И когда они кричат, они пытаются заглушить свою совесть.

Предлагаю старушкам организовать экскурсию к местам массового захоронения гражданских, убитых ВСУ в 2015 году. Всего пять часов езды – и вы на месте эксгумации. Отказываются. Не хотят смотреть правде в глаза. Говорю им, что только что приехал из Донецка и что ВСУ из пушек расстреливают детские сады и парки. Такие же парки, как и вот этот, в котором мы сейчас сидим с ними вместе на скамейке. Опять не верят.

Доверительно, по секрету рассказывают мне версии происходящего: 1) это донецкие сами себя обстреливают и сваливают на Украину, чтобы обозлить население против неньки; 2) ВСУ стреляет исключительно по военным целям, а ПВО России сбивает ракеты, и обломки падают на мирняк; 3) есть некая третья сила, которая стреляет и по русским, и по ВСУ для разжигания конфликта.

Подумать только, эти женщины получили образование ещё в СССР. И всё равно верят, что русская ПВО может перехватывать каждый снаряд, выпущенный из дальнобойных европейских орудий. Или что донецкие сепаратисты взяли в заложники украинцев Донбасса. В священном ужасе смотрю на этих старушек и желаю им никогда не почувствовать на себе подобный ад. Но Бог не Микишка, у него своя книжка. В этот же вечер ВСУ обстреляли Новую Каховку из «Точек-У» и «Смерчей». Погибла девочка, ранены взрослые. Надеюсь, эти милые и почтенные дамы не пострадали. Интересно, они все еще уверены в существовании третьей силы? Или в том, что это русские обстреливают сами себя?..

Вы думаете, я все описываю черной краской! Вовсе нет. Огромное количество людей на освобождённых территориях счастливы, что Россия вернулась. Они просто выдохнули и начали дышать свободно, всей грудью. Преподаватели в узах, рабочие на фабриках, левые активисты, безземельные крестьяне, городская интеллигенция. Их очень много. Гораздо больше, чем упоротых. Но вот что удивительно, с ними не работают власти на местах. Почему? Боятся их мести укропам за десятки лет унижений! Накопилось ведь претензий немало. И если сейчас дать униженным при Украине слоям населения власть, статистика смертей на этих территориях резко изменится. И вот это опять настоящий гуманизм. Упоротые должны Богу молиться за русских «оккупантов». Потому что упоротые не понимают: когда из комендатур уйдут русские и придут местные... упоротым припомнят всё. Отжатый бизнес, отбитую девушку, плевков в лицо на митинге, обязанность разговлять на неродном языке, принуждение носить вышиванку, предложение уезжать из родного города и ставшей мачехой страны, доносы в СБУ. Всё припомнят...

Местные обожают наблюдать за бесноватыми «кастрюлями» в соцсетях. Это такой способ времяпрепровождения. Подписаны на всех «зрадников», от Скадовска до

Мелитополя. Очень интересное и поучительное чтение.

Если составить среднестатистический портрет человека, которого бандеровцы называют предателем, то выяснится немало занятного.

Чаще всего это этнический украинец, коренной херсонец, обладатель высшего образования, работавший до 24 февраля в сфере общения с людьми.

Учитель, врач, соработник, госслужащий, журналист, адвокат – вот основной набор людей, которым угрожают в сетях скорым и «неотвратимым» приходом ВСУ и страшными карами за сотрудничество с русскими.

А между тем этот список профессий является приговором киевским бандитам. Ведь люди этих профессий лучше всех знают о настроениях общества, так как каждый день с ним контактируют по факту своей работы. Не побоюсь сказать, что это элита города. Не та элита, что жрала в три горла и каталась на шикарных авто по кабакам, а та элита, без которой народ действительно не может существовать и воспроизводиться. Эти люди как носители нашего общего культурного кода чётко слышат и потаённые, и открытые чаяния нашего города. Они могут их пронести сквозь свои сердца и сформулировать в словах. Чего мы хотим? Куда мы идём? Где наша родня? Кто наши враги? Как будут жить наши дети?

И огромное спасибо тем мужчинам и женщинам, что не побоялись угроз и давления бандеровцев!

9 июля 2022 года первый по-настоящему шумный день в Херсоне. По жилым кварталам, школам и паркам ВСУ лупит из артиллерии западного производства и накидывает ракеты made in Ukraine. Ещё вчера местные укропы считали, что их обстреливает русская армия. Сегодня они молятся за русскую ПВО. Завтра проголосуют за вхождение в Россию. Референдум в душах жителей Херсона проведен. Именно сегодня!

Мой товарищ Роман Хренов произнёс в начале июня фразу, которая мне запомнилась. Он сказал: «Очень может быть, что Херсон превратится во второй Донецк, в город, который будут обстреливать каждый день, пока мы не отгоним бандеровцев от города».

Он оказался прав.

Ещё в июне я учил местное население отличать «плюсы» от «минусов», входящие от исходящих. Я объяснял им, как определить работу ПВО и что делать во время «прилёта».

А в сентябре херсонцы сами выучили эту донецкую «науку».

Выучили даже те, кто, находясь под воздействием укропропаганды, не верил в то, что ВСУ обстреливают мирные города.

Теперь херсонцы в этом не сомневаются... Они это почувствовали на своей шкуре.

Первые жертвы ракетных обстрелов Херсона со стороны ВСУ, как это всегда бывает, стали массовыми. Минус четыре. Минус четыре колорада. Вот как они считают. В их пабликах бурная радость. Я не знаю, как назвать их паблики – украинские? киевские? хунтовские? Скотские паблики. Вот как я их теперь буду называть.

Прилёт во 2-й Таврический микрорайон унёс жизни двоих детей и двоих взрослых. Там не было военных, там не было техники, там не жили русские инженеры, там не проходил концерт, на котором выступали бы приезжие артисты. Вы понимаете, до чего дошло, что я допускаю мысль, что ВСУ может стрелять по артистам и инженерам только за то, что они русские. Не по военным, а по мирным россиянам. Но нет, стреляли именно по мирным херсонцам. Зачем туда нужно было палить? А я понял зачем. Чтобы мы не забывали про них. Это как уголовники в 90-е. Кидали

камни в окна, намекая несговорчивым коммерсантам, что они недалеко, что могут достать, что надо платить.

И мы платим жизнью наших детей, наших соседей, родных за наш страх, за нашу апатию, за нашу нерешительность и за наше молчание.

Не смей больше молчать! Каждый, кто промолчит про корректировщика, – убийца. Не заметит злого слова, брошенного в сторону россиянина, – пособник убийцы.

Ждуны дождались. Теперь они нас разозлили. Мы им больше прощать не будем.

А наш счёт будет другой... Плюс четыре. Плюс четыре звезды на небе. Плюс четыре невинные жертвы этой отвратительной кофты, засевшей в Киеве и пьющей нашу кровь. Плюс четыре!

Следующим ударом ВСУ стал ракетный залп по зданию администрации города Херсона. Обстрел был такой массированный, что даже русская ПВО, отработавшая на «отлично», не смогла отразить все ракеты.

Били прицельно. Били по центру города. По парку, по кафешке «Лето», по 18-летней Владе, работающей там официанткой, по детям, играющим там на площадке. Да даже по алкашам, спящим в парке на скамейках.

ВСУ попадает по ним. И по алкашам, и по официанткам.

Поразила реакция «ждунов», заявивших, что это русские опять сами себя обстреляли. Ждун – существо удивительное. Он живёт в выдуманном не им мире. И потому страдает. Он идет прочь от обстрелянной администрации, по улице Небесной Сотни, придерживая выпадающие из живота внутренности рукой, и не понимает, что на улице 40 лет Октября, как называлась эта улица раньше, такое было бы невозможным.

Его убило киевское начальство, но и перед смертью он кричит СУГС. Это какой-то мазохизм, что ли, соединенный с киевским садизмом. Те, в Киеве, считают, что ради «их» Украины можно убить сколько угодно людей, да даже сколько угодно граждан своей страны, да даже всех.

А наши ждуны уверены, что, если их убили вэсэушники, значит «так надо! Так надо, ради украинского дела».

Ждун не верил в массовые обстрелы Донецка на протяжении восьми лет.

Теперь он не верит в это, находясь в Херсоне.

Ждун не жалел дончан, поэтому и не жалеет херсонцев.

А между тем Херсон все больше походит на Донецк. И это печально.

Но я верил, что как выстоял Донецк, так выстоит и Херсон.

В начале июля у меня состоялся интересный разговор на улице Ушакова, г. Херсон, планета Земля. Средних лет женщина спросила у меня: «Зачем укропы бомбят мирные города, зачем обстреливают, в частности, Херсон, зачем лупят по гостиницам и паркам? Они что, маньяки? Им нравится убивать мирных жителей?..» В глазах у неё был ужас и непонимание.

Я мог бы ей ответить, что они действительно маньяки, что бомбят они не только Херсон, но и Донецк, и другие города. Что им это действительно нравится. Но это была бы лишь часть правды. А правда на самом деле ещё страшнее.

Дело в том, что в Киеве засел альянс циников и маньяков. Циники правят и дают преступные приказы, маньяки с радостью их исполняют.

Киевские циники из высшего руководства меняют своих военных на херсонских

гражданских. Они бьют по мирному городу, чтобы оттянуть русскую ПВО от мест сосредоточения своих военных. Чем больше будет убито нелояльного, по их мнению, мирного населения в Херсоне, тем меньше погибнет послушных им вояк. А нахождение в Херсоне, да и вообще на неподконтрольных хунте территориях, рассматривается как прямая нелояльность. Ну а маньяки, задрав штаны, бегут выполнять приказы по уничтожению «зрадников». Циники делают это для сохранения своей власти, маньяки для удовольствия.

Вот эта спайка маньяков и циников приведёт в конечном итоге Украину к краху. Потому, что это не просто страшное зло, а зло, уверенное в своей правоте, зло, неготовое признавать свои ошибки. Зло, готовое убивать и убивать до последнего человека.

Под ударами «химарей» погиб Алексей Журавко, херсонский активист. Сложный человек со сложной судьбой. Но он точно не был военным, не держал оружия в руках. Просто потому, что у него не было руки. И ног у него не было. Он был инвалидом детства. Перемещался на маленькой деревянной каталочке. Такой, как в фильмах про послевоенных инвалидов. А его убили.

Этого украинского рационально-безумного монстра необходимо остановить.

Август-2022. Выезжал на выходные из Херсона (Северная Таврия) в Южную Таврию (Крым). В субботу уезжал, в понедельник возвращался.

Ехал автобусом. До автовокзала подвозил меня говорливый украиномошный таксист. Разговорились... По дороге спросил меня, не из тех ли я пацюків (крыс), что бегут из Херсона от неурядиц войны и укробомбежек? И далее провел «статистические» выкладки. Два автобуса в день выезжают из Херсона в Россию ежедневно. Каждый по 34 пассажира. Итого в неделю 476 человека. То есть 2000 человек в месяц покидает город безвозвратно. И это не считая тех, кто уехал на личном автомобиле, велосипеде, самокате или ушёл из города вплавь. В общем, скоро в городе никого не останется... Вот такой итог нашей беседы. Таксисты – это люди, которые всё знают, не верить им сложно. Но я всё же усомнился в его словах. И, мне кажется, не зря. Сейчас объясню свою статистику.

Итак, в 10:30 утра я покинул Херсон на раздрыгганном автобусе без кондёра и удобств.

На тридцать четыре места нас было семь человек. Кроме меня ехали:

- 92-хлетний гражданин России повидать сына в Ростов;
- гражданка Украины, жительница Херсона с видом на жительство в России, ехала в Феодосию на работу. Работает она в медицинском учреждении уже более десяти лет;
- два брата, уклонисты из Николаевской области, бегущие от призыва в ЗСУ (Збройні сили України, якщо хто не зрозумів). За деньги перешли линию фронта и теперь, вполне довольные собой, едут в Россию на заработки;
- 30-летняя гражданка Украины, едущая к матери в Москву;
- 55-летний гражданин ДНР, ехал в Донецк.

Словом, на массовый исход не похоже...

Маршрут у автобуса «кружной». По Бериславскому шоссе через реку Ингулец до Новой Каховки и там через дамбу ГЭС перебираемся на родной левый берег Днепра, ну а дальше всё просто – едем на Армянск. До границы ехать четыре часа. Раньше этот путь занимал полтора часа. Но это было раньше.

После того как укры распетрушили «Антошку» (Антоновский мост через Днепр), путь через дамбу ГЭС стал единственным для гражданских автомобилей. При этом

военные грузы через Антоновский мост продолжают идти, на армейскую логистику прилёты не повлияли. А вот на цены в Херсоне повлияли, и ещё как. Местные шутят, что в этом и был план Арестовича. Заставить Россию выдавать местным не по десять тысяч рублей, а по двадцать тысяч, чтобы разорить и по миру пустить. Раньше в Херсоне вполне можно было жить на десять «косарей». С новыми ценами на продукты уже нет.

Итак, едем в сторону Новокаховской ГЭС. Километры Херсонского бездорожья чередуются с постапокалиптическими сооружениями на дороге. Мини-замки из фильмов про Безумного Макса. Это КПП. У каждого блокпоста своя архитектура и своё лицо. Основательные самопалы – значит, здесь «живут» донецкие. Бетонные колбы с бойницами – Росгвардия. Насыпные фашины, наполненные песком и гравием, – армейские части. И флаги. Много флагов. Флаги СССР, России, Ставропольский белый крест на золотом фоне, дагестанский, чеченский, флаги ДНР, имперский черно-золото-белый, флаги движения «За правду» и «Оплот».

Внешность служивых на постах также различна и, видимо, зависит от командира. Где-то это фантастические спецназовцы из фильмов, где-то боевики, только спустившиеся с отрогов Кавказа. Есть колхозные сторожа или отутюженные морские пехотинцы. Но все безукоризненно вежливы и явно этим гордятся. Вежливые люди, они как свежий северный ветер, разрывающий хамство и панибратство юга. Как строгие белые американские полицейские, приехавшие в латиноамериканский квартал для патрулирования и наведения порядка.

На одном из блокпостов в автобус зашёл стильно одетый военный и внимательно всех обвёл глазами, а затем гаркнул: «Слава России!» Братья-уклонисты машинально ответили «Героям слава!», отчего проследовали на беседу и татуажный осмотр... Автобус трясётся от смеха.

Подъезжаем к Дамбе, водитель начинает потеть и креститься, вполголоса ругает «химеры» (американо-украинские HIMARS'ы) и начальство, но руль не отпускает. Перелетаем дамбу на повышенной передаче, глядя на пенящийся Днепр и полет чаек вровень с окнами автобуса.

Водитель успокаивается и начинает травить истории под шум открытых окон. Его никому не слышно, да никто его и не слушает, но это и не важно. Он просто снимает стресс.

Делаем остановку на Новокаховском автовокзале. Перекур, туалет, созерцание разрушенного здания. Передняя часть автовокзала не пострадала от обстрелов, задняя разрушена в хлам. Заходишь с центрального входа, чтобы посетить туалет, и... пробираешься к нему через крошево бетона и стекла.

Двигаем дальше. По дороге нам навстречу гудят и лязгают колонны военной техники. На броне сидят солдаты в модных чёрных очках и глядят на солнце. На пыльных лицах зубастые улыбки.

Ещё два часа, и мы на границе. Время прохождения границы семь минут (я засекал). Вот и Крым. И Южная Таврия встречает тебя кондиционером, хорошими дорогами и банкоматами. Возможность безналичного расчёта – одно из благ цивилизации, недоступных на войне. Так же как наличие заправочных станций, устойчивый интернет и охлаждённые напитки. Со стороны Крыма нас ждёт уже другой автобус. Совсем другой, во всех смыслах новый. Ещё полтора часа, и мы в Симферополе.

Воскресенье проходит в написании и сдаче отчётов, получении редакционных заданий и закупке инвентаря. Если вопрос с питанием, одеждой, запчастями на освобождённых территориях решён, то ряд специфических товаров отсутствует от слова «совсем». Например, не хватает трудовых книжек российского образца. Это прямой дефицит.

В понедельник в 10:30 выезжаю тем же автобусом назад. Обрато, кроме меня,

едут восемнадцать человек.

Из них:

- шесть новых россиян, получивших российский паспорт в Херсоне и ездивших в Крым к родне. Их называют здесь новороссами, объединяя название старой губернии и новых политических реалий. (Люди, живущие в Новороссии, это же новороссы, не так ли?);
- (четыре старушки с украинским гражданством, выезжавших в Россию на лечение);
- весёлая и сексапильная хохлушка, кругалём возвращающаяся из Польши в родные пенаты. Она кокетничала со всеми, до кого могла дотянуться, стараясь по бабьи устроиться в жизни. Возможно, это была просто разминка перед решающим штурмом мужских сердец в Херсоне;
- трое инженеров со Ставрополя, направляющихся в Херсон для поднятия «народного хозяйства»;
- мать с дочкой. Гражданки Украины;
- уроженец Одессы, живущий в Скадовске;
- мутный тип неопределённого возраста, статуса и гражданства (если что, это не я).

Как видите, на место семерых приехали девятнадцать.

$19 - 7 = 12$

Баланс народонаселения Херсона однозначно положительный. Город в составе России не опустел и не пустел.

Простите за нерепрезентативность статистических исследований. Как моего, так и таксиста...

Несколько слов о так называемом «неправовом характере обращения с собственностью» на территории Новороссии.

Попросту говоря, как отжимают собственность у укров.

Как это работает на примере Херсона...

Вот была сеть продуктовых магазинов «Фрэш». В Каховке, Скадовске, Херсоне... и Ровно.

После начала СВО сеть работу на территории Херсонской области прекратила, товары не продавали, услуги не оказывали. Саботаж?

ВГА (военно-гражданская администрация) отправила предписание о начале работы. Торговая сеть проигнорировала несколько таких предупреждений.

И вуаля!

На месте закрытого «Фреша» появляется открытый магазин «Сытный маркет».

Не хотите работать? Херсонцев всё равно накормят, оденут, обслужат...

А вы сидите у себя в Ровно.

Хотя и туда придём.

Кроме собственно Херсона, крупных городов на херсонщине нет. И мне кажется, это прекрасно. Небольшие города – это основа русской идентичности. Не знаю,

обращал ли кто-то внимание, но у Херсонской области помимо всех её достоинств есть ещё одна достопримечательность – города-близнецы/антиподы. Это русские города, но русские они по-разному.

Это Скадовск и Геничеськ. Город Солнца – молодой и улыбчивый Скадовск. И Город Луны – древнее киммерийское городище Геничеськ. Оба города расположены у моря, но каждый у своего. Геничеськ пропитан азовским йодом, Скадовск омывают травы Чёрного моря. Скадовск плоский как Солнечный диск, а Геничеськ – это игра в перепады высот, уходящие из катакомб к лунным высотам.

Их соединяет друг с другом северотаврийская степь, поросшая золотой солнечной акацией и серебряной лунной полынью. Собственно, два этих цвета, золото и серебро, и составляют основу того моста, что соединяют Солнце и Луну. Даже женщины здесь прекрасны по-разному: весёлые и открытые дети солнца, девушки Скадовска, и таинственные и нежные дивы из Геничеська. И хотя эти города так различны, их судьба предопределена и измерена. Они станут жемчужинами среди русских городов Новороссии.

Город Солнца Скадовск станет местом встреч для музыкантов, поэтов и философов со всей России. Здесь будут рождаться самые невероятные смыслы и оттенки смыслов. Здесь художники будут воспевать красу южных морей, а архитекторы вдохновляться классической эллинской архитектурой. Музыканты будут писать музыку на сверхновую русскую поэтику, а артисты искать себя для выхода на сцену. Так будет.

А, что же Город Луны? Геничеськ станет местом паломничества для ценителей ночи и сумерек. Лучшие рыбные рестораны на побережье, охотники и рыболовы круглый год, не только летом, но и осенью, и зимой. Дорогие оббитые дубом залы, огромные каминные и запах гаванских сигар. Казино, кафешантаны и библиотеки с древними фолиантами. Кинотеатры и музеи, арт-пространства и гостиницы. По городу будут водить экскурсии и рассказывать о катакомбах и древних змеелюдях-прародителях скифов и амазонок. Церкви и мечети будут соседствовать здесь как порука дружбы и единства жителей подлунного города.

А над всем этим великолепием будет только Бог, степной ветер и морской рассвет... Так будет.

За время, проведенное на освобождённых территориях Донбасса и Новороссии, я заметно одонбасился и перенял местные привычки и местный говор. Я больше не акаю по-столичному, я шокаю, как это делают в Луганске. Перенял и ряд местных словечек.

Вот, например, жара тридцать пять, иду по городу и вижу надпись со стрелкой, указывающей куда-то в даль, – «ставкИ» (так на Донбассе называют пруды). Оглядываюсь в поисках спасительной прохлады. И вдруг понимаю, что это надпись «стАвки» (тотализатор).

Или вот еще пример.

Украинцам, живущим в Новороссии, даже вполне прорусским, не нравятся прозвища «укроп» или «хохол». Как же называть украиноязычного или русскоязычного сторонника нынешнего киевского режима?

В Херсоне и Запорожской области, к примеру, местные украинцы называют таких людей «кастрюлями» или «кастрюльками» (если особь молода и симпатична). По моему, очень мило! И главное, политически верно.

Укропропаганда часто противопоставляет местных жителей (своих) с пришлыми завоевателями из Гипербореи. Мол, пришли москали и отбирают землю, баб, активы и смыслы...

А между тем вот зарисовка с натуры. Март месяц 2022-го, только отгремели бои за Херсонскую область. Девушка из Новой Каховки вместе с гумконвоем из России

въезжает на площадь перед администрацией родного города. Выходит из машины и смотрит на окно квартиры, выходящее на площадь. В окне виднеется курящий мужик в трусах. Он смотрит на девушку, она смотрит на него, тычет пальцем и кричит задорным голосом: «Эй, вы живёте в моей квартире! Как вам? Удобно?»

Эта девушка просто вернулась домой восемь лет спустя. Вернулась туда, откуда её изгнали. Туда, где у неё отжали жильё, поломали карьеру, разорвали социальные связи. Эта девушка, кстати, сейчас занимает немалый пост в правительстве Херсонской области.

И нас тут таких много, мы просто идём домой, туда, где у нас украли детство, туда, где нас ждут.

Херсон, Киев, Одесса, Кишинёв, Рига, Двинск...

У кого-то украли в 2014-м, у кого-то в 1991-м.

Какая разница. Мы возвращаем своё.

А москали? Как и в прошлый раз, нам помогают. Спасибо им! Дякуємо!

Но война рано или поздно закончится, и местные начнут искать крайних. Людей, на которых можно будет скинуть все грехи. Из коренной России этого, может, и не видно. Но из Херсона очень даже заметно. Давайте, наконец, произнесём это вслух: на Днепропетровском клане и вообще на выходцах из Днепропетровска лежит основная вина за сегодняшнюю ситуацию на Украине.

Именно Днепропетровск начал строить «Нероссию» и играть в многовекторность. Именно он предал общее дело юго-востока и дал возможность западенцам прийти во власть при Ющенко. Именно в Днестре были самые правые фанатские группировки, которые впоследствии стали базой для нацбатов. Именно этот город стал моделью украинизации для всей страны (типичный пример – русский мальчик Дима Ярош, превратившийся в Дмитра Яроша). Именно днепропетровские вырастили и выкормили галицийскую фронду в пику Донбассу. Именно этот клан приватизировал и продал советское наследство и довёл Украину до дефолта под названием Майдан.

Поэтому в прекрасной Украине будущего (так где «Слава Украине в составе России!») никакой Днепропетровской области не будет. Её можно поделить между соседями, можно перенести столицу в Кривой Рог, а сам город Днепр засыпать слоем соли толщиной в 12 см.

Dnepropetrovsk delenda est!

И привыкать к этому нужно уже сейчас.

Кстати, по данным ВСУ, наибольшие потери среди украинской армии понесли выходцы из Днепропетровской области.

И это понятно.

Днепропетровский клан и есть мотор этой гражданской войны.

Именно поэтому днепропетровские и несут на себе основную тяжесть этого противостояния.

А вы вообще задумывались, почему именно Украина и именно украинский национализм?

А это привет из XIX века и из Первой мировой войны.

Младобуржуазные национализмы разрушили все европейские континентальные империи: Немецкую, Австрийскую, Османскую. Буржуазный национализм – это убийца империй. Но вот с Российской империей не получилось. После метаморфоз

революции империя переродилась в СССР.

И в первую очередь, потому что Причерноморье удалось отстоять. Помните, где воевали Гайдар, Бабель, Котовский, Буденный, Шорс? «Это было в степях Херсонщины...» – если обобщать.

Сейчас ситуация примерно та же. Попытка разрушить обновлённую империю. Ограбить народы империи, перенести на нашу территорию свой кризис.

И вновь тараном выбран буржуазный национализм.

И именно поэтому в окопах Донбасса можно встретить людей со всей империи. Эти люди воюют здесь не с украинским национализмом, а с национализмом своих стран.

Выходцы из Казахстана видят через прицелы своих автоматов прищур казахских националистов.

Осетины и абхазы слышат грузинский акцент в криках на украинском.

Жители Приднестровья вспоминают зверства спецотряда «Бужор» и сравнивают их с «Айдаром».

«Украинский национализм» – это сегодня совокупность колониальных идеологий, группа коллаборант-идеологов.

Грузинские, белорусские, горские, степные сепаратисты объединились, чтобы не допустить восстановления нашей Родины.

Теперь любого русофоба можно называть укронацистом – определение будет верным.

Такие дела.

2022 год. Однажды в страшную августовскую жару продирался по дебрям Херсона в поисках культурных артефактов. И таковы были найдены мной во дворах у центральной улицы.

В кустах жимолости, по-девичьи скромно, стояла статуя советской пионерки с книгой в руках. Прекрасный образчик советского реализма. Юность и книга, стремление к знаниям и работа над будущим. Оптимизм и классические пропорции.

Остановился полюбоваться. Каково же было моё отвращение, когда при ближайшем осмотре обнаружились чисто украинские подробности. Чья-то заботливая рука пририсовала название книге «Mein Kampf», а на отвороте каменной рубашки накарябала свастон.

Меня смутили даже не нацистские «правки» в советское творчество, а место этих правок. Статуя девочке располагается буквально в трёх метрах от Союза художников Украины по Херсонской области. Буквально три метра.

Вот такая инсталляция.

Ну, предположим, что надписи добавили не сами «художники» (хотя почему бы и не предположить), но уж исправить эту гадость художники могли бы. Но не исправили. Теперь понятно, с кем вы, мастера культуры Херсонщины.

В этой статуе вся сегодняшняя Украина.

Советская девочка, на которую через голову натянули каменную рубашку цивилизационного кризиса Европы.

А взрослые дяди из Киева и других городов смотрели на этот процесс и...

занимались своими делами (зарабатывали, спали с мужчинами и женщинами, пили, ели, срали).

Основная проблема Украины даже не в том, что там в качестве ведущей идеологии используется нацизм. А в том, что укронацизм – это нацизм колонизированного Западом народа. Эрзацнацизм для аборигенов. То есть нацистские зверства прилагаются, а экономического процветания для аборигенов не предусматривается.

[Глава 12. Осень в Херсоне. Референдум и отступление]

В сентябре 2022-го в Херсоне, как и во всей России, начался учебный год. Но, в отличие от остальной России, в образовании Херсонщины есть специфические проблемы, несвойственные остальной Родине. Во-первых, учебный процесс сопровождается ракетными обстрелами города. ВСУ долбят «Химерсами» и «Точками». Но и это не самое неприятное.

Самое неприятное это:

1. Затаившиеся.

Директора школ и преподаватели, симпатизирующие хунте и продолжающие тайно преподавать по киевским программам в стенах школ.

2. Саботажники.

Родители, переводящие детей на дистанционное/домашнее обучение. При этом они прикрываются благой целью обеспечения безопасности ребёнка, но одновременно калечат психику детей украинскими учебниками и видеуроками истории из Львова. Не все, кто переводит детей на дистант, – это саботажники, но все саботажники перевели детей на дистанционку.

Затаившихся необходимо выявлять и лишать возможности работать с детьми. Саботажникам необходимо разъяснять последствия их действий, а именно: маргинализация, отсутствие перспектив социального роста их детей, политическая шизофрения в будущем.

Необходимо раз в месяц тестировать знания детей, обучающихся на дому, и при выявлении серьёзных пробелов знаний или понимании того, что обучение ведётся не по школьной программе Херсонской области, настойчиво рекомендовать родителям переводить детей на очную форму обучения.

Это важнее, чем даже взять Киев...

И в сентябре же, с началом учебного года, ВСУ начали лупить по херсонским школам. Стрелять по школам, как по мне, это уже через край. Пока они лупили по административным зданиям, мы кривились, но молчали. Да, там работают гражданские люди, но они знали, куда шли, и это был их выбор. Но закидывать ракетами школы, колледжи, детские сады – это верх подлости. В этих заведениях учатся наши дети, те, ради кого мы живём на этом свете. Укры посягнули на самое святое, что у нас осталось, и теперь мы будем беспощадны. Не надо было это делать.

ВСУ ударили по колледжу, а ведь там рядом всегда много детей. На спортплощадке, через дорогу, в песочнице, во дворах за учебным заведением. А соседние дома? В них тоже живут мирные, гражданские люди. За что пострадали они? Или хохлы мстят за наше участие в подготовке к референдуму? Если так, то знайте, мы не хотим с вами жить в одной стране. Оставьте нас в покое. Мы сами будем решать свою судьбу. Без вас.

Вы думаете, ваши обстрелы вам помогут? Я разговаривал с людьми разных возрастов сегодня у колледжа. Если переводить на литературный язык то, что про вас думают, то это звучит так: «ВСУ – нехорошие люди, Зеленский ответит перед судом за все его преступления. Сколько бы времени, не прошло, он предстанет перед нашим судом, и пощады не будет».

Хочет ли Херсонщина проведения референдума о присоединении к России?

Очень хочет.

И вовсе не для того, чтобы оформить отношения официально. Штамп в паспорте –

это, конечно, страховка, это ответственность сторон, контракт, обязательства соблюдать и выполнять клятвы и обеты. Бумажка – это надёжно. Россия защитит, Россия поддержит, даст твёрдую основу нашего будущего.

Но референдум тут хотят не для этого.

Может, местные хотят защиты от сошедшего с ума наркоши, который превратил их жизнь в ад? Это тоже немаловажно, но, конечно, не главное.

Может, они соскучились по порядку, законности, стабильным отношениям? Да, и это так, но и эти блага не составляют подавляющих аргументов в пользу референдума.

Может, жители Причерноморья хотят подвести черту под предыдущим этапом их жизни, сказать «пока-пока» тем, кем они были последние тридцать лет? Может быть. Действительно, люди здесь хотели отказаться от себя, стать кем-то другим. Забыть про своих предков, про отцов и дедов, про Победу, про то, что они великий народ, ну или как минимум его весьма немалая часть. Но и это не главное.

Или вот ещё версия. Референдум – это возможность начать жизнь с чистого листа. Новая жизнь – подарок судьбы. Есть такое мнение. Но и оно не совсем точно отражает ситуацию. На самом деле всё проще. Они хотят референдума... чтобы быть.

И всё. Они хотят, чтобы их голос был услышан. Хотят, чтобы от них что-то зависело.

Ну хотя бы их будущее. Или будущее их детей. Хотят отношения к себе как к людям, а не как к послушному стаду, что ведёт на убой гамельнский игрок на дудочке из Киева. Да даже и не из Киева, а откуда-то вообще непонятно откуда. Из каких-то неведомых и голубых далей. Сладкоголосый Кот Баюн-Арестович назвал их быдлом, недостойным прав, холопами новых шляхетско-магнатских панов. Его голосом шепчут жадные подонки из Брюсселя и Вашингтона. Референдум – это шанс доказать им всем, что они жестоко ошиблись, записав местных в рабов.

Тысячи раз наша либеральная оппозиция обвиняла российские власти в фейковых выборах на территории России. И бывало, что не без оснований. Действительно, способов поднять явку и привести к желаемому результату итоги выборов много. И никогда сомнительность этих способов не останавливала ни местные избиркомы, ни региональное начальство, ни московских партийных бонз. Но в Херсоне всё было иначе. Власти решили действительно включить режим «демократия». Может, не все ещё горшки побиты между Кремлём и западными плутократами, а может, план ещё хитрее.

Референдум на освобождённых территориях решили действительно провести, причём заранее зная, что его не признают ни в Киеве, ни в Брюсселе, ни в Вашингтоне. Говорящие головы из телевизора объясняли столь странное желание демократических процедур необходимостью продемонстрировать Китаю, Индии и другим нейтральным странам законность присоединения к России «степной четвёрки»: ЛНР, ДНР, Запорожья и Херсона. Мне видится это объяснение слегка надуманным. В нынешнем мире отношение соседей к твоим внутренним делам никого не интересует. Это похоже на то, как люди в больших городах живут, не зная соседей по лестничной площадке, и не испытывают по поводу этого никакого дискомфорта. Можно было никого и не спрашивать. Но спросили.

Мне думается, референдум был организован для самих жителей этих регионов и для кремлёвского начальства одновременно. Жителям Новороссии дали возможность высказать своё мнение о путях развития региона, и одновременно взвалили на них всю ответственность за те последствия, которые обязательно произойдут в результате их выбора. Обстрелы, разрыв связей с Киевом, экономические неурядицы, возможная война и прочие «радости» – теперь это целиком и полностью на совести местных жителей. Русская армия на этот раз

выступила в несвойственной для себя роли, альтернативного мнения. Если раньше выбора у херсонцев не было, то русская армия дала им подарок в виде возможности этот самый выбор сделать.

Как это работало? Первые два дня по всему городу и области в людных местах находились «летучие» избирательные участки по 4-5 человек. Состав такой: два представителя избиркома, охранник в гражданском (из местных), иностранный наблюдатель и стоящий неподалёку военнослужащий в форме. Представители (чаще всего женщины в медицинских масках, реже мужчины) записывали данные голосующих, выдавали ручку и бюллетень, после чего фиксировали момент опускания бюллетеня в урну для голосования. Количество выданных бюллетеней сверяли с количеством находящихся в урне уже вечером.

Голосование проходило два-три часа, затем столик и урны переносили на другую точку – на рынок, в скверы, тусовочные молодёжные локации, автопарковки. Это делалось в целях безопасности. Такие мобильные пункты для голосования труднее атаковать как посредством диверсантов, так и при помощи артиллерии. Напомню, если вдруг кто забыл – город Херсон который месяц под постоянными обстрелами ВСУ...

Через какое-то время гражданский и военный охранник подхватывали столик и пешком шли два-три квартала к следующей «электоральной локации». За ними семенили женщины с урнами, набитыми бумагой – бюллетенями.

Наблюдателям запрещено было прикасаться к урнам, поэтому они шли сзади налегке. Казалось бы, условность. Но исполнялось строго, как будто бы от этого зависел исход голосования.

В третий и четвёртый день к мобильным участкам добавился электоральный обход. Представители избиркома ходили по домам и предлагали проголосовать жильцам по месту жительства. Причём как во дворе, так и на лестничных площадках. Маломобильные граждане, а также люди, опасющиеся мести от киевской хунты, с большим энтузиазмом голосовали в полумраке подъездов. Вот уж где голосование было действительно тайным.

Все эти дни по городу била украинская реактивная артиллерия. И по мосту, и по учреждениям, и по Речпорту, и по жилым домам. ПВО, российская противовоздушная оборона, отрабатывала на дальних подступах. Шуму было много, но прилёты единичны.

Хорошо работали бойцы ПВО. Однако без жертв не обошлось. Погибло несколько человек, более десяти было ранено. Все гражданские. Ну то есть, просто говоря, мирные люди, живущие в городе.

К началу четвёртого дня, когда явка превысила 50 % и стало понятно, что референдум состоялся, всё немного подуспокоилось. Как говорят, «выдохнули».

По улицам начали ходить люди и спокойно интересоваться друг у друга, проголосовали ли они. Жители города реально не представляли, что их так много. Запуганные бандерьём, каждый из них считал себя маргиналом и изгоем в «огромном море» укропатриотов. И вдруг выяснилось, что это не так.

Да, проукраинские настроения есть, но они не столь велики, как считают в Киеве и Москве. Возможно, и это осознание было одной из целей проведения референдума.

На пятый день к предыдущим формам голосования добавилось голосование на стационарных участках. Это была уже чистая проформа. Картинка для СМИ. Все, кто хотел проголосовать, уже это сделали в предыдущие дни.

Явка очень высокая, организовано было качественно и чётко. Растянули во времени явку, не допустили массового скопления людей в одном месте. Не подвергая опасности людей, собрали нужную явку, и всё... Рыбка задом не плывёт. Референдум состоялся. Итоги в ближайшие три дня. В результатах я не

сомневаюсь. Галочку напротив слова «так» поставило квалифицированное большинство.

Теперь слово и дело за московским начальством. Признают ли? Присоединят? В каком статусе? С каким названием? Скоро узнаем.

Ну а лично я, наблюдая за референдумом в Херсонской области, вспоминал другой референдум.

17 марта 1991 года был референдум о сохранении СССР. В Молдавии его назвали «кровавый референдум». Вопреки всем демократическим нормам и либеральным мантрам, в которые многие верили в 90-е годы, власти тогдашней МССР делали всё, чтобы не допустить волеизъявления граждан.

Милиция и румынские боевики врываются на избирательные участки, избивали голосующих, наблюдателей и членов комиссий.

Сжигали бюллетени и ломали урны для голосования. Я это говорю со знанием дела (в тот день избили моего отца, да и мне досталось).

И, несмотря на это, люди шли и голосовали за единство нашего народа. Им в лицо кричали, что не признают итоги референдума, а они всё равно голосовали. Демократический Запад нарушений, конечно же, не заметил.

Сейчас идёт референдум в Новороссии. И снова стоит вопрос о единстве нашего народа.

Теперь власти бывшей УССР делают всё то же самое, что и власти Молдавии в 1991-м – только дистанционно. При помощи ракет.

Люди гибнут каждый день для того, чтобы у других людей появилась возможность высказаться. Кровавый референдум в Херсоне, Мелитополе, Донецке, Луганске.

Удивительно! Каждый раз, когда мой народ хочет высказаться за своё единство, его бьют, его жгут, в него стреляют, его бомбят. Ну и конечно же, кричат, что не признают итоги референдума.

Демократический Запад верещит о нелегитимности. Странно. Я не вижу нарушений. Всё до крайности демократично.

Вы можете не признавать наше волеизъявление. Нам всё равно. Мы, наконец, поняли, что такое референдум. Это когда решение нашего народа можно подкрепить силой нашей армии. Спасибо за науку!

Во время проведения референдума на границе Херсонской и Николаевской областей умирали русские солдаты. Для того, чтобы русские люди в Херсонской области могли спокойно проголосовать на референдуме за право стать частью России. Это ли не подвиг?

На следующий день после референдума пошли проливные дожди. Вода смывала остатки Украины. И все изменилось кругом. Изменились люди. Вы заметили? Какие лица у людей на улицах? Как похорошели херсонские женщины? Как распрямились спины у мужчин?

Раньше горожане смотрели друг на друга с подозрением. Наш? Не наш? Кто разберёт, что за человек перед тобой. Чужая душа – потёмки.

Каждый в глубине души считал себя одиночкой, изгоем в огромной толпе кастрюлеголовых активистов. И вот после референдума выяснилось, что пророссийских много, очень много. Что они не должны прятаться от своих соседей, от своих родственников, от знакомых. Мы – это мы. Мы здесь живём: русские, украинцы, татары, греки... И все мы Россия. Нам не нужно никуда переезжать, никуда бежать. Просто мы отряхнули с одежды какую-то пыль, нанесённую ветром

истории, умылись, взглянули на этот мир свежим взглядом и поняли: «Мы дома».

В душе у херсонцев праздник. Я понимаю, что официальные торжества ещё не скоро, не та обстановка, но в сердце моем ликование и радость. Мне по мессенджеру набрали знакомые и друзья, поздравили. Не только с Херсона. Позвонили из Николаева, Одессы, Киева, Черкасс, Кривого Рога. Все наперебой кричали, что не верили в то, что референдум пройдёт в Херсоне. Я их всех спросил: «А верите ли вы в то, что мы завтра станем Россией?»

Верят. Теперь они готовы поверить в любое чудо. Потому что то, что мы все сделали за последние шесть дней, – это чудо! Причём чудо для всей Украины. Мы подарили всей Украине надежду.

Встречался в начале октября 2022-го с представителями херсонской интеллигенции. Представители творческой и научной элиты задавали вопросы, я, по мере своего разумения, отвечал. Очень они переживают «за украинский язык и за украинскую культуру». Что с ними будет при России? Не будет ли ущемлений и запретов?

Сказал им следующее.

В России есть два взгляда на этот вопрос. Выходцы с Украины в Кремле, как это ни парадоксально, придерживаются мнения, что всю эту фольклорную возню надо прекращать. Все эти вышиванки, веночки, бандуристов, оселедцы, трембиты и прочее средневековье. Видимо, их этим перекармлили в детстве, вот они и воротят от этого нос.

Второй взгляд можно условно назвать «интеграционным». Его лозунг: «И это тоже мы». Он подразумевает, что Петр Могила – это деятель культуры не только Украины, но и России, и Молдавии. Что Котляровский, Левицкий и Старицкий писали и на русском, и на украинском. Что Григорий Сковорода – это наше общее достояние, и делить его не представляется возможным. Что пора наконец преодолевать шизофрению постфеодальной раздробленности и сблизить языки. Что без украинской цветастой, южной культуры нет покоя в русской душе, и наоборот, без северного скептицизма наша украинская душа теряет связь с реальностью и забывает о себе.

Я сказал, что запрета на украинский язык нет и никогда не будет, в подтверждение чего дальнейшая беседа проходила на украинском языке. Сказал, что украинская культура моя так же, как и их. Сказал, что принимаю и понимаю ее во всей полноте и сложности. Сказал, что изучать проблемы можно любые, а вот возвеличивать и героизировать нет. Сказал, что никогда не будет в Херсоне памятника Коновальцу, Бандере, Шухевичу и прочим деятелям.

А еще я сказал, что изучение общерусского диалекта нашего языка (в России его называют русским) обязательно, и это никто не отменит, а изучение нашего местного диалекта – это выбор и желание родителей и семьи в целом, и это тоже не отменить.

Так я ответил на их вопросы. И мы разошлись по домам, довольные друг другом.

Самое смешное, что я не представитель власти, не министр образования и не имею инсайда из Кремля. Я просто человек с практическими навыками, здравым смыслом и жизненным опытом, высказывающий свои суждения. Я описал просто наиболее удобный и правильный вариант развития событий, который бы всех устроил. И по приходе домой прочитал в интернете постановление Конституционного суда РФ с комментариями от ведущих российских экспертов. Все так, как я и говорил. Россия – страна здравого смысла! Нам так этого не хватало.

И еще про мову...

Иду вчера вечером мимо парка Ленина/Шевченко, никого не трогаю. Смотрю,

повесили новый баннер. На баннере изображён артист Евгений Матвеев (он уроженец Скадовского района Херсонщины). Это тот дядечка, который снял фильм «Любить по-русски». Мама у него украинка, папа русский... В общем, отличный агитационный материал. Политически грамотный и верный. Остановился сфоткать. А тут мимо идёт компания местных. И на чисто украинском задаёт мне вопрос: «А що тебе нэ подобається? (не нравится) Чому фотографіруєшь? Може думаєшь, що при „вонючках“ краще було?» Я с дуру ответил на украинском. А это, оказывается, была проверка.

Ну и дальше была попытка физического контакта...

«Вонючки» – это свидомиты. Так их здесь называют потому, что в разговоре используют слово «воно» (оно). В общем, если каждый день стрелять по городу из «химического» оружия, стоит ли удивляться, что хунтят назовут «вонючками». А я что? Жить в прифронтовом городе и попасть под раздачу не украинских ДРГ, а русских патриотов – сомнительная честь. Поэтому применил тайный прием ниндзя – «дал стрекоча».

В середине октября стало понятно, что грядёт буря.

Обстановка в Херсоне напряжённо-спокойная. Необычно сильная канонада на фоне очередей за обоями. Или очереди за обоями на фоне сильной канонады. Я немного запутался... (На обои скидка 50 %.) В Херсоне напряжение разлито в воздухе. Такое ощущение, что люди, покидая город, оставляют в нем частичку своего беспокойства.

В Херсоне чувствуется беспокойное одиночество улиц. Одинокие велосипедисты и троллейбусы с одинокими водителями внутри. Редко пройдёт пешеход. Если на улице появилась парочка – это прямо событие. Одинокий город на правом берегу великой реки.

Но это одиночество кажущееся. Все мы, жители нашего любимого города, уезжая из него, уносим с собой частицу Херсона. Мы как будто привязаны к нему сердцем, невидимой путеводной нитью. И недаром наш город носит древнее элладское название – это нить Ариадны. Как бы далеко ни забросила нас судьба, по этой спасительной нити мы всегда найдём дорогу домой. Поэтому город не пуст и не покинут. Херсон ждёт. Ждёт нашего возвращения. После нормализации ситуации он будет звать своих сыновей и дочерей. А мы, херсонцы, должны будем услышать этот зов и... вернуться.

Сейчас за тридцать секунд докажу, что происходящее на Украине – это не оккупация, а освобождение. Причем на тяжёлом примере оставленных нами городов: Купянска, Изюма и др. Вы можете представить, чтобы оккупанты, что в глубоком тылу, что на фронте, что в столице, переживали о судьбе коллаборантов из представителей туземного общества? А можете представить слова – «Да хрен с ним, с Купянском, а людей жалко, что остались. Не успели вывести. Бросили под нож» – из уст немецкого, английского, французского... украинского офицера? А ведь он эти города брал, за взятие этого населённого пункта умирали боевые товарищи этого офицера. А вы говорите оккупация! Нет! Освобождение!

О ситуации на Херсонщине в конце октября 2022 года лучше всего сказал в нашем Русском символе веры наш любимый проповедник Аркадий Гайдар. «Эй, вставайте! – закричал он в последний раз. – И снаряды есть, да стрелки побиты. И винтовки есть, да бойцов мало. И помощь близка, да силы нету. Эй, вставайте, кто еще остался! Только бы нам ночь простоять, да день продержаться...»

И про Мальчиша-Плохиша всё верно угадал Гайдар, и про чёрные бомбы и жёлтые снаряды, и про великую измену, и про нашу самую главную военную тайну. И про буржуинство ни слова не соврал.

Мы в Херсоне верим в то, что, как буря, как громы, как молнии, как ветры, как тучи, пронесутся красные знамёна. Так придёт к нам Красная армия. И как ручьи,

сбегая с пыльных гор, сливаются в бурливые, пенистые потоки, так же при первом грохоте войны забурлят в Горном Буржуинстве восстания, и откликнутся тысячи гневных голосов и из Равнинного Королевства, и из Снежного Царства, и из Знойного Государства. Вот такие мы наивные люди... Жители русского Херсона.

Мирные жители бегут от киевских «визволителей» на левый берег Днепра и в Крым. В Херсонской области объявлена эвакуация с правого на левый берег Днепра. Это связано с тем, что, возможно, будут разрушены дамбы и шлюзы Каховской ГЭС при помощи спуска туда противолодочных мин. И тогда резко поднявшийся уровень воды может смыть все, что находится ниже Каховки, включая город Херсон. Это одна из версий.

Честно говоря, я её не особо рассматриваю. Скорее всего, дело связано с тем, что подходит большое количество неприятеля, вооружённого достаточно тяжёлой артиллерией. Неприятель идёт и с Бериславского направления, и с Кривого Рога, ну и поддерживается с Николаева. Соответственно, будут серьёзные бои и, возможно, артиллерийский обстрел города Херсона. Для сохранения мирных жителей их решили эвакуировать. Эвакуация идёт как в частном порядке, так и в государственном.

Государственная происходит при помощи паромов, которые перевозят всех на левый берег Днепра. Перевозка происходит как вместе с автомобильным автотранспортом, так и пешим образом при помощи мобильных лодок, моторного транспорта, катеров. Организация достаточно неплохая. В первую очередь уезжают дети, женщины, бюджетники. Об эвакуации объявили в первую очередь врачам, учителям и администрации. Общался с очень многими людьми из руководства области – они продолжают работать. В частности, люди в статусе министров остаются в городе.

Люди, которые приехали на левый берег Днепра, будут располагаться в санаториях на берегу Азовского и Черного морей и будут вывозиться в Крым и Краснодарский край. Настроение у людей нормальное. Транспорт работает, электричество не отрубили, вода продолжает поступать, магазины полны продуктов. Из новшеств – только огромное количество военнослужащих появилось на улицах, которые бесплатно, по договорённости с администрацией, питаются в некоторых столовых, не оплачивая, а предоставляя талоны. Надеюсь, город будут перевести на осадное положение. Соответственно, хотят разгрузить город от людей, чтобы минимизировать поставки продовольствия, не связанные с военнослужащими. Перебоев со связью и интернетом также не отмечено. Город живёт нормальной жизнью, работают такси. Стоит отличная погода, солнечно, очень тепло. Гуляют мамочки, гуляют дети. Где-то в отдалении слышна канонада, но никаких панических настроений в городе не наблюдается. Цены на продукты также не изменились...

Как проходит эвакуация из Херсона? Нормально проходит.

Сегодня у «Фрегата» и Речпорта были организованы переправы. Женщины, дети, старики, целые семьи на автомобилях со своими пожитками грузились на паромы и переправлялись на левый берег.

Продолжают работать и частные речные «извозчики», и прогулочные катера. Люди покидают Херсон... По многим причинам. Спасаясь от обстрелов ВСУ, люди уходят за Днепр. Конечно, многие опасаются, что город падёт и укрокаратели ворвутся в город, неся смерть и разрушения. Несомненно, есть люди, просто поддавшиеся панике. Но! Я знаю ещё одну категорию граждан. Они хотят продолжать работу на благо Херсона и России вообще. Эти люди понимают, что чем меньше гражданского населения останется в городе, тем легче его будет снабжать пищей и припасами, медикаментами и одеждой, и тем самым высвободить ресурсы для поставок российским военнослужащим. Чем меньше вооружённые силы России будут отвлекаться от своего прямого дела, тем лучше. Магазины, рестораны, транспорт – работа всего этого отвлекает армию от того, что они умеют лучше всего. А это, конечно же, скажется на обороноспособности

нашего города.

Ещё никогда в истории не было так легко проявить свою гражданскую позицию, свои патриотические чувства.

Хочешь помочь родному городу? Хочешь помочь его обороне? Всё просто – перебирайся на левый берег Днепра! Наши парни в камуфляже всё остальное сделают сами.

Человек слаб и потому боязлив... И ещё больше он боится чужой слабости, особенно слабости государства, даже показной слабости.

В Херсоне все начали тренироваться в украинском языке. С непривычки выглядит так себе. Поправляя и перебивая друг друга, херсонские тётки и херсонские дяди вспоминают наиболее обычные обороты украинской речи. Без практики здесь не обойтись.

Думаю, если укров отгонят от города, число таких «филологов» резко уменьшится...

Первого ноября 2022 года я записал в своём походном дневнике.

- 1. Арта работает в пригородах по укр. Канонада слышна в городе везде.*
- 2. Покушение на начальника ФСИН неудачное, погиб случайный прохожий.*
- 3. Из городского СИЗО вывезли подсудимых.*
- 4. Общественный транспорт работает.*
- 5. Продукты питания в городе есть.*
- 6. Связь и электричество с перерывами, но есть.*
- 7. Днепровский рынок работает.*

Сегодня было до двадцати тепла и очень солнечно... Приезжайте к нам, у нас жарко.

Вообще, происходящее в Херсоне носит поистине библейский масштаб.

Не побоюсь этого слова, исход мирного населения... Идут женщины и мужчины, старики на костылях и дети, девушки и парни в спортивных костюмах. Настоящий исход. Фараон из Зели получился отличный.

По Херсону ездит патрульный автомобиль, и металлический голос из его динамиков рекомендует людям покинуть город: «Существует опасность вашей жизни, сохраняется террористическая угроза, эвакуация осуществляется речным транспортом...»

В кабаке «Аль-Капоне», что на Университетской улице нашего родного Херсона, в субботу был праздник. Играла бравурная музыка, исполнялись гимн УПА и прочие бандеровские музыкальные композиции. Нездоровый румянец играл на лицах присутствующих, в глазах светился огонёк садизма.

Что же праздновали посетители? Харьковскую перемогу! Даже не так. Праздновали день скорой мести. Посетители обсуждали количество населённых пунктов, отбитых ВСУ у «русни», и те пытки, которым скоро подвергнутся люди, которые получили там российское гражданство. Это был самый главный момент встречи соратников. Выражалась надежда на наличие полных списков «коллаборантов». Пили за скорое «освобождение» Херсона и за наши, местные списки. Участники застолья предлагали себя в качестве экзекуторов и палачей и соревновались в остроумии и изобретательности в сфере причинения боли людям.

Чудесные люди, если подводить итог этих посиделок.

Глядя на подобные мероприятия, начинаешь сомневаться в оправданности российского гуманизма по отношению к «кастрюлям». Эти люди не изолированы от общества, не находятся на контроле у соответствующих органов, свободно излагают свои человеконенавистнические мысли. А нормальные жители города молчат. В эти самые «местные» списки вносят ведь не только пророссийских активистов, но и просто недостаточно восторженных граждан, людей с критическим мышлением, тех, кто ставит хоть под какое-то сомнение происходящее на Украине. Это как в тоталитарной секте. Гуру всегда прав, даже если это кровавый клоун. А адепты секты готовы на любой самый ужасный поступок ради своего фюрера. Они готовы «освободить» Херсон от всех жителей города.

2 ноября 2022 года объявлено отселение из ряда левобережных районов. Из известных в России населённых пунктов это Алёшки и Голая Пристань. Это связывают с возможным затоплением данных территорий при прорыве Каховской ГЭС.

В Херсоне на уровне министерств поговаривают о принудительной эвакуации жителей. На данный момент это не сложно, город почти пустой.

В связи с небольшим количеством оставшихся жителей продуктовый вопрос решается просто. В город запускают только машины, гружённые продуктами питания.

В Херсоне после недельного перерыва вновь открылись столовые и кабаки. Народ снимает стресс едой и питьём.

«Линия Сурувикина» проглядывает всё отчётливее. Стройка идёт полным ходом.

Из интересного – начали привлекать местных жителей для рытья окопов и подсобных работ. Указ о военном положении позволяет это.

Административные органы вывезены из Херсона и распределены по левобережным городам Херсонской области. В первую очередь в Скадовске и Геническе.

Повторно объявлено о создании ополчения и об обороне города.

Памятник Тарасу Шевченко из Херсона не вывезен.

3 ноября 2022 года. После диверсии на электросетях в городе проблемы с электроэнергией. В трёх районах города нет газоподачи. Интернет и связь «мерцающая». То появляется, то пропадает.

Магазины работают в свободном режиме. Когда хотят открываются и закрываются. Общепит по большей части закрыт, но периодически открываются уличные кофейни.

Официальные заправки закрыты, неофициальные продают топливо по спекулятивной цене.

Завоз продуктов в город продолжается.

Выезд из города на левый берег пока возможен, хотя и затруднён. Въезд на правый берег проблематичен... но возможен.

Практически все плавательные средства из города выведены на левый берег или затоплены.

Самое главное, в городе отличная солнечная погода... Это немного помогает жителям психологически и, конечно же, в бытовом плане, так как обогрев домов без газа затруднён.

4 ноября я пошел записываться в ополчение. Думаю, хер вам, а не Херсон. Это русский город. Наш. Его Потёмкин строил, его Маргелов освобождал, его деды наши после войны восстанавливали. И тут на тебе.

Украина какая-то. Хер вам, а не Херсон. Прихожу в мэрию, спрашиваю про ополчение и самооборону. Никто об этом ничего не знает. Прихожу в дом правительства, а там секретутки бродят по кабинетам и охеревают. Глаза у них как у зомбарей. Страхом от них воняет, даже духи не помогают. Ночью кто-то размародёрил правительство. В здании бардак. В одном кабинете на столе кучу говна навалили. Вынесли всё, что можно и сломали всё, что нельзя.

Пошёл тогда в ментовку центральную. А там никого. Представляете? На весь город ни одного мента, гаишника, прокурора, судьи. А троллейбусы ходят, магазины работают и люди друг друга арматурами не забивают на улице. По крайней мере пока. Вот как тут анархистом не станешь? Государства нет, а люди живут! И вот когда я вышел из пустой «мусарни», мне стало страшно.

А ночью так вообще судорога свела. Проснулся от кошмара. Снилось мне, что еду по Бериславскому шоссе в сторону вокзала. То ли раннее утро, то ли туман. Не видно ничего. Не темно, а как-то серо кругом. Сворачиваю на Ушакова и еду в сторону Днепра. Остановившись на пяточке у гостиницы «Фрегат» и вдруг понимаю, что за всю поездку не увидел ни одного орка. Ни единого, камуфлированного, кривого, косоного, бедолажного русского, родного нашего военного. Смотрю на Днепр, а над ним солнце встаёт. Как помидор красное. И тени начинают падать. От меня, от порта, от «Фрегата». И тени тоже красные. И длинные такие. Оборачиваюсь и смотрю на эти тени. И где они заканчиваются, стоит блокпост, и над ним укропский флаг болтается. Никого в городе нет вообще. Я точно теперь знаю. Никого. Только я и вэсэушники эти на блокпосту. Они смотрят на меня, я на них. Проснулся от холода в животе, как будто ножом в брюхо засадили. Как хохлы говорят, прям жаж.

8 ноября я зашел на штрафстоянку брошенного херсонского ГИБДД и с удивлением обнаружил с десятков дорогущих автомобилей («майбах» и пара «мерседесов» точно были) с ключами и документами. «Гайцы» бросили их, не имея возможности вывезти. Покатался на «майбахе». Очень приятные ощущения. Хорошая машина. Даже на Херсонском бездорожье. Не жалеючи, подгазанул по трассе...

А между тем в городе наши военные начали жечь машины. Оставляли прямо на обочинах, обливали бензином и бросали долгоиграющие спички из сухпаев. Машины ярко горели и никогда не взрывались. Местные с ужасом смотрели на эти ритуальные костры, на которых сгорали их мечты о России. От влаги, растворённой в воздухе, начали отклеиваться русские баннеры, наклеенные на старые украинские. Русь отваливалась от поверхностей большими неряшливыми кусками, похожими на застиранное бельё.

Утром 9 ноября я начал искать нашего товарища Иру. Съездил к ней домой, к её отцу, на явочную квартиру. Нигде нет. Это становилось проблемой. Сурувикин уже объявил об уходе из Херсона, но Ира наотрез отказывалась в это верить и не собиралась уходить из города на Левый берег. Она была уверена, что это такой тайный манёвр, по заманиванию ВСУ в ловушку. Я отправлял ей смс-ки каждые пять минут. Это такой лайфхак. Такая смс-атака доводит до абонента информацию, даже если связь глушат. Всего тридцать-сорок смс, и абонент точно получит послание. Разве что с опозданием.

В районе Тавриков я увидел группу вооружённых людей в смешанной гражданско-военной одежде и укропских шевронах. Я дал по газам и полетел по Ушакова в сторону Днепра. Возле кинотеатра «Украина» уже топталось человек двадцать с украинскими флагами. Городские укры собирались встречать ВСУ. Они непонимающе смотрели на волгоградские номера моего китайского «корыта». Показал им фак и погнал в Антоновку. Там паром, там спасение. Если бы парома не было, у меня был приготовлен план Б.

В багажнике лежали насос и надувной матрас, на котором я планировал переправиться на левый берег.

Обычно, чтобы попасть на паром, нужно было отстоять многочасовую очередь, но в тот день я был единственным штатским пассажиром. Я вкатился на площадку парома, левее Антоновского моста, в тот момент как на мосту наши сапёры колдовали с проводами и взрывчаткой. Кроме моего автомобиля, на пароме стояли две армейские «Рыси». Парни, операторы понтона, покидали свои шмотки и инструменты на понтон, и мы отплыли. Всё. Русский Херсон закончился.

Утром я стоял на левом берегу и смотрел на Херсон. Наши сапёры взорвали «Антошку», прервав последнюю нить, соединявшую меня с Городом. Я почему-то подумал, что это лето было моими лучшими каникулами в жизни.

В это время пришла смс-ка от Иры. Она жива. За ней охотятся. Её ищут. В Сети появилось объявление, гласившее, что при её поимке сразу не убивать, сначала нужно группово позабавиться. Она едет вместе с отцом к гостинице «Фрегат».

Меня как молотком оглушило. За своим страхом я забыл про неё. Пришлось действовать быстро, грубо и незаконно. Применив физическую силу, заставил одного из «пиратов», стоящих в Голой Пристани, везти свой баркас через реку к «Фрегату». Я держал руку в кармане, изображая, что у меня там пистолет. «Пират» дико озирался на небо, на Херсон, на меня. Видимо, мой вид был страшнее остального, поэтому он правил к правому берегу. Когда мы подошли к причалу, там стояла Ира, её отец и несколько родственников. Мы сожгли их старенькие «жигули» и прыгнули в баркас. Из вещей у них были только документы и то, что было надето на них... Мы ушли из Херсона. Мы живы.

До 24 февраля мы жили в мире женских прокладок. Основной лозунг был «Вы этого достойны!». Тридцать лет мы жили в этом мире. И всё просрали...

Теперь мы используем прокладки для перевязки ран и засовываем их в мокрые берцы. Потому что у нас нет хорошей обуви и перевязочных пакетов.

Наш лозунг теперь – «Именно этого мы и достойны!». Эта мысль пришла мне в голову, когда я ступил на землю в ГоПрах (так зовут местные Голую Пристань) на левом берегу. Какие только глупости не проникают в голову под воздействием страха.

Мы оглянулись на Херсон, на дымящийся порт, на разрушенный Антоновский мост и отправились к нашей новой базе в городе Геническе. Там нам предстоит продолжить борьбу за Русский мир.

Проезжая мимо моста над шоссе на Каховку, на встрече мы увидели разорванный на две части внедорожник Кирилла Стремоусова. Изрешечённый пулевыми отверстиями, он мало походил на жертву автокатастрофы. Смешной балаболка Кирилл Стремоусов оказался единственным самураем Русского Херсона. Единственным, кто предпочёл смерть изгнанию. Честь и хвала этому человеку. Он придал нашему исходу именно ту степень трагичности, которая позволяет надеяться на наше возвращение. Насколько мне были смешны его несуразные интервью, настолько же выросло моё уважение к Кириллу после его странной «автокатастрофы».

Осень в Херсонской области прекрасна, как, впрочем, и любое другое время года. Для меня это знаковая пора, ведь этой осенью Херсонщина вернулась в Россию. У нас была Русская весна, когда на нашей земле громыхнула СВО, Русское лето промелькнуло мимо нас попыткой наладить мирную жизнь и жаркими ночами в районе Чернобаевки. Осень была не менее яростной и яркой. Референдум о присоединении к России – воспоминание, которое меня не покинет никогда.

А вот уход наших войск из Херсона и начало сезона дождей для меня стали тяжелейшим испытанием. Если через многие годы меня спросят, что мне запомнилось от этого времени, я отвечу – полинявшие знамёна и неряшливые

струпя линияющих рекламных баннеров. Каждый блокпост, каждый баннер, мимо которого я проезжаю, подвергается мною ревизии на момент сохранности и эстетической полноты. Наши знамёна выгорели на ветру и солнце наших степей, их побили осенние дожди. Эти же дожди напитали влагой баннеры с надписью «Россия здесь навсегда», и бумага начала отваливаться от площадей, открывая уродство украинской пропаганды, скрывавшейся под этими святыми словами.

Нам не хватает яркости бытия и ярких красок наших знамён.

Но я верю в Русскую зиму. Верю в то, что нет более русского времени, чем зима. Зима очищает от скверны и сырости. На фоне снега и моря даже поблёкшие краски выглядят ярко и насыщенно. Кроме того, никто не мешает нам обновить флаги на блокпостах и поклеить новые баннеры с лозунгом «Россия – это мы». И мы это обязательно сделаем.

После нашего ухода с правого берега в Херсоне начался шабаш безумцев. Задержали моего старого знакомого, промышлявшего всю жизнь речным извозом и покатушками по реке с девушками с низкой социальной ответственностью. Молодёжь Херсона, думаю, отлично его знала.

Игорю отбили внутренности, отобрали лодки, которыми он владел двести лет, реквизировали транспортное средство а-ля джип. Его вина была в том, что он перевозил людей за деньги с одного берега на другой. С левого на правый и с правого на левый.

Этого достаточно для СБУ.

Но дело в том, что Игорь никогда не был пророссийским. Он всегда был проигоревским. Интересы Игоря и его семьи для Игоря были выше и Украины, и России. И если Россию подобный жизненный уклад Игоря устраивал, то новую Украину – ни в коем случае. В этом и есть глубочайший тоталитаризм киевских властей. Ты не можешь быть против – тебя сразу убьют. Не можешь быть нейтральным – тебе отобьют ливер и отберут машину. Ты должен оголтело махать флагом, кричать речёвки про СУГС и постоянно соглашаться с правительством и его действиями.

Отключили свет, воду и газ? – «Слава Украине!» Убивают твоих соседей? – «Слава Украине!» Заставляют тебя потерять человеческий облик? – «Героям Слава!»

Игорь был нейтральный ждун. Время таких ждунов прошло. Теперь украинский ждун должен быть активный и деятельный. Иначе ему крышка...

Другого моего знакомого, работавшего в банке, прибили гвоздем-соткой к двери собственного кабинета. И пока он висел на прибитых руках, его били бутылкой по почкам. Он не был святым. Он был хитроvanом и аферюгой. Но библейские стигматы на руках превратили его в святого.

Ире постоянно присылают на телефон фотографии и видео пыток и расстрелов её подчинённых и друзей. Тех, кто не успел уйти или не верил в жестокость мутантов из украинской хунты. Одно видео мне особенно запомнилось. Молодой парень, по фамилии Макаревич, избитый до синевы лица и тела, абсолютно голый, по колено в воде, копает то ли могилу, то ли окоп. Идет мерзкий ноябрьский дождь, и армейские ботинки людей, стоящих на краю траншеи, испачканы светло-жёлтой глиной. После просмотра этих видео у Иры за ночь появилась седая прядь волос. Херсон навечно будет укором нам, русским. Как Изюм и Купянск.

Город был отдан на двухнедельное разграбление. Ждуны оказались обмануты. Вместо заботливой матери в город пришли звери. Европейские звери. От нэньки мало что осталось. Украина немало почерпнула у Европы за последние годы.

Вот, например, как раньше мародёрило ВСУ на Донбассе?

Обстреливали города и сёла, вынуждая большинство жителей бежать. Врывались в

дома оставшихся. Мужчин убивали, женщин насиловали и убивали. Шмотки и технику закидывали в пикапы и автобусы и отгоняли в ближайшую скупку. Деньги пропивали и тратили на придорожных жриц. Дикость. Славянский анархизм...

То ли дело сегодня. Европейский порядок в Херсоне. Население эвакуируют под предлогом невозможности поддерживать жизнь в городе. Журналистов не пускают в город. Потенциальных жертв объявляют сепарами и коллаборантами. Их квартиры и дома грабят, в полном соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Украины. Несчастных владельцев приглянувшейся «недвижки» или авто отправляют на принудительные работы по рытью окопов, а когда их силы заканчиваются, расстреливают, а тела выдают за жертв «кремлёвского террора». Безотходное производство.

Очень по-европейски. Порядок и дисциплина, почти немецкие порядок и дисциплина. Где есть хозяин и есть раб.

А ждун – это раб. Причём раб в самом худшем изводе этого понятия. Он родился рабом и гордится своим рабством. Он прямо пыхтит своим статусом раба, машет своими кандалами и восхваляет своего хозяина.

К чему я все это говорю? Да, как всегда, про свой любимый Херсон вспомнил. Всё началось летом. Когда моя соседка, баба Рая, женщина во всех смыслах добрая и положительная, заявила мне, что собирается оплачивать проценты по кредитам в Приватбанке. Я спросил у неё, все ли у неё в порядке с головой? Схема у неё была выстроена так: она получает от России материальную помощь, затем через разные карточки, комиссии и финансовые потери она переводила эти средства в гривны и закрывала очередной платёж в банке через одесскую подругу. Все мои увещания, что мы находимся в зоне боевых действий, что действует форсмажор, что платить по кредитам, за коммуналку, за толстосумов из Приватбанка, за ворюг из Рады, за Зеленского, за Украину... не надо. Всё это разбивалось о твердокаменное желание заплатить очередному Хозяину Жизни. Откуда эта черта в нашем народе!? Может, это последствие магнатского засилья? Может, годы перед Колиивщиной сломили наши гордые спины и ссутулили наши плечи? Я не знаю.

Бабу Раю хитростью загнали в долговую каббалу, лишив её дочку бесплатной и доступной медицины. Миллионы таких баб Рай брали кредиты в банках от безысходности, нищеты или государственной пропаганды. «Весь мир живёт в кредит» – уверяли нас. И украинцы брали в долг, под безумные проценты, превращаясь в вечных, пожизненных должников. В людей, с ужасом ждущих даты наступления очередного платежа, без единой надежды выбраться из этого кошмара.

С приходом России у херсонцев появился шанс сбросить с себя ярмо кредитного рабства, послать к чертям всех этих Бень, Фирташей, Ковальчуков и прочих банковских грабителей. Как в книжке про Республику Шкид: «Нынче вышел манифест – кто кому должен, на том крест». Русский человек, россиянин не должен ни Бене, ни другим банкирам. Это ему должны. Это у него западные транснациональные компании украли триллионы долларов, это у него их местечковые прихлебатели стырили миллионы рублей и гривен.

А ждун – это раб. Повторю это снова. В Херсоне, городе под украинской властью, на днях появились коллекторы от Бени и Ко. Под прикрытием укропских боевиков они выбивают из горожан долги за проценты, которые не платились с марта месяца 22-го года. В Херсоне собирают платежи за коммуналку за июнь – август. В Херсоне стригут с людей бабки за вывоз мусора, который не вывозят.

Ждун – это раб. Ему нравится его рабство. Он не готов бунтовать. Он обожает хозяина и его кнут. Каждый раз, когда ждун кричит СУГС, слышится: «Хозяин, ограбь меня ещё сильнее!». Когда ждун размахивает державным прапором – это он машет своим ошейником. Каждый раз запевая гимн, он славит своё скотское положение. Он поёт оду себе: я платил, плачу и буду платить всем, кто сильнее, хитрее, подлее меня. Самый страшный вид рабства – это добровольное рабство.

Ну ничего, дорогие ждунки, мы выдадим из вас это рабство, по капле, понемногу. Выдадим.

Хочу поговорить с вами о женщинах Таврии. Об их глазах, о неторопливых движениях, глазах, полных добра и любви... В общем, о женщинах и о том, что их по-настоящему украшает.

Так случилось, что второе утро без Херсона я встретил в Цурюпинске на левом берегу Днепра, первую половину дня провел по сёлам у дельты Днепра, после обеда был в Геническе, а вечер провёл в Джанкое. И вы не поверите, но везде были женщины. Всё это были наши таврийские женщины. Все они были прекрасны. И все удивительны. И все по-разному смотрели на белый свет.

В Алёшках идут напряжённые артиллерийские дуэли, в городе пахнет дымом и порохом. Поэтому глаза у местных женщин, закопчённые тревогой за детей и мужей. Они смотрят на этот мир с долей скепсиса – что ещё это подлое военное время преподнесёт их семьям в качестве «подарка». Они ждут мира и победы. Они хотят отпускать детей на улицу, не боясь, что украинский снаряд превратит их сына или дочь в «донецкий бургер». Они хотят встречать своих мужей с работы, обнимать их и кормить обедом, не прислушиваясь к каждому прилёту. Станные желания по нынешним временам. Но именно этого хотят женщины из города у плавней.

Чего хочет прекрасная половина человечества в сёлах у дельты Днепра? Мира и победы. А также нормального быта. Хотят приличных зарплат для мужей, хотят ремонта в школе. Хотят будущего для своих детей. Хотят, чтобы дети вернулись из Польши, а внуки не уезжали на заработки. Хотят, чтобы в их плодородную землю вложили денег, а их урожаи нашли справедливый сбыт. Женщины там ходят не с закопчёнными глазами. Их глаза полны тревоги о будущем их семей. Они так же красивы, как и женщины в Алёшках, но красота их другая...

А Геническ? Город переполнен красавицами. Это беженцы со всей правобережной Херсонщины и Николаевщины. Они ходят по улицам, ездят в автомобилях, выглядывают из окон домов и учреждений. Их глаза подёрнуты нервной плёнкой злой печали. Они хотят, как любая женщина, иметь свой дом, свой очаг. Именно свой. Не кров, предоставленный добрыми людьми, не временный приют. Свой дом. Для своей семьи. Они его потеряли. Поэтому их движения нервные, а улыбки как будто застыли во вчера. Вчера, они это помнят, был дом. Сегодня его нет. А он должен быть! Их слова резкие, как брошенный камень. Их смех жесток.

И наконец крымский север, Джанкой. Те же женщины. Они так же прекрасны. Их улыбки, их глаза, их поворот головы. Всё такое же, как в Алёшках. Или нет? Они говорят с тобой на том же языке, что и в Геническе, но тебе не больно от их смеха. Они не переживают о будущем своих детей и судьбе своих мужей. Потому что уверены, что всё будет так, как надо. Они идут по чистым улицам и освещённым бульварам во всём своём великолепии. Они эталон русской женщины. Почему? Потому что их украшает мир. Мирная жизнь, лучшая косметика. Мирная жизнь – это подарок лучше бриллиантов на пальцы и в уши. Мир – это красиво. Мир украшает женщину.

Нашим женщинам нужен мир. А нашим мужчинам? Победа. И тогда придёт счастливое завтра. Все вернутся. Всё вернётся. Надо только вернуться в Херсон. В Николаев. В Одессу. В Киев.

Я очень хочу пройти по улице Ушакова, прийти на набережную у «Фрегата» и, посмотрев на то место, где во сне я видел блокпост ВСУ, увидеть ларёк, продающий мороженое, сласти и сувениры. Это вернёт мне душевное спокойствие. Это победит мой страх... Я пройду по городу и буду здороваться с каждым платаном, который встречу по дороге. Я не буду обнимать их, как шукшинский Егор Прокудин обнимал берёзы, признаваясь в любви к своей земле. Платан дерево серьёзное, не любит он этих нежностей. Но перед каждым я пошепчу имена погибших товарищей и отдам воинский салют. И так закончится первая из книг о

Платании. И наши танки пойдут освобождать русский город Хаджибей. Они пойдут туда, где их ждут, к западу от лета у самого Чёрного моря.